

М. П. ЕВСЕЕВ

**В. И. ЛЕНИН—
КРИТИК
ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМА**

Издательство Томского университета
Томск — 1970

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУЙБИШЕВА

М. П. ЕВСЕЕВ

В. И. ЛЕНИН—
К Р И Т И К
ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМА

Издательство Томского университета
Томск — 1970

В этой книге систематизированы и рассмотрены в плане истории экономической мысли основные критические выступления В. И. Ленина против буржуазных и мелкобуржуазных теорий социализма, а также против зарождавшейся «советологии». Книга представляет интерес для изучающих и пропагандирующих ленинское теоретическое наследие, политэкономию социализма и историю экономических учений.

**Научный редактор — доктор экономических наук,
профессор А. П. Бычков**

Предисловие

Научная литература о В. И. Ленине поистине огромна. Кажется, сказано и осмыслено буквально все. Между тем Лениниана непрерывно пополняется. И в этом ничего удивительного нет. Ленинское идейно-теоретическое наследие настолько велико и многообразно, что каждое последующее поколение борцов за коммунизм, стремясь разрешить свои собственные задачи, советуясь с Лениным, находит у него все новые, важные для себя мысли и указания. Новейший человеческий опыт, каждый крупный поворот истории проливают новый свет на ленинское наследие, дают возможность подойти к нему с более высоких позиций, заставляют по-новому сверкать многие грани гениальной ленинской мысли. И то, что раньше ускользало от внимания или представлялось побочным, эпизодическим, вдруг в новых условиях приобретает громаднейший вес, становится крупным фактором идейно-политического развития.

В. И. Ленин, как и К. Маркс, отрицательно относился к беспочвенному изобретательству, фантазированию насчет деталей будущего социального строя, которые заранее предвидеть невозможно. Поэтому в его произведениях критика экономических схем, моделей социализма, выдвинутых буржуазными и оппортунистическими деятелями, естественно, не занимала большого места. Ведя страстную непреклонную борьбу с враждебной пролетариату идеологией, В. И. Ленин главный упор делал на разоблачение практически-политической платформы буржуазных теоретиков, реформистских взглядов на капиталистический строй и на переход от

капитализма к новому обществу. Однако и выступления против псевдосоциализма составляют весьма существенную, чрезвычайно важную часть ленинского критического наследия. В этих выступлениях содержатся, во-первых, сформулированные в негативной и позитивной форме мысли В. И. Ленина об экономической организации будущего общества, во-вторых, ориентиры, указания, аргументы для критики любых, в том числе, прежде всего, псевдосоциалистических построений, получивших особенно широкое распространение после второй мировой войны.

Антикоммунизм и антисоветизм — гнилое, но коварное оружие классовых врагов пролетариата. Оно разит тем сильнее, чем пассивнее и примитивнее наша борьба с ним. Было бы наивной, хвостистой позицией ожидать, когда антикоммунизм исчезнет сам собою, под ударами действительности. «Интересы социализма и коммунизма, — указывается в резолюции XXIII съезда партии по отчету ЦК КПСС, — требуют повышения революционной бдительности коммунистов, всех советских людей, разоблачения идеологических диверсий империализма против Советского Союза и других социалистических стран». Изучение ленинского критического наследия является вернейшим средством усиления наступательной, эффективной борьбы с антикоммунистическими измышлениями буржуазии.

Первыми научными критиками экономических концепций псевдосоциализма являлись К. Маркс и Ф. Энгельс. Продолжая их идейно-революционные традиции, В. И. Ленин внес новый вклад в разоблачение многих квазисоциалистических теорий, а также в борьбу с зарождавшейся в его время «советологией». Заслуги Владимира Ильича в данном отношении заключались в развитии, обогащении научно-критического метода Маркса, в творческой разработке новых теоретических проблем социалистического способа производства и в критическом анализе, оценке отдельных течений и идей псевдосоциализма.

Советские исследователи, занимающиеся критикой современных буржуазных и мелкобуржуазных теорий социализма (И. Дворкин, Н. Каратаев, А. Леонтьев, А. Пашков, С. Хавина, В. Цага, Ф. Полянский и др.)

широко и успешно используют в своих трудах и научную методологию, и положительное учение социализма, и высказывания об отдельных псевдотеориях, разработанные Марксом, Энгельсом, Лениным. Такой подход к наследию классиков закономерен и оправдан со всех точек зрения. Он дает возможность вернее и глубже раскрыть классовую сущность, вульгарный характер современных псевдосоциалистических теорий и в то же время убедительно демонстрирует непреходящее значение марксистско-ленинского учения — боевого идейного оружия пролетариата.

Не меньший, живейший интерес представляет и другой подход к ленинским высказываниям о псевдосоциализме — исследование их в целостном, систематизированном виде на фоне и в связи с историческим процессом эволюции буржуазных и оппортунистических концепций социализма конца XIX — начала XX веков. Связное, компактное рассмотрение соответствующих положений, оценок Ленина чрезвычайно поучительно как в методологическом отношении, ибо позволяет лучше уяснить специфику применения диалектико-материалистического метода к критике именно псевдосоциалистических теорий, так и в биографическом отношении, — благодаря ему создается более обобщенное, а не отрывочное, фрагментарное, представление о В. И. Ленине как критике псевдосоциализма. Все это позволяет полнее раскрыть значение Ленина в истории экономических, социалистических учений.

В советской экономической литературе не существует работы, дающей монографическое исследование теоретических заслуг нашего вождя в борьбе с псевдосоциализмом. Имеющиеся отдельные главы (в сводных трудах о Ленине и по истории экономической мысли) по целям своим и характеру изложения не восполняют вполне указанного пробела.

Предлагаемая вниманию читателя работа не претендует на исчерпывающее разрешение всех исследовательских задач, связанных с выяснением значения В. И. Ленина в критике экономических теорий псевдосоциализма. Помимо отдельных наблюдений методологического порядка, в ней вкратце рассматриваются лишь основные критические выступления Владимира Ильича по

данному вопросу и попутно, в виде небольших экскурсов, характеризуется значение ленинской теории социалистической экономики для борьбы с современным антикоммунизмом. Создание исчерпывающего монографического исследования о Ленине — критике псевдосоциализма — задача будущего.

Рукопись книги обсуждена в секторе истории советской экономической мысли Института экономики АН СССР. Автор приносит сердечную благодарность зав. сектором члену-корреспонденту АН СССР А. И. Пашкову и кандидатам экономических наук В. В. Орешкину, К. Т. Плицыной, Л. В. Тумановой, Н. К. Фигуровской, М. В. Камушкиной, Н. С. Шухову за важные и полезные замечания, сделанные при обсуждении.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ

Одной из давнишних и модных до сих пор буржуазных идей является утверждение, будто наука и идеология несовместимы друг с другом, а экономическая теория, поскольку она научна, не имеет отношения к идеологии и, следовательно, ее изучение подчинено совершенно иным принципам, чем изучение идеологических явлений¹⁾. О том, почему идеология и наука «совместимы», мы скажем позднее. Здесь же отметим лишь, что любая экономическая концепция, сколь много места не отводилось бы в ней простым факторам производства и моментам, равно присущим всем типам хозяйства, включает в себе органически мировоззренческую основу, имеет классовый характер (в классовом обществе) и, следовательно, не может не относиться к области идеологии. Этим, собственно, экономические учения всегда отличались от технических идей, которые действительно могут целиком восприниматься различными эпохами, классами, государствами и в этом смысле не знают ни

¹⁾ Так, еще М. Туган-Барановский заявлял: «Не существует двух политических экономий — буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народном хозяйстве»; «политическая экономия далеко не есть простое идеологическое отражение классовой борьбы... Интересы рабочего класса могут быть противоположны интересам капиталистов, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочего. Законы логики общеобязательны и самый сильный интерес не может не склониться перед ними» («Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма». Изд. 2, СПб., 1905, стр. 199). Также думают и современные буржуазные экономисты. «Economics как положительная наука, — читаем мы, — этически, а следовательно, и политически — нейтральна» (G. J. Stigler. Essays in the History of Economics. Chicago, 1965, p. 52).

социальных, ни государственных границ. Отсюда ясно, что научный анализ и оценка экономических, в том числе псевдосоциалистических, теорий должна осуществляться на основе тех же методологических принципов, как и анализ и оценка любых общественных взглядов. Проблема заключается только в том, чтобы правильно применить общие требования научной методологии к изучению данного конкретного идеологического материала, специфику которого невозможно отрицать. Несомненно, здесь перед исследователем возникает ряд дополнительных вопросов, требующих творческого разрешения, но лучшей школы, способной помочь разрешить их, чем школа марксизма-ленинизма, не существует.

Впервые с необходимостью критики мнимосоциалистических концепций В. И. Ленин встретился в 90-х годах. В ту пору русские марксисты вели напряженную борьбу с либеральным народничеством, которое имело репутацию социалистического течения. Взгляды на социализм в доктрине народников занимали видное место. И В. И. Ленин, анализируя их доктрину в целом, одновременно останавливался на критическом разборе социалистических воззрений «друзей народа». Поскольку борьбе с народничеством посвящена большая часть ленинских работ 90-х годов, а полемика в них развивается в различных направлениях, на широком литературном фоне, критик псевдосоциализма находит здесь богатую пищу для наблюдений и размышлений об общих принципах анализа общественных идей и их конкретном приложении к критике мнимосоциалистических теорий.

Знакомство с ленинскими трудами против народников показывает, что применяемая в них методология критики противоположна буржуазным приемам, основанным на идеализме и метафизике. В. И. Ленин твердо и неуклонно руководствуется методом Маркса — учением диалектического и исторического материализма²⁾.

²⁾ Это лучше всего доказывает вздорность утверждений иных философов и социологов, объявляющих Ленина идейным наследником анархизма, синдикализма, последователем Бланки, Маккиавелли, — словом, кого угодно, только не Маркса (См. примеры: «Вопросы философии», 1966, № 2, стр. 132). Пора бы, видимо, научиться нашим идейным противникам писать о В. И. Ленине с большим чувством реализма.

Немарксистские исследователи, как известно, меньше всего заботятся о выяснении «земных корней», т. е. объективных материальных источников происхождения идей, а развитие мысли изображают зачастую как простую «филиацию идей» (существование одних идей объясняют исключительно на основе других идей), пренебрегая при этом их классовым анализом. В. И. Ленин, напротив, в каждом случае стремится вскрыть материальное основание экономических концепций в современных им общественно-экономических отношениях, показывает зависимость эволюции идей от изменения материальных условий жизни, развития классов и классовой борьбы³).

Чтобы «объяснить» народнические взгляды, В. И. Ленин проводит тщательную исследовательскую работу, оказавшуюся не под силу Г. В. Плеханову, видному критику народничества, по изучению социально-экономических процессов русской жизни в пореформенный период. Экономическая отсталость России, живучесть крепостнических пережитков, произвол царизма, наличие крестьянской общины, наступление капитала на мелкое производство и т. д., — все это определило в конечном счете специфическую форму программы и идеи народнического социализма. В. И. Ленин не отрицает идейных источников, связь народнических взглядов с предшествующими учениями (С. Сисмонди, А. Герцена) глубоко прослеживает, но главную решающую роль в их формировании отводит экономике, условиям классовой борьбы⁴). Благодаря этому ему удалось точно доказать несостоятельность представлений как самих народников, считавших свои идеи продуктом «чистой мысли», так и П. Струве, видевшего корни народнического учения в славянофильстве. «Источник» на-

³) «Было бы отступлением от материалистического метода, — писал В. И. Ленин, — если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их материальное основание в современных наших общественно-экономических отношениях» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 238).

⁴) Ф. Энгельс замечал, что и там, где экономика ничего не создает заново, «она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 37, стр. 420).

родничества, — пишет В. И. Ленин, — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России»⁵⁾, «... сущность народничества: в протесте против крепостничества (стародворянское наслоение) и буржуазности (новомещанское) в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя»^{5а)}.

Читая В. И. Ленина, историк общественной мысли легко заметит, что в его трудах анализ «земных корней» народничества не сводится к краткой справке об уровне техники, состоянии хозяйства, как это обычно делается представителями вульгарного материализма. Ленин рисует полнокровную картину жизни всей общественно-экономической формации. В то же время, что важно отметить в методическом отношении, Ленин не считает целесообразным в каждой новой работе о народничестве выделять специальный раздел с характеристикой эпохи. Поскольку исследование социально-экономического фона проведено однажды, важно каждый раз исходить из него, но не обязательно повторять его.

Народники, которые были субъективистами в социологии, отрицали классовый характер своих воззрений, в том числе учения о социализме. Когда В. И. Ленин назвал их мелкобуржуазными идеологами, они восприняли это как полемическую выходку и решительно протестовали. В работах «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма» и др. В. И. Ленин еще раз вернулся к классовому анализу народничества и сделал непреложный вывод: все народнические идеи, включая взгляды на социализм, суть не что иное, как отражение интересов производителей с точки зрения мелкого буржуа. И дело заключалось не в том, что сами народники будто бы являлись мелкими буржуа, лавочниками. По своему образованию, роду занятий они были весьма далеки от мелких буржуа. Но представителями этого класса их делало то обстоятельство, что «их мысль, говоря словами Маркса, не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они при-

⁵⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 413.

^{5а)} Там же, стр. 355.

ходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между **политическими и литературными представителями** класса и тем классом, который они представляют»⁶).

И в самом деле: как мелкий производитель в России жаждал избавления от помещичьей кабалы, так и народник критиковал, отвергал крепостничество; как мелкий производитель страшился конкуренции, крупного капитала, так и народник бичевал капитализм, считал его упадком, регрессом, сочинял теории, «доказывающие», будто в России капитализм развиваться не может; как мелкий производитель, разобщенный и изолированный условиями своего производства, не в состоянии был понять классового характера того угнетения и той эксплуатации, от которой он страдал, так и народник этого не понимал, отрицал классовый характер государства, права, идей⁷).

Социализм народников являлся естественным продуктом мелкобуржуазного восприятия российской действительности. Это был крестьянский социализм, идею которого выдвинул А. И. Герцен. Считая экономический строй России «самобытным» (наличие крестьянской общины, «народного производства» и т. п.), народники мечтали о том, что России удастся миновать капиталистическую фазу развития и с помощью общины сразу вступить в социализм. Движущей силой социалистических преобразований они считали общинное крестьянство, русского мужика объявляли коммунистом по инстинкту, а общину трактовали как готовую ячейку социализма. «Общинное землевладение, — писал народник Н. Даниэльсон, — есть одно из основных материальных условий, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства»⁸). Несмотря на то,

⁶) К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в трех томах. Т. 1, М., 1966, стр. 450. Эти слова В. И. Ленин цитирует в работе «К характеристике экономического романтизма». ПСС, т. 2, стр. 216.

⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 266.

⁸) Николай — он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. «Слово», октябрь, 1880, СПб., стр. 344.

что отдельные представители народничества правильно указывали некоторые черты будущего строя (признание необходимости крупного производства, общественной собственности), народнический идеал социализма в целом не шел дальше общины, уравнительного землепользования, поддержки артельно-кустарного производства. Во всем этом, указывал В. И. Ленин в связи с характеристикой Герцена, «нет ни грана социализма. Это—такая же прекраснородушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе»⁹⁾. «Социализм» народников оказывался на поверку мелкобуржуазной идеей¹⁰⁾.

Коренным положением марксистской методологии анализа общественной мысли является принцип историзма—требование изучать и оценивать общественные идеи и взгляды в той конкретно-исторической обстановке, в которой они существуют¹¹⁾. Руководствуясь им в

⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

¹⁰⁾ При рассмотрении ленинской методологии классового анализа идей обращает на себя внимание следующий момент. В. И. Ленин фактически различает **социальное** содержание идей—то, к какому общественному результату привело бы осуществление их в данной исторической обстановке, и **классовую** направленность их—то, интересам какого класса они служат. Это разграничение обусловлено тем, что одна и та же социальная тенденция может быть реализована в той или иной мере различными классами. Так, осуществление программы декабристов, равно как и программы революционных демократов в России XIX века привело бы к ускорению буржуазного развития. Тем не менее В. И. Ленин не называет указанных деятелей буржуазными идеологами, буржуазными революционерами. Декабристы, по его оценке,—дворянские революционеры, а разночинцы—крестьянские революционеры. Ни декабристы, ни революционные демократы не являлись выразителями классовых интересов русской либеральной буржуазии, страшившейся революции. Выразителями классовых интересов последней выступали либералы. «Либералы,—писал В. И. Ленин,—были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией» (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175).

¹¹⁾ Специально о трактовке и применении этого принципа см.: В. В. Иванов. Принцип историзма в произведениях В. И. Ленина 90-х годов. Введение, 2, 3 главы, Томск, 1966.

критике народничества, В. И. Ленин устанавливает существенное различие между ранними (60—70 годов) и поздними народниками. У ранних народников была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был слабо развит и классовые противоречия внутри крестьянства едва намечались. Громадная историческая заслуга ранних народников состояла в том, что они шли с революционной проповедью в народ. «Несмотря на то, что они шли под знаменем теории, которая была в сущности неревOLUTIONна, - их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу»¹²⁾.

Либеральные народники, к которым принадлежала большая часть народников 80—90-х годов, утратили хорошие стороны революционного народничества, крепко ухватились за его ошибки, прекратили политическую борьбу с царизмом и стали, в сущности, идеологами мещанства. «Они не только просят правительство, — пишет В. И. Ленин, — не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы»¹³⁾.

Различие политической позиции ранних и поздних народников оказывало влияние и на характер их социалистических идей. Вместо довольно цельной последовательной теории, которая вдохновляла передовых людей на борьбу с царизмом и крепостничеством, «социализм» либеральных народников проявился как «вульгарный социализм», «бледно-розовый квазисоциализм»¹⁴⁾. Народники, пытаясь придать больший вес своим идеям, нередко щеголяли научной марксистской терминологией (Эфруси). Отбрасывая мишуру слов и обнажая подлинный классовый смысл теорий, В. И. Ленин устанавливал

12) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 39.

13) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 269.

14) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 46, 47.

ливал, что народничество — не марксистское и не пролетарское течение, что вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века (писано в 1905 году) есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом¹⁵⁾.

В. И. Ленин не ограничивается разоблачением мнимосоциалистического характера доктрины народников. В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он отмечает, что разобраные мелкобуржуазные теории являются, безусловно, реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий. Но если установлено, что на самом деле ровно ничего социалистического в них нет, то встает вопрос, как нужно отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И Владимир Ильич поясняет, что на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса¹⁶⁾.

В противовес Г. В. Плеханову, который считал народничество сплошь реакционным течением, В. И. Ленин подчеркивает наличие в доктрине народников двух сторон — прогрессивной (общедемократические требования борьбы против крепостничества, средневековья) и реакционной (попытка задержать, повернуть назад общее развитие страны). Требование ликвидации остатков крепостничества не есть требование социалистическое, но устранение этих остатков облегчает борьбу рабочего класса против капитала. Поэтому, указывает В. И. Ленин, марксисты должны, отвергнув все реакционные

¹⁵⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40. Взгляды народников по коренным теоретическим и практическим вопросам совпадали или перекликались со взглядами французского мелкобуржуазного экономиста начала XIX в. С. Сисмонди. Объясняя, почему именно он пользовался особым «расположением» народников, В. И. Ленин проводит важную мысль: влияние одного идеолога на другого может быть не формальным, случайным, а глубоким, основательным лишь в том случае, если оба идеолога стоят на одинаковых классовых позициях. Народники подобно Сисмонди — экономисты-романтики; они ищут теоретических подтверждений своим мелкобуржуазным воззрениям. Вполне естественно, замечает В. И. Ленин, что «эти поиски приводят их к старому хламу, давным давно выброшенному Западной Европой» (Полн. собр. соч., т. 2, стр. 165).

¹⁶⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 298.

черты народнической программы, «не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше»¹⁷⁾.

В статье «Две утопии» (1912 г.) В. И. Ленин проводит интересное сопоставление социалистической утопии народников с утопией буржуазных либералов, которые надеялись добиться политических свобод при помощи союза с помещиками, никого не обижая. В. И. Ленин показывает, что утопия народников по своему историческому значению стоит выше, является более действенной, чем либеральная утопия. Утопия либералов вредна и тем, что она — утопия, и тем, что развращает демократическое сознание масс. Утопия же народников, развращая социалистическое сознание масс, в то же время является симптомом, спутником, отчасти выразителем демократического подъема трудящихся. Поэтому, пока Россия переживает эпоху буржуазного, а не пролетарского преобразования, утопия народников, отмечает В. И. Ленин, играет определенную историческую роль. Когда же вопрос об экономическом освобождении станет для России злободневным, ближайшим, непосредственным, «утопия народников окажется не менее вредной, чем утопия либералов»¹⁸⁾.

В подтверждение своей мысли В. И. Ленин ссылается на Энгельса, который писал: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле»¹⁹⁾.

«Ложный в формально-экономическом смысле, народнический демократизм, — говорит Ленин, — есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет нераз-

¹⁷⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 531. То обстоятельство, что русские коммунисты восприняли демократические требования народников, послужило поводом для вздорного утверждения, будто ленинизм произошел из народничества, а не только из марксизма. Критику этих измышлений см.: А. И. Пашков. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960, стр. 356, 359—360.

¹⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 119.

¹⁹⁾ Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 184.

рывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»²⁰⁾).

Из сказанного, таким образом, видно, что критика псевдосоциалистических теорий не должна и не может ограничиваться разоблачением или констатацией ошибочности, ненаучности их. Задача критика-марксиста — идти дальше, определить конкретно-историческое значение, классовый характер реального социального содержания, облеченного в форму псевдосоциализма. Данное ленинское указание незаменимо при анализе различных немарксистских теорий социализма, получающих распространение в крестьянских и в освободившихся странах в эпоху, когда на очереди дня стоят там задачи буржуазного, демократического преобразования. Именно в таких случаях естественно появление теорий, ошибочных в формально-экономическом смысле, но играющих прогрессивную роль в демократической борьбе народных масс за обновление, национальный подъем своей родины^{20 а)}).

Кроме работ 90-х годов, богатый и разнообразный материал с точки зрения теоретического обоснования методологических принципов и их конкретизации при анализе псевдосоциалистических экономических теорий, содержат ленинские произведения периода империализма и первых лет Советской власти.

В 1901—1923 годах замечательный теоретический гений Ленина развернулся в полную силу. Владимир Ильич усиленно занимался вопросами философии, политической экономии, теории и тактики рабочего дви-

²⁰⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 120.

^{20 а)} Взять, к примеру, «африканский социализм», под именем которого фигурируют различные теории — от близких к марксизму до феодально-патриархальных. В той мере, в какой эти теории выражают протест против иностранного господства, власти монополий и ориентируют движение масс по пути к прогрессу, на установление связей с социалистическими странами, они в данной конкретной обстановке играют положительную роль. Пропаганда «африканского социализма» способствует повышению престижа, авторитета идей социализма в массах. Не случайно на вопрос анкеты «какой строй Вы предпочитаете — капиталистический или социалистический?» 82% читателей тунисского еженедельника «Жен Африк», ответивших на анкету в канун 1967 года, высказались за социализм. Об «африканском социализме» см.: «Проблемы мира и социализма», 1966, № 2, стр. 57—61.

жения. Его творческая деятельность оказалась настолько плодотворной и значительной, что ознаменовала собою целую эпоху в истории марксизма и всего интеллектуального развития человечества.

В философских и социологических работах этого периода («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция» и др.) В. И. Ленин поднял на новую, высшую ступень учение диалектического и исторического материализма, дал глубокую критику многих субъективистских и механистических концепций своего времени²¹). С точки зрения методологии критики псевдосоциализма важно подчеркнуть значение ленинского вклада в теорию исторического материализма и в разработку таких категорий, как объективное и субъективное, общее и особенное, сущность и явление, форма и содержание, необходимость и случайность, детерминизм и свобода, антагонизм и противоречие, реформа и революция, базис и надстройка и т. п. Именно неправильная трактовка перечисленных категорий служит одной из причин, по которой буржуазные и оппортунистические теоретики дают ошибочные изображения социализма и советской действительности. Ценность ленинских определений этих категорий повышается в силу того, что они, как правило, конкретизированы, рассмотрены на материале из области общественных отношений.

В трудах В. И. Ленина историк-марксист находит немало четких реалистических указаний по истолкованию и применению принципов научной методологии. Трудно переоценить, например, значение ленинских замечаний о необходимости «конкретного анализа конкретной ситуации», о том, что «все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность»²²), что «лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без ис-

²¹) О ленинском вкладе в философию и социологию марксизма см.: «История философии», т. V, гл. I—IV. АН СССР, М., 1961; т. VI, кн. I, гл. II, М., 1965; И. Д. Панцхава. Ленинский этап в развитии марксистской философии. М., 1960; «Ленин как философ». Под ред. М. М. Розенталя. М. 1969.

²²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 136; т. 30, стр. 5

ключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса»²³) и др.

В экономических работах этого периода, значительная часть которых посвящена аграрному вопросу, анализу империализма, исследованию экономики и политики переходного периода от капитализма к социализму, В. И. Ленин с марксистских позиций изучил и оценил новые процессы социально-экономического развития современности и обогатил марксистское экономическое учение целым рядом крупных научных открытий. Достаточно указать, что в этих произведениях Ленин разработал научную теорию монополистической стадии капитализма, дал теоретическое обоснование экономической программы Октябрьской революции, заложил фундамент политической экономии социализма — нового раздела марксистской политэкономии. При этом В. И. Ленин дал острую и глубокую критику большого числа буржуазных и оппортунистических экономических теорий по всем указанным вопросам.

С точки зрения критики псевдосоциализма экономические работы В. И. Ленина особенно важны в следующих отношениях.

Во-первых, в смысле изучения социальных, классовых источников формирования взглядов. Новейшие псевдосоциалистические концепции учитывают (негативно или позитивно) изменения в экономике современного капитализма, а тем более — наличие и опыт хозяйственной деятельности СССР. Исследования, проведенные в этом направлении В. И. Лениным, позволяют точно установить связь псевдосоциалистических концепций с явлениями монополистического капитализма, с интересами общественных классов в новую эпоху.

Во-вторых, в смысле установления научных критериев конкретно-исторической оценки буржуазных и мелкобуржуазных теорий социализма. Сложность идеологического явления, обусловленность его многоразличными факторами, подвижность «граней» в общественной

²³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

жизни и т. д. порождают у исследователя естественную потребность в аналогиях, ориентирах, желание опереться на авторитетные свидетельства в истолковании незнакомых теоретических конструкций. Примеры, критерии, которые на этот счет содержатся в трудах В. И. Ленина — непревзойденного мастера диалектики, — являются совершенно незаменимыми.

В-третьих, в смысле разрешения ряда дополнительных специфических задач, встающих в связи с анализом псевдосоциалистических теорий: необходимости разграничения научных и ненаучных экономических идей, определения возможностей предвидения будущего общественного строя, оценки отдельных теорий и т. п. Ленинские труды. — не только экономические, но и все другие, — помогая научному решению этих задач, предохраняют исследователя от субъективизма, конъюнктурщины, предвзятости в своих выводах и оценках.

Остановимся на некоторых моментах решения В. И. Лениным методологических проблем критики псевдосоциализма в указанный период.

В эпоху империализма широкое распространение в рабочем движении капиталистических стран получил реформизм различных оттенков. Классовый анализ этого явления имеет громадное значение, но и связан с определенными трудностями, порожденными внешним сходством его разновидностей. Как в данном случае реализуются В. И. Лениным требования материалистического метода?²⁴⁾

Борьбе с реформистской идеологией В. И. Ленин всегда уделял первостепенное внимание. Об этом свидетельствует длинный список работ, посвященных им полностью или частично критике реформизма. Назовем среди них: «Что делать?», «Марксизм и ревизионизм»,

²⁴⁾ Мы не рассматриваем конкретного содержания реформистских теорий. Критике их посвящена большая литература, в том числе — работы по критике реформистского «социализма». См., например, И. В. Алешина. Критика реформистских теорий «социализма». МГУ, 1958; В. В. Александров. В. И. Ленин о социальной сущности и корнях оппортунизма в международном рабочем движении. М., 1959; Истоки современного ревизионизма и его буржуазная сущность. Сборник под редакцией Ф. Я. Полянского. МГУ, 1961; Правые социалисты — против социализма. Под ред. Л. А. Леонтьева. М., 1960.

«Марксизм и реформизм», «Империализм и раскол социализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и т. п.

Различие между марксизмом и реформизмом, по Ленину, заключается не в том, что один — против, а другой — за реформы. Марксисты, как известно, тоже признают борьбу за реформы, т. е. за такие улучшения в положении трудящихся, которые оставляют власть по-прежнему в руках господствующего класса. «Но вместе с тем марксисты ведут самую решительную борьбу против реформистов, которые прямо или косвенно ограничивают стремления и деятельность рабочего класса реформами»²⁵⁾.

Гносеологически реформизм, как и плоский вульгарный эволюционизм, делает ошибку, абсолютизируя одну из форм движения — медленное, постепенное развитие. В действительности же реальный процесс эволюции дополняется и форсируется революциями — настоящими «локомотивами истории». Поэтому марксизм, признавая революцию, гносеологически стоит неизмеримо выше любого реформистского течения. Что касается политической стороны вопроса, то реформизм, сводя все к борьбе за мелкие улучшения, «пяточковые уступки», оправдывает сохранение на неопределенно долгий срок старых порядков, сдерживает революционную энергию масс и поэтому, независимо от субъективных намерений его идеологов, означает «буржуазный обман рабочих»²⁶⁾.

В тесной связи с отношением к реформе стоит и различная трактовка марксистами и реформистами вопроса о характере и значении парламентских методов борьбы, мирной формы перехода от капитализма к социализму.

В речи на торжественном заседании Московского Совета 6-го марта 1920 года В. И. Ленин говорил, что теперь, после опыта русской революции и деятельности Либкнехта в Германии, «нелепо отрицать революционное использование парламентаризма»²⁷⁾. Важная мысль.

²⁵⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 1.

²⁶⁾ Там же.

²⁷⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 207.

высказана им в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916), где говорится: «нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы»²⁸⁾.

Марксизм, таким образом, не отрицает возможности использования в благоприятной обстановке парламентских методов и мирного перехода к социализму — при том неприменимом условии, что эти методы выражают революционное содержание, т. е. служат ломке старой экономической и политической структуры общества. Позиция реформистов в этом вопросе характеризуется оппортунистичностью: в мирном переходе и парламентаризме они видят единственную форму, отказываются от революционного использования ее. И здесь, как видно, различие между марксизмом и реформизмом заключается не в том, что один отвергает начисто, а другой признает мирный путь, парламентские методы (как это частенько изображалось у нас до XX съезда КПСС), а в том, что для марксизма эти методы являются формой революции, а для реформизма — формой крохоборческого эволюционизма, сотрудничества с буржуазией. Из сказанного понятно, почему признание компартиями некоторых стран (Франция, Англия, Италия) возможности мирного парламентского пути завоевания власти несколько не делает их реформистскими^{28а)}. Это объяс-

²⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 122.

^{28а)} Генеральный секретарь французской компартии Вальдек Роше в статье «Октябрьская революция и современное рабочее движение» пишет: «Естественно, когда мы заявляем о возможности мирного перехода от капитализма к социализму в условиях многопартийной системы и использования подлинно демократического парламента, это не означает, что можно прийти к социализму без классовой борьбы, без мобилизации всех сил рабочего класса и его союзников. Напротив, нужно исходить из марксистской идеи о том, что крупная буржуазия никогда по доброй воле не откажется от власти, ибо в противном случае мы помогли бы сохранению опасных иллюзий среди трудящихся» («Правда», № 114, 24 апреля 1967 года).

няет также, почему реформистские социалистические партии, придя к власти (Англия, Швеция), прекрасно уживаются с буржуазной системой и не делают реальных шагов к социализму, хотя и утверждают, будто работают на социализм, на «государство всеобщего благоденствия»²⁹⁾.

При всем том было бы неправильно реформизм в рабочем движении отождествлять с заурядным реформаторством чисто буржуазных правительств. Отличительная черта реформизма в рабочем движении состоит в том, что он выступает под флагом социализма, в реформах видит (субъективно) путь к установлению в будущем той или иной разновидности социалистического строя. Что понимается при этом под «социализмом» — это особый вопрос и, забегая вперед, следует отметить, что подлинно социалистического в общественном идеале реформистов весьма немного, если не сказать сильнее. Тем не менее при всей своей близости к буржуазному либерализму реформизм в рабочем движении вынужден в своих программах точнее отражать текущие экономические требования рабочих, рекламировать себя как противника буржуазного строя и выступать более смело, радикально по вопросам реформирования жизни, нежели это делают буржуазные либералы. Данное обстоятельство, между прочим, открывает возможность в некоторых случаях контактирования и компромисса коммунистов с реформистами (правыми социалистами). Но это зависит не только от пожеланий коммунистов³⁰⁾.

К выяснению социальной основы и классового характера реформизма В. И. Ленин подходит конкретно — исторически. Вслед за Марксом и Энгельсом он указывает, что реформисты не могут представлять коренные интересы рабочего класса, борющегося за наиболее быстрый революционный метод избавления от капита-

²⁹⁾ Защитники буржуазного строя именуют его «государством всеобщего благоденствия» (Программа КПСС, М., 1961, стр. 52).

³⁰⁾ В упомянутой выше статье Вальдека Роше по этому поводу подчеркивается: «Мирный переход к социализму во Франции... предполагает определенные условия, касающиеся других демократических партий. В частности, необходимо, чтобы социалистическая партия окончательно отказалась от политики классового сотрудничества с буржуазией и перешла к политике действительной борьбы за демократию и за социализм» («Правда», 24 апреля 1967 года).

лизма. Является ли реформизм отражением незрелости политического сознания отсталой части рабочих или идеологией довольной, «сытой» прослойки пролетариев, — он неизменно характеризуется примиренчеством, соглашательством. «Оппортунизм, — пишет В. И. Ленин, — есть принесение в жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата»³¹⁾.

Социальная база реформизма не является во всех случаях одной и той же. В XIX веке она была представлена в основном мелкобуржуазными слоями. К. Маркс и Ф. Энгельс не раз отмечали неизбежность появления реформистских иллюзий в рабочем движении стран, мещанских по преимуществу³²⁾. На мелкобуржуазный характер оппортунистического ревизионизма указывал и Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм»: «Мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий»³³⁾. В XIX веке только в Англии — богатейшей колониальной державе того времени — реформизм опирался в большой мере на обуржуазившийся слой рабочих, так называемую «рабочую аристократию». В XX веке влияние мелкобуржуазных элементов, притекающих в ряды пролетариата, сохраняется. Но типичные формы современного реформизма опираются в основном уже не на незрелость социалистического сознания отсталых рабочих, а на буржуазную развращенность привилегированного слоя пролетариата — «рабочей аристократии» и «рабочей бюрократии». Не случайно нынешние реформисты меньше всего защищают мелкое производство, уравнительность и другие идеалы крестьянина, кустаря, а стоят горой за крупное производство, акционерную форму, обобществление труда. И Ленин пишет: «Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала»³⁴⁾.

³¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 248.

³²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 277.

³³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.

³⁴⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 308.

В нашей литературе разграничение реформизма как проявления незрелости социалистического сознания и реформизма как идеологии обуржуазившегося слоя рабочих в должной мере не проводится, да и сделать это бывает весьма трудно, ибо обе эти разновидности реформизма тесно переплетаются, имеют общие черты. Однако нельзя не признать, что такое разграничение представляет немаловажный интерес и в смысле идейно-воспитательного влияния на различные слои пролетариата, и для уяснения специфики социального идеала, которым руководствуются реформисты, и для их исторической оценки. Одно дело — реформизм как показатель неразвитого политического самосознания отсталых рабочих, и другое дело — реформизм «сытой» прослойки рабочего класса империалистических стран, интересы которой подчас сливаются с интересами буржуазии.

Из ленинского метода классового анализа реформизма вытекает, что критик псевдосоциалистических теорий обязан быть предельно конкретным в своих оценках, не должен увлекаться внешним сходством явлений, а призван исходить из всестороннего исследования социально-экономических условий той страны, представители которой выдвинули «социалистическую» концепцию.

Важнейшее методологическое значение для критики псевдосоциалистических теорий имеет правильное решение вопроса о признаках, критериях, отличающих научные концепции социалистической экономики от псевдонаучных, а также решение вопроса о характере и пределах научного предвидения экономики будущего.

С первого взгляда кажется, что для определения социалистического или мнимосоциалистического характера какой-либо теории достаточно сопоставить ее с марксистскими представлениями о будущем социальном устройстве. Однако такой подход не всегда дает желаемый правильный результат.

Экономические теории, в которых под социалистическим ярлыком скрывалось несоциалистическое содержание, существовали и до Маркса. Рабовладельческий коммунизм Платона с научной точки зрения — явно не коммунизм. То же самое следует сказать о «социализме» феодальной аристократии начала XIX века, борющейся против нового властелина — буржуазии. Этот «социа-

лизм» заключался лишь в том, что, говоря словами Маркса и Энгельса, аристократия шептала на ухо буржуазии «более или менее зловещие пророчества» и «размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ³⁵⁾. Ничего истинно социалистического не было и в «христианском социализме», — этой, по определению Маркса и Энгельса, «святой воде, которую поп кропит озлобление аристократа»³⁶⁾. Поповский социализм пытался придать социалистический оттенок религиозному аскетизму, а это сделать было нетрудно, ибо еще раннее христианство ратовало против частной собственности и государства, проповедовало благотворительность. Мнимым в 30—40-х годах XIX века был и «социализм» части либеральной буржуазии, стремившейся к филантропии и реформаторству. Разрабатываемый иногда в целые системы, этот социализм сводился к попытке излечить отдельные недуги, сохранив в неприкосновенности устои буржуазного общества³⁷⁾.

В настоящее время, после Маркса и Энгельса, сомневаться в несоциалистическом характере указанных теорий не приходится. Но если подойти к ним конкретно-исторически, с точки зрения представлений домарковского периода, то мы должны будем признать, что пока не было установлено научно, что такое социализм, когда действительно социалистические учения (Сен-Симона, Фу-

³⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 3-х томах; т. 1, 1966, стр. 128.

³⁶⁾ Там же, стр. 129.

³⁷⁾ Понятие социализма в домарковский период вообще было весьма шатким, расплывчатым. На звание социалиста мог претендовать каждый, кто желал хоть какого-либо исправления общественного строя. Объясняя, почему «Манифест коммунистической партии» не был в свое время назван социалистическим манифестом, Ф. Энгельс писал: «В 1847 году под социалистами понимали двоякого рода людей. С одной стороны, приверженцев различных утопических систем, в особенности оуэнистов в Англии и фурьеристов во Франции, причем и те и другие уже выродились тогда в чистейшие секты, постепенно вымиравшие. С другой стороны, — всевозможных социальных знахарей, которые намеревались с помощью различных всеисцеляющих средств и всякого рода заплат устранить социальные бедствия, не причиняя при этом ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных классов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 3-х томах, т. 1, М., 1966, стр. 100—101).

рье, Оуэна) имели утопический характер, заключали в себе массу фантастического, то каким бы ни был домарксовский «социализм» — буржуазным, крестьянским, феодальным, утопическим, реакционным, ошибочным, представлял ли он простое кокетничанье социалистической фразой или отражал искреннюю веру, в будущий «золотой век» трудящихся, — он во всяком случае еще не ставил цели борьбы с научным социализмом, не противостоял ему, а потому, строго говоря, не может быть аттестован как псевдосоциализм.

Псевдосоциализм есть специфический метод, прием борьбы с социализмом, революционным рабочим движением, заключающийся в конструировании в противовес научному социализму квазисоциалистических схем, моделей, в жонглировании социалистической терминологией, в восхвалении средств и методов, которые фактически препятствуют движению к подлинному социализму. О псевдосоциализме мало сказать, что это ложный социализм, что он ошибочен, ненаучен. Характерный признак его — попытка выхолостить революционную душу социализма, превратить его в безвредную для буржуазии святую «икону», удушить его путем объятий с ним (Ленин). Псевдосоциализм есть сознательное, буржуазное или мелкобуржуазное извращение социализма, к беспощадной борьбе с которым (извращением) В. И. Ленин неоднократно призывал коммунистов³⁸).

Учитывая сказанное, возникновение псевдосоциализма в буржуазной политической экономии нельзя относить ранее, чем к 60—70-м годам XIX века³⁹). Именно к этому времени Марксом и Энгельсом были разработаны основы научного пролетарского мировоззрения, совершен революционный переворот в экономической науке, открыты коренные черты нового общественного строя, идущего на смену капитализму. Теория научного социализма, благодаря деятельности марксистских групп, а затем Международного товарищества рабочих (I Интернационала), получила широкое распространение и в соедине-

³⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 107, 108.

³⁹) Обычно называют дату: конец XIX — начало XX веков. См.: Новые явления в современной буржуазной политической экономии. Т. 1, М., 1962, стр. 206; И. В. Алешина. Фальсификаторы социализма, Л., 1963, стр. 29.

нии с рабочим движением стала большой идейно-политической силой. Это побудило буржуазных идеологов использовать, помимо прямого отрицания социализма, метод мимикрии, вести борьбу с рабочим классом, марксизмом под флагом лжесоциализма. При этом буржуазные экономисты не только создавали новые мнимосоциалистические модели, но и применяли старые, сформулированные в домарксовый период.

Кроме указанного исторического соображения, вследствие которого не всякую немарксистскую концепцию можно назвать псевдосоциалистической, существует еще одно обстоятельство, приводящее к такому же результату. Это — степень теоретической зрелости социальной концепции. В статье «Памяти Прошьяна» В. И. Ленин пишет: «Не про всех левых эсеров можно было сказать, что они социалисты, даже, пожалуй, про большинство из них сказать этого было нельзя. Но про Прошьяна это надо было сказать, ибо, несмотря на верность его идеологии русских народников, идеологии несоциалистической, в Прошьяне виден был глубоко убежденный социалист. По-своему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом, и мне не раз доводилось наблюдать, при совместной работе в Совнаркоме, как тов. Прошьян становился решительно на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров»⁴⁰).

Как видно, настоящим социалистом, без кавычек, В. И. Ленин называет и немарксиста, поскольку тот в своем развитии не останавливается на ошибочной концепции социализма; а растет (пусть сначала в понимании лишь отдельных вопросов) в направлении научного социализма, если он занимает правильную политическую позицию в борьбе за социализм. То же самое, по-видимому, следует сказать и о различных незрелых формах социализма в экономической теории. Если последние, несмотря на ошибочность трактовки ряда вопросов будущего устройства, исходят из глубокого социалистического

⁴⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384. На важное значение этой ленинской мысли для анализа незрелых форм социализма обращает внимание чехословацкий исследователь Вацлав Оплуштил. См.: Проблемы мира и социализма, 1966, № 5, стр. 69

убеждения, учитывают исторические, национальные особенности страны и правильно ориентируют движение масс в главном, основном на некапиталистический путь развития, их можно характеризовать как социалистические без кавычек.

Это положение чрезвычайно важно иметь в виду, например, при анализе некоторых теорий, входящих в состав так называемого «арабского социализма», «азиатского социализма», «африканского социализма». Поскольку такие теории, не будучи вполне научными, отражают интересы народных масс, вдохновляют их на борьбу против империализма, за социализм и в то же время не направлены против учения научного социализма, — их нельзя называть псевдосоциалистическими: в соответствующих странах в определенной конкретно-исторической обстановке они играют прогрессивную роль⁴¹⁾.

В современных условиях, когда возрастает количество «теорий» и оттенков социализма, громадное значение приобретает четкая формулировка научной социалистической концепции. Это становится тем более важным, что в самом коммунистическом движении делаются попытки разрушить научную концепцию. С одной стороны, ревизионисты, чтобы оправдать любые отступления от марксизма-ленинизма, выдвинули идею «национального коммунизма», согласно которой каждая страна должна будто бы иметь свой особенный, не похожий на другие, тип социалистического общества, соответствующий национальному «духу» данного народа. С другой стороны, представители «левого» оппортунизма и догматизма ополчились против творческого развития научного идеала социализма с учетом исторических, национальных условий. Это обстоятельство еще более обостряет вопрос о необходимости определения действительных критериев, признаков, по которым социалистическую концепцию можно отличить от псевдосоциалистической.

В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково,

⁴¹⁾ Сказанное, однако, не означает, что все идеи такого социализма имеют прогрессивный характер для государств национальной демократии.

каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁴²⁾.

Ясно, что при решении вопроса о признаках, отличающих социалистическую концепцию от псевдосоциалистической, нельзя исходить из моментов, имеющих преходящий, локальный или исторический характер, а нужно учитывать общие закономерности, черты строительства социализма, обязательные для всех стран. К числу положений, решаемых по-разному в различных странах, как видно из работ В. И. Ленина, документов братских партий, относятся: методы и сроки национализации земли, формы кооперирования мелких производителей, методы ликвидации капиталистических элементов города и деревни, лишение эксплуататоров избирательных прав (В. И. Ленин: это — «чисто русский вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще»⁴³⁾), однопартийная или многопартийная система, роль религии (для начальных этапов строительства социализма) и т. п. То, что страны народной демократии многие из отмеченных вопросов решили иначе, чем мы в СССР, нисколько не воспрепятствовало им успешно построить или близко подойти к построению настоящего социалистического общества. Ясно, что такие национальные, особенные моменты не могут входить в общезначимую научную модель социализма и не могут служить критерием для установления социалистического или псевдосоциалистического характера экономических концепций.

В трудах В. И. Ленина, коллективных документах КПСС и братских партий указаны общие закономерности строительства социализма, которые в совокупности и образуют общезначимую научную модель социализма, дающую единственно правильные критерии при решении вышеуказанного вопроса. К этим общим чертам социализма относятся: признание необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата, союза пролетариата с остальной массой трудящихся под руководством пролетариата, ядром которого явля-

⁴²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

⁴³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265.

ется марксистско-ленинская партия, ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства, социалистическое преобразование деревни, всеобщность и обязательность труда, планомерное развитие народного хозяйства, направленное на повышение жизненного уровня трудящихся, распределение фонда индивидуального потребления между членами общества в основном по результатам труда, а на высшей фазе — по потребностям, проведение революции в области идеологии и культуры, ликвидация национального гнета и установление братских отношений между народами, защита завоеваний социализма от внутренних и внешних врагов, пролетарский интернационализм в отношениях между социалистическими странами⁴⁴).

Данная научная концепция социализма характеризует наиболее зрелое с современной точки зрения представление о новом общественном строе. Поэтому при применении ее в критике немарксистских теорий необходимо учитывать, кроме отмеченных выше соображений, и неизбежный момент творческого развития, обогащения ее в процессе дальнейшего социалистического, коммунистического строительства.

Для второй половины XIX в. социализм был отдаленным будущим, в мире господствовал капиталистический строй. Между тем уже в ту пору сложилась научная концепция социализма, появилось немало буржуазных и реформистских теорий. Поскольку представления о социализме в дооктябрьский период складывались в значительной мере умозрительно, для оценки действительного характера тех или иных теоретических конструкций важно было правильно понимать условия и пределы научного предвидения экономики будущего общества. Ценнейший материал для уяснения этого вопроса дают труды В. И. Ленина⁴⁵). Интересные результаты получают при сопоставлении прежних научных

⁴⁴) Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. ГИПЛ, М., 1964, стр. 12—13.

⁴⁵) В философском аспекте ленинское наследие по этому вопросу рассматривается в книге: Ю. А. Васильев. В. И. Ленин и некоторые вопросы научного предвидения в общественной жизни. Гл. 2, Минск, 1962, стр. 55—120.

(и утопических) представлений о социализме с реальным социалистическим обществом, утвердившимся в настоящее время, и с новейшим опытом истории.

С попытками нарисовать подробную картину будущего общества в прошлом больше всего выступали, начиная с Т. Мора и Т. Кампанеллы, социалисты-утописты. Они не были историческими материалистами, не знали законов общественного развития, а поэтому не смогли правильно поставить вопрос о предвидении будущего экономического строя. Их пером водила ненависть к капитализму и вера в то, что «золотой век» трудящихся не позади, а впереди нас. «Социетарный строй» (общество индустриалов у Сен-Симона, гармонизм у Ш. Фурье, социализм у Р. Оуэна) им представлялся как общество, противоположное во всем буржуазному строю. Рассчитывая создать новое общество путем убеждения (и словом, и примером — созданием социалистических ячеек), они старались живописать будущее устройство возможно ярче, привлекательнее и детально. При этом социалисты-утописты высказали ряд гениальных догадок и предположений, оказавшихся правильными (общее ведение хозяйства, плановость, соревнование в труде, соединение промышленности с земледелием, перемена труда и др.). Но в их рассуждениях о будущем гораздо больше было фантастического, иногда наивного. Фурье, например, любивший арифметические характеристики, указывал для хозяйственной ячейки будущего (фаланги) и количественный состав населения, и размер территории, в деталях описывал фаланстер (жилище членов фаланг), «механизм страстей», состав серий и групп в труде, распорядок дня, утверждал, что население земного шара достигнет 3 млрд. человек, люди будут жить до 144 лет, в обществе будет 37 млн. поэтов, равных Гомеру, 37 млн. ученых геометров, равных Ньютону, 37 млн. драматических писателей, равных Мольеру и т. д.⁴⁶⁾

⁴⁶⁾ С точки зрения детализации характерно следующее высказывание Фурье из «Путей будущего»: «Например: если фаланга Воклюз соберет 50000 дынь или арбузов, то из них около 10000 будет назначено для ее потребления, 30000 — на вывоз, а 10000 низшего качества разделят между лошадьми, кошками и удобрениями» Ш. Фурье. Избр. соч., т. II, М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 268.

Полтора столетия, истекшие со времени расцвета утопического социализма, наглядно вскрыли абсурдность попыток детализированного изображения будущего общественного строя. Это превосходно понимали Маркс и Энгельс. Открыв законы общественного развития на основе диалектического и исторического материализма, основоположники научного социализма, в отличие от утопистов, не стали изобретать социализм, а попытались научно открыть и предвидеть его основные черты, исходя из действия объективных экономических законов, из наличных условий и тенденций развития материальной жизни общества. Выдвинутая Марксом и Энгельсом теоретическая модель нового (социалистического) строя включала лишь главные черты, магистральные линии общественного развития, связанные с прогрессом современных производительных сил и зависящих от них производственных отношений. При этом Маркс и Энгельс решительно отвергали попытки дать детальное представление о будущей экономике. «Партия, к которой я принадлежу,— писал Ф. Энгельс,— не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов»⁴⁷⁾.

Именно благодаря научному подходу к предвидению будущего, Марксу и Энгельсу удалось создать теорию, которая, во-первых, оказалась блестяще подтвержденной современным опытом, и, во-вторых, способствовала творческому развитию и применению общих положений науки в новых исторических условиях. «Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической

⁴⁷⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 363—364. Критикуя дискуссию о «полном продукте труда — каждому», развернувшуюся на страницах социал-демократической газеты, Ф. Энгельс отмечал, что все участники дискуссии рассматривают социалистическое общество как нечто стабильное, раз навсегда установленное. Если же рассудить о нем здраво, говорит Энгельс, то «можно все-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет начато, и 2) постараться найти **общую тенденцию** дальнейшего развития». Это все, что, по мысли Энгельса, поддавалось прогнозированию в области распределения (К. Маркс и Ф. Энгельс Избр. произв. в 3-х томах. Т. 3, стр. 534—535).

революции,— писал Ленин,— рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота»⁴⁸).

Сопоставление научной модели социалистического строя, выработанной Марксом и Энгельсом, с современной действительностью показывает, что даже в ней, несмотря на крайне осторожный, вдумчивый подход к прогнозированию общественной жизни, не все оказалось (как представляется сейчас) правильным. Ряд моментов, высказанных Марксом и Энгельсом, не оправдался; например, положение о необходимости победы социализма одновременно в нескольких передовых капиталистических странах (во второй половине XIX века иначе думать было нельзя), мысль об отмирании товарного производства и денег уже на первой фазе коммунизма, положение Ф. Энгельса об устранении крупных городов с уничтожением капиталистического способа производства⁴⁹); невозможно было предвидеть также, что пролетариат достигнет власти в стране относительно отсталой и попытается сначала организовать крупное производство и распределение для крестьян, а потом, когда по условиям культуры не осилит этого, привлечет к делу капиталистов (нэп, госкапитализм). Не раз Маркс и Энгельс ошибались и в отношении сроков социалистической революции. По этому поводу В. И. Ленин писал в предисловии к переписке Ф. Зорге: «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции. в надеждах на победу революции... Но такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма»⁵⁰).

Несмотря на то, что некоторые предположения основоположников марксизма не оправдались, в основном их научный взгляд на будущий общественный строй подтвердился на опыте современного социализма; это

⁴⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 304.

⁴⁹) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 238—239.

⁵⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 249.

свидетельствует о высокой степени точности научного прогнозирования, когда оно опирается на знание законов общественного развития.

Вместе с тем ясно, что никакая научная теория не в состоянии предвидеть на много лет вперед конкретное развитие явлений. «Мы, — пишет В. И. Ленин, — не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь **опыт миллионов**, когда они возьмутся за дело»⁵¹).

Еще в 1918 году, возражая на предложение Н. Бухарина дать в партийной программе детальное описание социалистического общества в развернутом виде, В. И. Ленин указывал: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, этого сказать не можем»; «ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать»⁵²).

Из приведенных положений логически вытекает требование изучать новый исторический опыт масс, развивать и конкретизировать научные положения социализма, тем более, что с каждым новым практическим шагом вперед горизонт научного предвидения расширяется, возможности конкретизации теории возрастают. В. И. Ленин резко отрицательно относился ко всяким пустопорожним, не подкрепленным реальными фактами рассуждениям о будущем обществе. В книге «Государство и революция» он прямо писал: «Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К^о) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они **подменяют** насущный и злободневный вопрос **сегодняшней** политики: экспроприацию капиталистов, превращение **всех граждан** в работников и служа-

⁵¹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 116.

⁵²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 65.

щих одного крупного «синдиката», именно: всего государства»⁵³).

Авторы псевдосоциалистических теорий, как правило, игнорируют необходимость научного подхода к решению вопроса об условиях и границах прогнозирования общественного процесса. Их социальное мировоззрение, опирающееся на идеализм, метафизику, отрицание объективных экономических законов, закрывают, по существу, путь к подлинно научному предвидению будущего экономического строя. Поэтому в своих псевдотеориях они либо оказываются в плену заурядных буржуазных представлений, либо впадают в такую вздорную абстрактность, что теряется всякое различие социальных типов хозяйства. Научное решение вопроса о предвидении общественной жизни, данное марксизмом-ленинизмом, позволяет с этой стороны подвергнуть обоснованной научной критике всевозможные вымыслы, детализации, предлагаемые классовыми противниками пролетариата с целью подорвать, извратить научную концепцию социализма.

К числу важнейших вопросов, характеризующих ленинские методологические позиции в критике псевдосоциализма, относится вопрос о соотношении партийности, научности и объективности критики,— один из сложных, тонких принципов марксистского анализа общественных взглядов.

Принцип партийности, как известно, обязывает исследователя прямо и открыто становиться на точку зрения передовой общественной группы, по-боевому разоблачать наиболее вредные, опасные идеи и взгляды, подчеркивать, выделять значение революционных теорий. Не бесстрастное коллекционирование и анатомирование взглядов, не расшаркивание направо и налево

⁵³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 97. Из сказанного вовсе не следует (вопреки утверждениям буржуазных экономистов), будто марксизм-ленинизм не ценит и «не заботится» о разработке положительного социального идеала, уповая на действие объективных экономических законов (См. М. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, 1905, стр. 254, 255). Классики марксизма-ленинизма, как показано выше, сделали все возможное для научного определения нашего социального идеала. Речь идет лишь о допустимых пределах конкретизации его.

перед любимым, мало-мальски известным идеологом, а воинствующая критика реакционных и оппортунистических воззрений, активная поддержка передовых — вот требования коммунистической партийности в анализе общественных теорий.

Превосходные образцы реализации этого принципа в критике экономических теорий дали Маркс и Энгельс. Такой их подход, естественно, пришелся не по вкусу буржуазным экономистам. «Все полемические столкновения Маркса, — представлялось одному из них, — отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта»⁵⁴). Среди буржуазных идеологов стала муссироваться идея о несовместимости партийности и научности, о том, что от истинного ученого требуется «поменьше ругани», побольше умеренности. академизма. В ход было пущено утверждение, будто экономическая наука и идеология непримиримы, и тот, кто поступает партийно, — не ученый, а идеолог.

Достоиную отповедь клевете на критический метод Маркса, идеям буржуазного объективизма дал В. И. Ленин. Еще в полемике против П. Струве (90-е годы) Владимир Ильич вскрыл превосходство материалиста над объективистом, у которого попытка «объективного» освещения капиталистического строя на деле приводит к апологетике его⁵⁵). Позднее, в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» Ленин показал, что беспартийность в современном обществе есть идея буржуазная, это — «лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров»; беспартийность есть равнодушие, а равнодушие к борьбе есть «молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует»⁵⁶).

⁵⁴) М. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. Изд. 2, 1905, стр. 217.

⁵⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418—419.

⁵⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 138, 137. Ленин считает, что в отдельные исторические периоды в обществе с слабо выраженной классовой дифференциацией беспартийность может свидетельствовать о недостаточно глубоком размежевании классовых сил, а в период буржуазно-демократической революции види-

Политическая экономия как общественная наука не может не быть классовой, партийной⁵⁷). Утверждение, будто экономическая идеология несовместима с научностью, следует отнести к числу тех мифов, которые создаются вопреки фактам истории в угоду буржуазной апологетике⁵⁸). Политэкономия Смита и Рикардо, будучи классовой, партийной, являлась в то же время научной, получила ряд правильных научных истин (идея трудовой теории стоимости и др.). Высшую и строгую научность с революционностью, с сознательной защитой интересов пролетариата сочетает в себе политэкономия Маркса — Энгельса — Ленина — единственная в наше время научная экономическая теория. История учит, что экономическая идеология и научность совместимы не всегда, а лишь в том случае, когда ею занимаются представители передового общественного класса, — класса, судьбы и интересы которого совпадают с направлением общественного развития и который поэтому смело смотрит в будущее, не боится правды, а напротив, заинтересован в ее познании⁵⁹).

мость беспартийности, «внешний отпечаток беспартийности» может приобретать все движение в целом (там же, стр. 136).

⁵⁷) «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства, — пишет В. И. Ленин, — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» (ПСС, т. 23, стр. 40)... «если бы истины математики задевали интересы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо» (ПСС, т. 25, стр. 46).

⁵⁸) Критику этой «идеи» см.: В. Холличер. Идеология и утопия. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 7, стр. 45.

⁵⁹) Нас, марксистов, упрекают в том, что мы считаем свои выводы непогрешимыми на основе одного лишь ничем якобы не доказанного положения, что марксизм-ленинизм есть идеология передового общественного класса. По мнению критиков, достаточно было бы, с нашей точки зрения, принадлежать к идеологам пролетариата, чтобы иметь гарантию от ошибок в понимании общественных явлений. Но, во-первых, неверно, будто положение о научном характере марксистской политэкономии ничем не доказано... «социализм, — пишет В. И. Ленин, — будучи идеологией классовой борьбы пролетариата... основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы» (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 362—363). Во-вторых, никто из марксистов никогда не утверждал, будто передовая классовая позиция автоматически обеспечивает истинность делаемых выводов. Эта позиция избавляет исследователя от социальных шор, мешаю-

Установив, что научность и партийность не противоречат друг другу, а органически сочетаются в марксистской политэкономии, В. И. Ленин в своих произведениях указывает основные условия и факторы, от которых в большой мере зависит научный уровень критики псевдосоциализма. К этим условиям, помимо научности самой теории и методологии, используемой исследователем, относятся:

1. Превосходное знание фактов, в данном случае — концепций, взглядов, подвергаемых критике. Ф. Энгельс в свое время мудро предостерегал против тех «друзей материалистического понимания истории», для которых «оно служит предлогом, чтобы не изучать историю⁶⁰⁾». Высокая эффективность, убедительность ленинской критики обусловлена тем, что она неизменно опирается на глубокое знание существа критикуемых идей и взглядов, охватывает как общее мировоззрение, так и теоретическую аргументацию, полемические приемы, употребляемые тем или иным автором. Прежде чем выступить с критикой, В. И. Ленин проделывал подлинно исследовательскую работу по изучению фактического материала, ознакомлению в оригинале с взглядами, работами, подвергаемыми критике, чему способствовало прекрасное знание им ряда иностранных языков. В первые годы Советской власти, несмотря на крайнюю нужду республики, Владимир Ильич давал указания о приобретении за границей, переводе и издании наиболее характерных работ буржуазных экономистов⁶¹⁾.

Непременным условием научности критики является точное цитирование критикуемых авторов. Об этом после ленинских трудов, казалось бы, не следовало и упоминать. Между тем в течение некоторого времени в про-

щих видеть правду, и тем открывает наибольшие возможности объективного познания истины. Превращение же этой возможности в действительность зависит в громадной мере от личных качеств исследователя, его таланта, эрудиции. Реакционная позиция, напротив, даже талантливому ученому мешает открыть правду.

⁶⁰⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 3-х томах, т. 3, стр. 534.

⁶¹⁾ Например, по указанию В. И. Ленина был издан на русском языке перевод книги Дж. Кейнса «The Economic Consequences of the Peace» (русское название — «Экономические последствия Версальского мирного договора»). См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 225, 434.

шлом (а отзвуки наблюдаются до сих пор) многие наши пропагандисты и редакторы попросту игнорировали данное обстоятельство. Бытовала странная «теория», будто цитирование враждебных авторов есть один из способов пропаганды их взглядов. От такой, ничем не обоснованной «методы» критика немало теряла в смысле добросовестности, солидности, а значит, и эффективности.

2. Использование для опровержения псевдосоциалистических концепций, с одной стороны, данных живого практического опыта СССР и других социалистических стран, а с другой — последних достижений марксистско-ленинской экономической науки в СССР и за рубежом.

Критика псевдосоциализма не может ограничиваться логическими, классовыми и методологическими соображениями, а должна быть возможно более предметной, хорошо оснащенной фактическим материалом, который предоставляет нам реально существующий социалистический строй. Это тем более настоятельно, что авторы враждебных теорий в большей или меньшей мере учитывают факты из жизни СССР и стран народной демократии, спекулируют на собственной, выгодной капиталу, интерпретации их. В. И. Ленин учит, что для уяснения закономерности, истины необходимо оперировать не отдельными фактами и фактиками (жизнь многообразна, и в ней всегда находятся примеры на любой случай), а брать всю совокупность жизненного материала, выделяя главное, типическое.

Поскольку марксистско-ленинская экономическая наука развивается, обогащается новым опытом социалистического и коммунистического строительства, открытиями экономистов-марксистов социалистических стран, при теоретической аргументации против псевдосоциализма абсолютно необходимо опираться на новейшие достижения научной мысли и практики коммунизма. Просчет буржуазных критиков, отрицающих творческий характер коммунистического учения, заключается в том, что они зачастую подходят к современным проблемам социализма с позиций вчерашнего дня. Новую экономическую реформу в СССР, означающую крупный шаг вперед в развитии теории и практики социалистического планирования и экономического стимулирования, они, например, склонны трактовать как анахронизм, «отход» от

традиционных марксистских взглядов на социализм и чуть ли не возрождение всех капиталистических методов⁶²). Если исследователь-марксист вооружен знанием новейших достижений теории и практики коммунизма, он всегда найдет сильные, основательные доводы против теоретических построений враждебной «советологии».

3. Разграничение экономических проблем, методов, общих всем формациям, от проблем, методов, присущих, в силу классовой природы общества, отдельным формациям. Что такие экономические проблемы и методы существуют, свидетельствует практика. Было бы ошибкой на том лишь основании, что они по-своему интерпретируются и решаются буржуазной наукой и практикой, отбрасывать и третировать как враждебные социализму; например, межотраслевой баланс, ряд методов организации производства и управления, математические методы в экономике. То же относится к проблемам ограниченности (предельности) ресурсов, различной общественной полезности продуктов и т. п. Независимо от того, признает или отрицает их теория, эти проблемы всегда существуют в реальной действительности. Другое дело, что в различных общественных условиях они осуществляются по-разному: при капитализме — стихийно и в интересах буржуазии, при социализме — планомерно, в интересах трудящихся⁶³). Наличие таких общезначимых проблем, методов, а значит, и попыток со стороны буржуазных экономистов исследовать их, требует от марксистов разборчивого отношения к буржуазной экономической литературе.

Положение о том, что буржуазная экономическая наука выполняет не только функцию идеологическую, но и практическую и что, следовательно, критика ее не может

⁶²) См. об этом: Э. Я. Брегель. Буржуазные мифы и социалистическая действительность (Критика буржуазных оценок экономической реформы в СССР), М., «Знание», 1966.

⁶³) Народнохозяйственные планы социалистических стран обязательно предусматривают эффективное использование наличных материальных и т. п. ресурсов, как и первоочередное удовлетворение наиболее важных, насущных потребностей общества. Теория оптимального функционирования экономики считает ограниченность ресурсов и различие общественной полезности продуктов ведущими предпосылками для расчета оптимального плана «Вопросы экономики», 1967, № 4, стр. 99—102.

сводиться к простому голому отрицанию, получило среди советских экономистов широкое признание⁶⁴). Это положение давно и убедительно обосновано В. И. Лениным. «... ни единому профессору политической экономии, — писал Владимир Ильич, — способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии»⁶⁵).

Как раз в общей теории экономики ярче всего проявляется классовый характер экономической мысли, ее идеологическая функция. Специальные конкретные разработки буржуазных экономистов, конечно, тоже служат интересам укрепления капиталистического строя (увеличению прибыли и т. д.), но в той мере, в какой они воплощают в себе общезначимый экономический опыт и содержат ценные рекомендации для эффективного использования простых элементов труда, они — с определенной корректировкой, требуемой иными социальными условиями, — могут быть применены в экономической науке и практике социализма.

О необходимости для рабочего государства критически осваивать передовой хозяйственный опыт и методы буржуазии В. И. Ленин говорил неоднократно. В работе «О значении воинствующего материализма» он писал: «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под Знаменем Марксизма»⁶⁶).

Если в сфере идеологической борьбы допустим в известной мере «союз с прогрессивной частью буржуазии» (не забывая «неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность»), то тем более он возможен в хозяйственной сфере, где человечеству приходится решать одни и те же общие проблемы. В. И. Ленин впервые указал на важность изучения и внедрения в народное хо-

⁶⁴ См.: Современный капитализм и буржуазная политическая экономия (Труды Всесоюзной конференции по критике буржуазных экономических теорий). М., 1967, стр. 28, 31.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 23—24.

зайство Советской страны научных элементов системы Тэйлора, призывал коммунистов «учиться торговать» у буржуазии и т. д. «Советская республика,—писал он, имея в виду задачи в области социалистической организации труда,—во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области»⁶⁷).

Относится ли сказанное к писаниям псевдосоциалистов и «советологов»? В том, что из-за своего буржуазного мировоззрения, вульгарной идеалистической методологии эти деятели буржуазной науки не способны осуществлять действительно научное познание закономерностей социалистической экономики и давать объективно верное во всех частях освещение жизни СССР,—сомнений быть не может. Это наглядно подтверждается широким потоком антисоветизма, исходящим из-под пера наших идейных противников, и ошибками, которые допускают в своих выступлениях даже прогрессивные, доброжелательно относящиеся к нам буржуазные экономисты. Ф. Энгельс замечал: «Против литератора и купца, кокетничающих с социализмом..., в Германии именно они — самые опасные люди... мы с Марксом вели с 1845 г. непрерывную борьбу»⁶⁸). Аналогичным образом обязаны поступать коммунисты и сейчас, имея дело с псевдосоциализмом — идейным оружием буржуазии. Но при всем том было бы неправильно всех буржуазных экономистов, пишущих о социализме, об СССР, изображать одним цветом, не проводить различий между махровыми реакционерами и теми авторами, которые стремятся по возможности честно разобраться в том, что происходит в социалистическом мире, которые выступают с признанием бесспорных экономических достижений социализма. Некоторые из них делают иногда отдельные верные замечания, наблюдения о проблемах, стоящих перед советской экономикой, и мы не можем проходить мимо них.

4. Научный характер критики неотделим от объективности ее — правдивого освещения явлений такими, каковы они на самом деле. Не ухудшать и не улучшать

⁶⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 190.

⁶⁸) Архив Маркса и Энгельса. Т. 1 (VI), 1933, стр. 303—304.

картину в угоду предвзятым соображениям, указывать как плюсы, так и минусы,— вот требование объективности критики. Марксистско-ленинская объективность, сочетающаяся с партийностью, противоположна буржуазному объективизму, который под маской академизма, признания частных скрывает свою вражду к социализму. В трудах В. И. Ленина находятся яркие примеры на счет того, как необходимо сочетать партийность с объективностью критики. Приведем два из них.

Критике оппортунистических взглядов К. Каутского В. И. Ленин посвящает много страниц и часть работ целиком, используя при этом самые гневные и бичующие слова, чтобы заклеить предательство, отступничество его, переход на позиции социал-шовинизма. «Каутский,— пишет Владимир Ильич,— довел марксизм до неслыханного проституирования», превратил его «в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину»⁶⁹). Работа «Пролетарская революция и ренегат Каутский» на 99,9 состоит из резкой, обличительной критики. И хотя Ленину трудно было оставаться объективным, имея в виду позорную измену Каутского идеалам марксизма, он тем не менее посчитал нужным отметить заслуги Каутского в истории марксистской мысли. Каутский, говорит В. И. Ленин, «написал прекрасный марксистский труд об аграрном вопросе»⁷⁰); «Мы знаем из многих работ Каутского, что он умел быть марксистским историком, что такие работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство»⁷¹). Партийность в ленинской оценке Каутского сказывается в самом тоне критики и в том, что свет и тени распределяются не поровну, больше и острее говорится о минусах.

Другой пример — оценка П. Прошьяна, левого эсера, который после Октябрьского переворота входил в состав ВЦИКа, был наркомом почт и телеграфа, а позднее встал на путь вооруженной борьбы с Советской властью, участвовал в левоэсеровском мятеже (июль 1918 г.) Верный принципу объективности, В. И. Ленин в упоминавшейся выше статье «Памяти Прошьяна» указывает,

⁶⁹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 236, 237.

⁷⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 325.

⁷¹) Там же, стр. 278.

что этот человек совершил роковую ошибку, выступив против Советской власти, но он выделялся «глубокой преданностью революции и социализму», ему «довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва»⁷²⁾. Как видим, и здесь В. И. Ленин подходит к общей оценке исторического деятеля реалистически, отмечая не только его минусы, но и плюсы с точки зрения борьбы за рабочее дело⁷³⁾.

Думается, мысль, заложенная в приведенных примерах, в известной мере применима и к критике немарксистских работ по вопросам социализма. Л. Б. Альтер, внесший полезный вклад в борьбу с буржуазной политэкономией, справедливо отмечал: «Объективность научной критики предполагает, что марксистские исследователи не проходят мимо рациональных элементов, если они содержатся в работах тех или иных буржуазных экономистов, но вместе с тем выявляют порочность их понимания исследуемых процессов»^{73а)}. Сочетание объективности с партийностью в оценке буржуазной экономической литературы является важным средством повышения эффективности, действенности марксистской научной критики⁷⁴⁾.

В деятельности компартий бывают случаи, когда они вынуждены в интересах революционного дела вступить в соглашение, заключить компромисс с другими, в том числе буржуазными партиями и силами. Так было не раз в истории большевистской партии⁷⁵⁾. Так поступают

⁷²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384, 385.

⁷³⁾ В свете ленинского требования объективности представляется малоубедительной ставшая у нас традиционной одноцветная, сплошь отрицательная оценка теоретической и практической деятельности ряда участников фракционной борьбы 20-х годов, которые, несмотря на позднейшие ошибки, сыграли полезную роль в борьбе за социализм в первые годы революции.

^{73а)} Современный капитализм и буржуазная политическая экономия. М., 1967, стр. 28.

⁷⁴⁾ В качестве примера удачного сочетания партийности с объективностью укажем на книгу: В. Ф. Цага «Современные псевдонаучные теории социализма». Л., 1965.

⁷⁵⁾ «... вся история большевизма, — пишет В. И. Ленин, — и до, и после Октябрьской революции, полна случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями» (ПСС, т. 41, стр. 54).

компартии капиталистических стран, устанавливая компромиссы с мелкобуржуазными и правосоциалистическими партиями в вопросах борьбы за мир, против гонки вооружений, на выборах в парламент и т. п. Возникает вопрос, оказывает ли обстановка компромисса какое-либо влияние на реализацию принципа партийности в критике некоммунистических взглядов? На основе ленинских произведений можно сделать определенное наблюдение.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», вспоминая 90-е годы, когда русские марксисты заключали массу практических компромиссов с либералами, в том числе с «легальными марксистами», В. И. Ленин пишет, что тогда марксисты умели «вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения»⁷⁶). Это положение имеет принципиальный характер. Вместе с тем любопытно сопоставить ленинскую полемику против одного из «легальных марксистов» — Струве в открытой печати в момент компромисса (работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». 1895 г.) с позднейшими ленинскими отзывами о Струве, когда компромисса не существовало (например, работа «Еще одно уничтожение социализма», 1914 г.).

Из сопоставления указанных работ нетрудно видеть, что тон ленинской критики в том и другом случае различен. В 1895 году критика велась в спокойной, сдержанной манере, отсутствовали резкие эпитеты, оценки, ощущалась в некотором роде академичность. Совсем в ином тоне выдержана работа 1914 года. Здесь партийная страстность Ленина-полемиста проявляется в полной мере, выражения подбираются самые острые, хлесткие, взгляды Струве разоблачаются в стремительном темпе⁷⁷). Несомненно, эта разница в тоне критики обусловлена тем, что в 90-х годах идейно-политическая позиция г. Струве, как других «легальных марксистов»,

⁷⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 56.

⁷⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 36—53.

не являлась контрреволюционной; к 1914 году, в новых условиях классовой борьбы, положение существенно изменилось. Контрреволюционность либеральной буржуазии и ее идеологов стала фактом, компромисс с ними был невозможен.

Сказанное позволяет заключить, что обстановка компромисса, во-первых, нисколько не означает прекращения, свертывания борьбы с враждебными теориями, и, во-вторых, требует, чтобы принцип партийности при этом осуществлялся в более спокойной форме.

Таковы некоторые методологические вопросы анализа общественных взглядов, как они трактуются в произведениях В. И. Ленина. Сделанные наблюдения, конечно, не исчерпывают всего богатства ленинской методологии, тем не менее дают возможность лучше понять специфику применения ленинского критического метода в деле разоблачения псевдосоциалистических взглядов. В последующих главах показывается, как В. И. Ленин анализировал и оценивал отдельные буржуазные и реформистские «теории» социализма конца XIX—начала XX вв., руководствуясь научной методологией.

ГЛАВА II

РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ БУРЖУАЗНЫХ ИЗВРАЩЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Пока в мире не существовало реального социалистического строя, псевдосоциализм как метод борьбы с марксизмом, рабочим движением не получал широкого распространения. В буржуазной политэкономии тогда безраздельно господствовало мнение о невозможности лучшей, чем капитализм, экономической организации общества. В социалистический идеал, даже причисленный на буржуазный лад, мало кто верил. Более активно вещали о социализме различные оппортунистические пифии, тщившиеся поддержать свою репутацию социалистов. Однако их теории, вредные для классовой борьбы пролетариата в силу их мещанской «трезвости», были не в состоянии всерьез поколебать буржуазные концепции общественного развития, ибо сами выражали объективно буржуазное социальное содержание. При всем том лжесоциализм в конце XIX — начале XX вв. проделал определенную эволюцию, у него появились свои историки¹⁾, пополнился арсенал его обвинений против научного социализма, увеличилось число вариантов «модели» будущего устройства, хотя последние и создавались зачастую по принципу — «сколь экономна мудрость бытия: все новое в нем шьется из старья».

Активную роль в разработке вульгарно-социалистических идей в то время играли представители Германии и близких к ней стран. Одной из причин этого являлось то, что Германия в середине XIX века была центром международного революционного движения, в ней резко

¹⁾ См.: В. Зомбарт. Социализм и социальное движение. М., 1906; М. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1905.

обострились социальные противоречия, классовая борьба. Научный социализм, который, несомненно, не был продуктом лишь немецких национальных условий, а представлял интернациональное явление, основан представителями Германии и здесь быстро завоевал признание рабочих, стал знаменем борьбы против капитала. Понятно, что в этой обстановке идеологи германской буржуазии не прошли мимо такого средства борьбы с рабочим классом, как псевдосоциализм. Кроме этой причины, существовало еще одно обстоятельство, благодаря которому именно Германия задала тон в разработке метода лжесоциализма. Характерным вариантом буржуазно-реформистского представления о социализме у немецких, австрийских и т. п. экономистов был «государственный социализм». Здесь определенно сказалась многолетняя проповедь культа государства, которую вела немецкая философская, экономическая, правовая мысль; перейти от культа государства к идее «государственного социализма» не составляло труда.

Одной из ранних, если не самой ранней теорией, обладавшей признаками лжесоциализма, следует признать теорию немецкого вульгарного экономиста К. Родбертуса²⁾. Хотя часть пунктов ее была сформулирована до середины XIX века, свою антимарксистскую направленность, а заодно и известность она приобрела в 60—70-х годах.

По своим классовым, политическим взглядам Родбертус — противник революции, монархист, идеолог буржуазно-помещичьего класса. Концепция общества, на которую он опирался в «социалистических» построениях, носила идеалистический характер. При трактовке общества как социального целого Родбертус отрицал существование объективных законов развития, происхождение социальных форм выводил то из правовых, то из морально-этических понятий, экономические категории считал категориями должного и т. п. Социализм, в представлении Родбертуса, — не закономерно возникающий способ общественного производства, а просто выражение действительной сущности любого общества,

²⁾ Эта «теория» изложена фрагментарно в работах «Требования рабочих классов», «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя», «Социальные письма к фон-Кирхману» и др.

которое якобы само по себе является коммунистическим. Коммунизм, считал Родбертус, существует и в производстве (взаимообщение индивидуумов, обусловленное разделением труда), и в распределении (сосредоточение части общественного продукта в руках общины, государства, использование ее на совместные нужды). Истинный, «правовой» социализм наступает тогда, когда процесс общения людей происходит под контролем государства. Пока этого нет, а есть «предоставленный самому себе процесс обращения», в обществе образуются противоречия и недостатки. «Отдельные владельцы» земли и капитала действуют в собственных интересах; доход рабочих классов, получивших в новое время личную свободу и равенство перед законом, регулируется старым правовым принципом: зарплата их, как и содержание раба, сводится к минимуму жизненных средств. Отсюда — обнищание и пауперизм трудящихся при одновременном росте производительности труда, национального богатства. Создается угроза взрыва. Революция, заявляет Родбертус, — это «поток варваров», опустошающий «центры цивилизации и богатства»; «Рим завоевали те варвары, которые служили в войсках Рима»³). Чтобы не допустить этого, необходимо преобразовать общество: посредством «ничтожных жертв» для имущих классов улучшить положение рабочих, искупить давнюю несправедливость — «уничтожить собственность на землю и на капитал»⁴).

Чтобы эта громкая фраза никого не вводила в заблуждение, Родбертус подчеркивал: преобразование должно совершиться осторожно, без потрясений, путем мелких реформ. Переход частных средств производства в распоряжение общества растягивается на несколько столетий и производится с помощью выкупа (в виде компенсаций владельцам выплачивалась бы сумма дохода, равная их доходу от частного имущества), рабочим классам предлагается определить «нормальный» рабочий день и стабилизировать норму прибавочной стоимости на уровне 200%. Чтобы стихия рынка не подрывала нового порядка и каждый класс получал уста-

³) К. Родбертус. Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1936, стр. 138; см. также стр. 86, 87.

⁴) Там же, стр. 142.

новленную ему долю продукта, предлагалось государству выпустить на всю сумму фонда потребления трудовые расписки (бонь) и выдавать их гражданам в соответствии с конституированными размерами доходов каждого. В итоге, по утверждению Родбертуса, утвердится система государственного хозяйства, отпадет наемный труд и эксплуатация, пауперизм и торговые кризисы — наступит «государственный социализм».

Как видно, весь «социализм» Родбертуса, по существу, сводится к некоторому усилению государственного капитализма и к временным незначительным уступкам рабочему классу. Это — вариант одного и того же эксплуататорского строя, поскольку главные принципы социалистической реорганизации общества в нем не реализуются, эксплуатация остается, привилегированный класс сохраняется, по словам Энгельса, по меньшей мере на 500 лет⁵). Что касается идеи конституирования стоимости товаров декретом государства и введения трудовых расписок, то это была нелепая утопическая идея, противоречившая объективным законам товарного производства и свидетельствующая лишь о наивной вере во всемогущество прусского монархического государства⁶).

Насколько удалось установить, В. И. Ленин в своих работах специально не анализирует «социалистические» взгляды Родбертуса. Однако об отношении его к ним можно достаточно определенно судить по той критике, которую В. И. Ленин дает теоретико-экономическим позициям Родбертуса, лежащим в основе «социалистических» взглядов⁷).

⁵) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 192.

⁶) Критику этой идеи Ф. Энгельсом см. там же, стр. 187—190.

⁷) В истории экономической мысли Родбертус «прославился» своими необоснованными претензиями на первенство в создании теории прибавочной стоимости, которую он якобы, по его словам, изложил «совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее». Родбертус даже клеветнически утверждал, будто Маркс украл у него эту теорию. Публикация «Капитала», острые выступления Энгельса начисто опровергли эти наглые притязания и клевету. Ф. Энгельс показал, что научная теория Маркса стоит неизмеримо выше всего, созданного предшественниками. Родбертус же «не дал абсолютно ничего в области политической экономии», «всегда оставался дилетантом и прежде всего был по-прусски невежествен и по-пруски заносчив» (См.: Предисловие Ф. Энгельса ко 2-му тому «Капитала», а также «Маркс и Родбертус». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 180—192).

В книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич отмечает неоригинальность Родбертуса в теории реализации. «Обещание новой полной и лучшей теории распределения национального продукта», с которым выступил тот, «оказалось пустым словом», пишет В. И. Ленин. «Родбертус, в сущности, повторил учение Ад. Смита с его основной ошибкой и ровно ничего не объяснил в вопросе о доходе»⁸⁾. В работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин устанавливает, что теорию кризисов Родбертус перенял у Сисмонди, придав ей слегка измененную формулировку. Родбертус, как и Сисмонди, не понимал основного противоречия капитализма и кризисы выводил из недопотребления масс, надеясь устранить их посредством реформы распределения продукта⁹⁾. Несостоятельной была и теория ренты этого экономиста. В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», в связи с критикой ошибки П. Маслова, В. И. Ленин пишет: «...сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте есть круглое невежество. Теория Родбертуса основана на предположении, что ошибочный расчет померанского помещика («не считать» сырого продукта в земледелии!) обязателен и для капиталиста-фермера. В теории Родбертуса нет ни грана историзма, ни грана исторической реальности, ибо он берет земледелие вообще, вне времени и пространства, земледелие любой страны и любой эпохи»¹⁰⁾.

Таким образом, Родбертуса В. И. Ленин характеризует как померанского помещика и вульгарного экономиста. Если к этому прибавить ленинские слова о том, что под «социализацией» иногда понимают «какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами»¹¹⁾, то будет совершенно ясно, почему В. И. Ленин не видел в Родбертусе ни научного социалиста, ни просто социалиста. Приведенная характеристика полностью опровергает буржуазную легенду о Родбертусе как основателе

⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 52.

⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 141, 158, 163—164.

¹⁰⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 280.

¹¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 350—351.

настоящего социализма — в противоположность Марксу (Штольцман) или наряду с Марксом (Туган-Барановский), которую за рубежом повторяют поныне¹²).

Идея фальшивого «государственного социализма» пришлась по душе буржуазным экономистам. В 70—90-х годах, не без влияния событий Парижской коммуны, усиления социал-демократии, роста рабочего движения, в немецкой буржуазной политэкономии сложилось направление, которое приняло на вооружение в борьбе с марксизмом «социалистическое» наследие Родбертуса. Представители этого направления, так называемые катедер-социалисты (Г. Шмоллер, А. Шеффле, А. Вагнер, Л. Brentano, В. Зомбарт и др.), являлись идеологами капитализма, хотя и пытались выдать себя за защитников средних слоев (крестьян, рабочих). В отличие от правого крыла буржуазных апологетов они рекомендовали в отношении рабочего класса проводить политику «кнута и пряника»: оправдывали законы и репрессии против социалистов и в то же время предлагали, в целях смягчения противоречий между трудом и капиталом, проведение мелких реформ в области налогов, социального страхования, условий труда. «Социализм», который они проповедовали с кафедр, будучи профессорами университетов (отсюда их ироническая кличка — «социалисты кафедры»), на деле сводился к заурядному буржуазному реформизму, либерализму. Даже «левый» среди них, Brentano, стремясь «сделать наемного раба довольным наемным рабом» (слова Ф. Энгельса), не шел дальше крохоборческого социального законодательства и липовых надежд на «всесилие» профсоюзов, способных будто бы «парализовать роковое действие резервной армии» и отменить объективные законы капиталистического накопления, обнищания пролетариата¹³). Не все катедер-социалисты одинаково представляли себе социальный идеал. Шеффле, например, предрекал в будущем распространение производственных товариществ, которые создадут рабочие на сэкономленную зарплату.

¹² См., например, K. P. Bhatnagar and S. Banerji. A History of Economic Thought. K. 1958, p. 282.

¹³ Цит. «Brentano contra Маркс» К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 22, стр. 100.

Если она будет повышена¹⁴⁾ — очевидная утопия! В. Зомбарт считал, что хотя в настоящее время капитализм переживает возраст «зрелого мужчины», в будущем он уступит место новой структуре, но не социализму, а более сложной экономике, включающей в себя элементы частного хозяйства, кооперации, госхозяйства и т. п. (теория «социального плюрализма»). Поскольку в такой «смешанной экономике» равновесие укладов невысказано, она в действительности оказалась бы капиталистической экономикой. Многие катедер-социалисты придерживались идей «государственного социализма»: восхваляли реакционное прусское государство как якобы общенародный, надклассовый институт и, игнорируя классовый характер государства, объявляли любое его мероприятие по расширению государственного сектора социалистическим, в том числе бисмарковское огосударствление железных дорог, государственную монополию на табак и водку и т. п. Ф. Энгельс едко высмеял этот демагогический социализм, выродившийся в добровольное лакейство. Если государственная табачная монополия, писал он, есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма, и также должны быть признаны социалистическими учреждениями королевское торговое-кредитное общество, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии¹⁵⁾.

В том, что в их взглядах нет ничего по-настоящему социалистического, признавали в конце концов и сами катедер-социалисты. Например, когда им бросили упрек в пропаганде социализма, они отвечали: «Все ученые, относимые к так называемой катедер-социалистической школе, защищали существующий общественный порядок и его главные основы — частную собственность как вообще, так и в отношении средств производства, почвы и капитала»¹⁶⁾.

¹⁴⁾ А. Шеффле. Капитализм и социализм; русское издание, 1903, стр. 5.

¹⁵⁾ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. ИПЛ, М., 1966, стр. 282, сноска.

¹⁶⁾ Это заявление Дельброка, Шмоллера, Вагнера приводит в своей книге «Политическая экономия в ее новейших направлениях» (Варшава, 1900; стр. 198—199) Г. Ф. Симоненко, ярый анти-социалист, утверждавший, что своей попыткой «убить Маркса» ка-

Катедер-социалисты яростно нападали на теорию научного социализма. Не касаясь этой стороны дела в целом, отметим, что они задолго до современных антикоммунистов пустили в обиход буржуазной литературы ряд вздорных «доводов» против марксовской концепции будущего общественного устройства. Так, Вагнер и Шеффле пытались дискредитировать идею полного обобществления средств производства и централизованного управления народным хозяйством. Единый план и управление хозяйством из общего центра, утверждал Вагнер, есть установление принудительного военного положения, а «там, где распространяется военное положение, вводится и военный уголовный кодекс», подавляется личная свобода. К тому же такая система, вещал он, не реальна, ибо требует от лиц, поставленных к управлению, такой суммы умственных сил и такого бескорыстия, какие «для людей едва ли достижимы»¹⁷). Аналогичным образом оценивал идею централизма в экономике Шеффле, представляя ее чисто бюрократически. Главный порок коммунистической системы, по его словам, в том, что она подавляет свободу личности, свободу выбора занятий и не способна учесть индивидуальные потребности людей; вместе с тем кучка лиц, «дерзнувшая руководить целым миром», стала бы «эксплуатировать массы не менее, чем эксплуатируют их современные капиталисты»¹⁸). Из-за отсутствия конкуренции, рынка, денег социалистическое общество, утверждал Шеффле, лишилось бы надежного механизма, который приводил бы «чудовищный коллективный организм труда и капитала во всех его мельчайших частях к удачным индивидуальным действиям и поступкам»¹⁹). Г. Шмоллер избрал объектом своих нападок идею коммунистического распределения по потребностям, называя ее «заблуждением», «глупостью»²⁰). В. Зомбарт начинавший обычно «во здравие» Маркса, а кончавший «за упокой»,

катедер-социалисты невольно способствовали популяризации «реакционной идеи» социализма.

¹⁷) Цит. по упомянутой кн. Г. Ф. Симоненко, стр. 342.

¹⁸) А. Шеффле. Капитализм и социализм. Русское издание, стр. 252—253.

¹⁹) А. Шеффле. Квинтэссенция социализма. СПб., 1906, стр. 38.

²⁰) Г. Шмоллер. Народное хозяйство и др. Вып. XI, М., 1902, стр. 187.

утверждал, что «социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны», ибо равновесия между производством и потреблением путем планомерного предписания сверху можно было бы достигнуть при условии стационарной техники; прогресс же техники не совместим с такими проектами социализма²¹⁾. Отрицая реальную возможность научного предвидения и третируя на этом основании научный социализм как понятие внутренне противоречивое (наука и социализм, мол, несоединимы), Зомбарт объявлял «недоказанным» положение о закономерности наступления социализма вслед за капитализмом как некоего неизбежного явления²²⁾.

Как и в случае с Родбертусом, В. И. Ленин анализирует не столько «социалистические» упражнения катедер-социалистов, сколько их исходные теоретические, а также их практически-политические позиции. В вопросах политэкономии большинство катедер-социалистов придерживалось взглядов новоисторической школы, известной своим вульгарным историзмом и эмпиризмом, отрицанием объективных законов общественного развития. В работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса» В. И. Ленин отмечает антинаучный, описательный характер «исторической школы». «Звезда» этой школы, Brentano, пишет он, «обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п.»²³⁾. В. И. Ленин выражает согласие с общей характеристикой методологии «исторической школы», данной К. Каутским в статье «Толстой и Brentano», квалифицируя ее как методологию вульгарную, скользкую по поверхности явлений²⁴⁾.

Буржуазный апологетический характер катедер-социализма разоблачили уже Маркс и Энгельс. В. И. Ленин на основе изучения социальных взглядов этого течения приходит к тем же выводам. В работе «Что де-

²¹⁾ В. Зомбарт. Строй хозяйственной жизни. М., 1926, стр. 70, 71.

²²⁾ В. Зомбарт. Социализм и социальное движение. М., 1906, стр. 97, 99.

²³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 149, примечание.

²⁴⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 149, сноска.

лать?» он пишет о «брентановском понимании классовой борьбы»²⁵), а расшифровывая понятие «брентанизм», указывает в другом месте, что это—«либерально-буржуазное учение, признающее неревolutionционную классовую борьбу», учение, которое «особенно ярко выразили русский писатель Струве и немецкий экономист Brentano»²⁶).

В. И. Ленин резко обрушивается на катедер-социалистскую проповедь классового мира в буржуазном обществе, на разглагольствования о возможности разрешить рабочий вопрос методами капитализма. В статье «Против бойкота» (1907), отметив, что идейные вожди либерализма вроде Зомбарта от всей души ненавидят революционные черты в деятельности Маркса, он называет катедер-социалистов «клопами полицейски-буржуазной университетской науки»²⁷). Ленин разоблачает также их попытки заигрывания с марксистами. В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) Владимир Ильич указывает: «Брентано, Зомбарты, Бернштейны и К^о подменяли марксизм брентанизмом, употребляя терминологию Маркса, ссылаясь на отдельные утверждения Маркса, подделываясь под марксизм»²⁸). Это же Ленин имел в виду, когда писал (1912 г.) о «направлении слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма а'la Брентано и Зомбарт»²⁹). Подчеркивание фарисейства и либерализма Зомбарта было важно с точки зрения разоблачения его как буржуазного идеолога. Не только буржуазные экономисты (Туган-Барановский, Мизес) считали Зомбарта марксистом или почти марксистом, но близкого к этому мнения придерживались и некоторые социал-демократы³⁰).

²⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 97.

²⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 237--238.

²⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 24.

²⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 335.

²⁹) В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 301.

³⁰) И. Степанов, например, в предисловии к русскому переводу главной работы Зомбарта писал в 1906 г.: «Ближе познакомившись с «Современным капитализмом», читатель увидит, что Зомбарт при-
мыкает к Марксу не только в методологическом отношении, но и в постановке многих общих вопросов». (Цит. «Большевик», 1925, № 9—10, стр. 111).

Одновременно с катедер-социализмом в буржуазной политэкономии сформировался и другой прием борьбы с научным социализмом, выработанный представителями австрийской (Ф. Визер) и математической школ (Вальрас, Парето, Бароне). В отличие от катедер-социалистов, которые пытались доказать нерациональность, утопичность централизованного планового социализма, отдельные экономисты выступили с абстрактным признанием возможности такового и даже сочиняли экономические «модели» его, построенные с применением математических уравнений.

Как методологические, так и теоретические позиции, лежавшие в основе этих моделей, были порочны. Австрийская школа опиралась на субъективистскую теорию ценности (теория «предельной полезности») и «меновую концепцию». Математическая школа, находясь в плену аналогичных представлений, главной проблемой общественного хозяйства считала проблему «экономического равновесия», достигаемого посредством рыночного механизма. И та и другая школы игнорировали решающую роль в системе общественной жизни производственных отношений, форм собственности, избегали классового анализа явлений и ловко спекулировали на существовании в любом обществе одних и тех же простых элементов (факторов) производства. Различие между капитализмом и социализмом представители математической школы сводили в основном к различиям свободной и центрально-управляемой экономики, допуская, что централизм возможен и при наличии частного сектора в сочетании с государственным. Поскольку, по их утверждению, в основе капиталистического и социалистического типа хозяйства лежит единая «чистая экономия», вытекающая из общего стремления людей к удовлетворению своих потребностей, то принципиальных различий между этими типами хозяйства не существует: и там и тут действуют одни и те же абстрактные экономические законы, и централизованный плановый социализм есть всего лишь некая нейтральная надклассовая система — по существу, иной вариант рафинированного капиталистического строя, переход к которому вовсе не обязателен, а если и возможен, то без классовой борьбы и революции. Э. Бароне, например, называл фантастически-

ми учения, которые утверждают, будто руководство производством при коллективистском строе могло бы существенно отличаться от руководства при анархическом производстве. Поскольку социалистический центр из-за гигантских масштабов операций не в состоянии заранее принять правильные решения, в обществе становится необходимым «появление вновь, хотя, может быть, под другими названиями, всех экономических категорий старого строя: цен, зарплаты, процента, ренты, прибыли, экономии и т. д.»³¹⁾. На применимость при социализме уравнений «экономического равновесия», обеспечивающих в обществе достижение максимума благосостояния каждого, указывал и В. Парето. В своем резюме курса лекций по политэкономии он заключал: «Величина коэффициентов производства, определенных для государств, где господствует частная собственность, будет одна и та же, что и у социалистического государства, стремящегося к достижению *maximum*'а продукта с *minimum*'ом затраченных на это условий. Это сходство между двумя совершенно различными типами хозяйств позволяет нам решать массу других проблем»³²⁾.

Авторы моделей «равновесия», как видим, отвергают существование специфических законов экономики и явно преувеличивают значение товарно-денежного механизма, создавая впечатление, будто не только социалистический, но и капиталистический строй равным образом озабочен целями удовлетворения потребностей людей. При таких позициях, естественно, никакой речи о создании ими научной политэкономии социализма не могло и быть. Приписывание Визеру, Парето, Бароне заслуг в этой области³³⁾ нельзя истолковать иначе, как попытку опорочить реально существующий социализм и очернить творческую деятельность марксистов — действительных создателей научной экономической теории социализма. Исторический опыт истекшего 50-летия наглядно показал, что абстрактные модели «чистой эконо-

³¹⁾ «Collectivist Economic Planning», London, 1935, p. 289.

³²⁾ В. Парето. Чистая экономия. Перевод с французск. Воронеж, 1912, стр. 12.

³³⁾ J. Schumpeter. The History of Economic Analysis. Sec. ed. 1955, p. 986.

мии» оказались неприемлемыми ни для капитализма, ни для социализма, которому они ничего не дали.

Особняком в социалистической литературе конца XIX—начала XX вв. стоит книжка Атлантикуса «Государство будущего»³⁴). Автор ее — буржуазный экономист, профессор Берлинского, а позднее Латвийского университета Карл Баллод, руководствовался стремлением доказать, что социализм вполне возможен при современном уровне производительных сил и что от перехода к социализму выиграют все без исключения классы общества. В связи с этим в его книжке не только рисовался социальный идеал, но и проводился математический расчет структуры общественного производства новой Германии при населении (предположительном) в 60 млн. человек³⁵).

Государство будущего, в изображении Атлантикуса, — «умеренный социализм». В нем обобществлены не все, а лишь основные отрасли хозяйства, служащие удовлетворению первейших человеческих потребностей. В частном владении остается производство предметов роскоши, мебели, постройка домов, издание книг и журналов и т. п. Переход средств производства из частных рук в распоряжение государства осуществляется путем выкупа: предприниматели в виде компенсации получают «княжеское» вознаграждение, которое на 1/2—1/3 превысит современный уровень их частных доходов. Землевладельцы, которым в частной собственности остается дом, сад, до 2-х га земли, будут получать «вечную ренту», на 1/4 превышающую нынешний доход с имения. Этим путем Баллод рассчитывал покончить с

³⁴) Немецкое издание вышло в 1898 г.; на русском языке опубликована в 1906 г. В 1919 г. появилось новое, переработанное издание, русский перевод с которого издан в Москве в 1920 г.

³⁵) К. Баллод осуждает предположения о будущем, не подкрепленные математическими расчетами. Отсутствием таких расчетов он объясняет разноточность, существующую в различных проектах будущего устройства относительно числа часов в день и числа лет жизни, которые в обязательном порядке потребуются от каждого для общественного труда. Вместе с тем Баллод верит в возможность научного прогноза. Мы не можем знать все, но многое наука способна открыть, — считает он. Задача науки — «установить более точное представление о социалистическом строе», чтобы с наступлением «критического момента» знать, что делать. («Государство будущего», СПб., 1906, стр. 21—22).

«пугалом» — экспроприацией собственности. Нельзя не согласиться с ним, что обобществление средств производства у него проектируется «на самых выгодных условиях для собственников»³⁶⁾.

В новом обществе, далее, предполагается сохранение купли-продажи продуктов, принудительного труда (чернокожих), государство владеет колониями, существует армия, монарх, на государственный счет содержится духовенство. Как видно, здесь не решается задача широкой демократизации общественной жизни, не устраняется социальное неравенство — остается привилегированная элита (получатели «вечной ренты» и «княжеского» вознаграждения), а следовательно, сохраняются отношения эксплуатации человека человеком. Увлеченный мыслью доказать, что в социализме ничего страшного нет, Атлантикус рисует социальный идеал, который, если отвлечься от социалистической фразеологии и внешнего сходства отдельных явлений (государство, армия, торговля), как небо от земли отличается от действительного социализма.

В другой части книжки излагаются цифровые расчеты объемов и структуры производства в важнейших отраслях народного хозяйства Германии. По признанию современников, эта часть работы Баллода, как попытка математически доказать возможность всеобщего благосостояния в социалистическом обществе, представляла пропагандистский интерес, служила опровержению реакционных вымыслов о социализме как «равенстве нищих»³⁷⁾.

В «Государстве будущего», по мнению Баллода, удастся более рационально распределить и использовать силы людей и природы и обеспечить значительный рост производительности труда. По его наметкам, для достижения всеобщего благосостояния (имеются в виду основные потребности людей в пище, одежде) будет вполне достаточно, чтобы в общественном хозяйстве мужчины трудились 9—10 лет, а женщины 6—8 лет каждый в течение своей жизни. За эти годы будет создано столько продукта, что его хватит на вознаграждение умст-

³⁶⁾ Атлантикус. Государство будущего. Производство и потребление в социалистическом обществе. СПб., 1906, стр. 22.

³⁷⁾ Там же, см. предисловие.

венного труда, выплату компенсации за обобществленное имущество и покрытие других общих расходов, причем одновременно благосостояние масс возрастет в среднем в 2—2,5 раза против теперешнего. По истечении обязательного рабочего периода мужчины в 26—27 лет, а женщины в 21—24 года³⁸⁾, т. е. в расцвете сил, освобождаются от обязательного труда в общественном хозяйстве, им назначается пожизненная пенсия для достойного существования и представляется право устраивать свою жизнь как угодно, в том числе вести домашнее хозяйство, добывать средства для приобретения других предметов, которыми общество их не обеспечивает (предметы роскоши, книги и т. п.).

Баллод отмечает условность приводимых расчетов по причине отсутствия точных статистических данных, требует проведения дополнительных специальных исследований. Поэтому нет смысла критически анализировать эти расчеты. Но важно отметить, что в результате их в его книге складывался определенный набросок хозяйственного плана для будущей социалистической Германии, который в общем и целом (разумеется, при условии победы пролетарской революции и экспроприации экспроприаторов) не был бы нереальным. Как известно, Маркс и Энгельс верили в осуществимость социализма на базе производительных сил конца XIX века.

Из названных концепций социализма В. И. Ленина привлекла работа Баллода. В статье «Об едином хозяйственном плане» (1921 г.), оценивая результаты по составлению плана ГОЭЛРО, Владимир Ильич писал, что в Германии «аналогичную работу проделал один ученый Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки»³⁹⁾.

Приведенный отзыв, относящийся к советскому времени, показателен в нескольких отношениях. Не приходится сомневаться, что В. И. Ленин в нем не касается

³⁸⁾ Проект предусматривает обязательное обучение детей: юношей — до 17—18-летнего возраста, девушек — до 15—16-летнего возраста.

³⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 342—343.

социальной схемы «Государства будущего», которая имеет, как мы видели, буржуазный, реформистский характер. «Научным планом» В. И. Ленин называет облеченную в форму математических расчетов и связей программу развертывания народного хозяйства Германии. Это показывает, что В. И. Ленин не исключал возможности разработки научного плана социалистической перестройки хозяйства до победы пролетарской революции. В то же время такой план он квалифицирует как литературщину, как бумажный план, повисающий в воздухе, если в стране царствует капитал. Главным, решающим условием планового социалистического хозяйствования является свержение капиталистического строя — к этому должны направляться, в первую очередь, усилия настоящих социалистов в условиях капиталистического общества. Только свергнув власть капиталистов и помещиков, советским коммунистам удалось впервые наладить подлинное плановое хозяйство. Экономический план Баллода — лучшее, что дала в дооктябрьский период буржуазная «социалистическая» мысль. Своим деловым, конкретным подходом он выгодно отличался от бестелесных моделей «экономического равновесия». Но все это не снимает коренного порока социальной концепции Баллода — ее вульгарной, либеральной основы, пропитанной чисто буржуазными иллюзиями.

В России, как и на Западе, борьба буржуазной университетской науки с социализмом происходила также в форме открыто враждебного отрицания его и в форме псевдосоциалистической мимикрии⁴⁰⁾.

«До 1905 года, — писал В. И. Ленин, — буржуазия не видела другого врага кроме крепостников и «бюрократов»; поэтому и к теории европейского пролетариата она старалась относиться сочувственно, старалась не видеть «врагов слева». После 1905 года нарождается в России контрреволюционная либеральная буржуазия и профессорская либеральная наука, **нисколько не теряя престижа в «обществе», принимается всерьез уничтожать Маркса»⁴¹⁾.**

⁴⁰⁾ Специально о буржуазных концепциях социализма см.: «История русской экономической мысли». Под ред. А. И. Пашкова Т. III, ч. 1, М., 1966, гл. 14.

⁴¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 34.

Поначалу «уничтожением» марксизма в России занимались только крайне правые правительственные профессора. Вся либерально-народническая наука относилась к Марксу с почтением, признавала теорию трудовой стоимости и т. п. Но затем усиление классовой борьбы пролетариата заставило «мобилизоваться» против марксизма и ее. Среди либеральных деятелей университетской науки образовались различные течения «марксоедства». Виднейшими представителями их были П. Струве и М. Туган-Барановский, снискавшие особую «популярность» в полемических работах В. И. Ленина.

И Струве, и Туган-Барановский — вульгарные буржуазные экономисты, идеологи российского капитализма. В 90-х годах они выступали в качестве «легальных марксистов» и подобно Брентано, Зомбарту брали из марксизма все, что было приемлемо для либеральной буржуазии, отбрасывая живую душу марксизма — его революционность. Превратившись позднее в контрреволюционных либералов, они участвовали в борьбе против социалистической революции. Во взглядах Струве и Тугана, при классовой общности их позиций, существовали заметные различия по вопросу о социализме. Струве никогда не был псевдосоциалистом, он сходу отметал всякую мысль о возможности какого бы то ни было социалистического строя. Социальный идеал рисовался ему не иначе, как в виде усовершенствованного, рафинированного капитализма. Туган, напротив, допускал в будущем возможность социализма, пытался дать этическое обоснование его и даже критиковал тех, кто (например, Спенсер) утверждал, будто социализм означает «грядущее рабство» — исполинскую тюрьму, в которой люди могут быть будут сыты, но зато лишены лучшего и драгоценнейшего блага — свободы⁴²).

Струвистские выпады против теории научного социализма В.И. Ленин мастерски парирует в полемической статье «Еще одно уничтожение социализма», посвященной критике книжки Струве «Хозяйство и цена» (1913 г.). Легковесность критической методы Струве (зряшные аналогии, фальсификация, пренебрежитель-

⁴²) М. Туган-Барановский. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906, стр. 33, 34.

ные фразы вместо серьезного изучения) отчетливо проявилась в попытке опровергнуть трудовую теорию стоимости. Бессильный «свалить» эту теорию, Струве не нашел ничего лучшего, как посредством вымученных натяжек сблизить научный закон стоимости с этической идеей «справедливой цены» средневековых канонистов, а логическое строение марксовой теории стоимости — с схоластическим учением о первородном грехе. «Но это, — замечает В. И. Ленин, — несомненно, игра пошлыми аналогиями, вернее: простое шутовство», а не наука⁴³⁾.

Подобным же образом действовал Струве и в критике социализма. На том лишь основании, что у некоторых экономистов и историков, двигавших социалистическую мысль до Маркса, встречались отдельные реакционные положения (Сен-Симон «поповский»), он утверждал, будто научный социализм, «есть дитя, порожденное связью между мыслью революционной и реакционной»; марксизм — «это — формулы французской теократической школы и вообще исторической контрреволюционной реакции»⁴⁴⁾. Хотя тут же Струве добавлял, что «Маркс остался революционером и социалистом», такое «кувыркание», по выражению Ленина, дела не меняло и служило целям обмана слушателей: раз марксизм есть порождение реакции, его, мол, не стоит и опровергать, он недостойн «ученого» внимания. В. И. Ленин, разоблачая подлые приемы Струве, подчеркивает мысль, что марксизм наследовал у предшественников не их реакционные, а их научные прогрессивные положения и что, утя все лучшее, что дали они, Маркс пошел дальше, совершил революционный переворот в истории общественных идей. Марксизм, — пишет В. И. Ленин, — «есть высшее развитие всей исторической и экономической, и философской науки Европы»⁴⁵⁾.

Чтобы «доказать» невозможность социализма, Струве поступал проще-простого: изображал его в карикатурном виде и затем несколькими пренебрежительными фразами «разделялся» с ним. Социализм, как и экономический либерализм, уверял он, исходит из возмож-

⁴³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 37, 39.

⁴⁴⁾ Цитирую по Ленину, там же, стр. 48, 49.

⁴⁵⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 49, 50.

ности полного совпадения «рационального и должного с естественным и необходимым» и требует «полной рационализации общественно-экономического процесса». Но такая абсолютная рационализация невозможна. И, «сопоставляя социалистический и либеральный идеал с миром действительности», Струве победоносно заключал: «Оба эти идеала в формальном смысле одинаково неосуществимы, одинаково утопичны»⁴⁶).

«Право,— пишет В. И. Ленин в ответ на это,— не веришь даже своим глазам, когда читаешь такие вещи. До такой степени маразма, упадка и проституции дошла современная профессорская наука! Г-н Струве прекрасно знает, что научный социализм опирается на факт обобществления производства капитализмом. Этот факт доказывается бездной явлений, наблюдаемых во всем мире». А наш ученый, не прикоснувшись «ни к одной области многочисленных фактов, объявляет вопрос научно решенным на основании нескольких пустых фраз о либерализме и рационализации!». Далее В. И. Ленин указывает: «Неправда, что либерализму рисуется полная рационализация. Неправда, что марксизм отрицает «естественный закон». Неправильна и пуста вообще вся фраза о «полной рационализации» — все это жалкие увертки, плоская игра, преследующая одну цель: обойти ясно и точно поставленный научным социализмом вопрос, огорошить учащуюся молодежь шумом и криком о невозможности социализма»⁴⁷).

В приведенном отзыве обращает на себя внимание резко отрицательное отношение к идее «полной рационализации общественно-экономического процесса», как неправильной, пустой фразе. Этим В. И. Ленин решительно отметал обвинения коммунистов в попытке создать общество, похожее на некую казарму, в которой каждое движение человека регулируется, предписывается сверху, и как бы советовал будущим плановикам, организаторам социалистического хозяйства не гнаться понапрасну за абсолютной регламентацией и декретированием всех экономических явлений, учитывать неизбежность в какой-то мере неконтролируемых высшим центром дей-

⁴⁶) Цит. по Ленину. ПСС, т. 25, стр. 50.

⁴⁷) Там же, стр. 51.

ствий людей. Это реалистическое указание имеет громадное значение для решения вопроса о методах социалистической планомерной организации общественного труда и должно учитываться в практике руководства хозяйством.

Идеал социализма, который отстаивал в своих работах Туган-Барановский, несмотря на совпадение по внешности отдельных его положений с реальным социалистическим обществом (товар, деньги и др.), по своей классовой сущности в корне расходился с научным социализмом Маркса. Собственно, это была дань моде — одна из попыток приручить «дикого мустанга» (идею социализма) к потребностям буржуазии.

Туган охотно признавал, что в мире не существует другого общественного идеала, который бы также вдохновлял людей на борьбу за прогресс, как социализм. Либерализм, говорил он, отживает свой век, а социализм становится верованием не только пролетариата, а всех лучших людей других классов⁴⁸). Разъясняя, чем привлекателен социализм, Туган с удовольствием, в духе Штаммлера и социальной школы, толкует о цели социалистического производства как максимальном удовлетворении потребностей, признает, что новый строй реализует равное право всех участвовать в общественном труде и равное право пользоваться плодами труда, устраняет бедность и делает невозможной эксплуатацию одних людей другими. При социализме не будет «свободы бездействия», а «свобода всякого полезного труда» чрезвычайно расширится. Особенно он настаивает на том, что «социализм есть не уничтожение, а верховное утверждение индивидуализма»⁴⁹). Если бы при этом имелось в виду всестороннее развитие личности и подчинение личных интересов общественным, — все было бы в порядке. Но у Тугана индивидуализм отмечен яркой печатью буржуазности: он — главное, исходное и социализм лишь постольку заслуживает внимания поскольку не противоречит индивидуализму.

Экономическую «модель» социалистического общества Туган-Барановский конструирует на основе морально-

⁴⁸) М. Туган-Барановский. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906, стр. 42.

⁴⁹) См. там же, стр. 18—19, 34, 36.

этических соображений. Он меньше всего думает об обобщении средств производства, тем более — об экспроприации собственности капиталистов и помещиков. Движение к социализму он связывает с ростом кооперации. Кооперация, будучи порождением капитализма, утверждает он, таит в себе некапиталистический, коллективистский дух, а поэтому открывает простой и легкий способ установления социализма, развивает взаимопомощь, солидарность людей в противовес эксплуатации и насилию. Не удивительно, что Туган находит черты нового строя в «социалистических» общинах своего времени. О религиозной общине духоборов, переселившихся в Канаду, он пишет: «Коммунизм духоборов... ставит хозяйственные цели подъема экономического благосостояния трудящихся масс», «духоборческая община представляет самое крупное достижение в строительстве коммунистического общества»⁵⁰).

Как видно, Туган-Барановский придерживается идеи «кооперативного социализма» — одной из разновидностей буржуазно-реформистского социализма. В последней своей книге «В поисках нового мира» (1919) в главе «Русская революция и трудовые общины» он, учтя опыт Октября, высказывается за сочетание «государственного социализма» (переход в руки общества транспорта, кредита, торговли и т. д.) с «кооперативным социализмом» (в деревне). Трудовые сельские коммуны, которые он видит в будущем, выступают как независимые от государства образования. И государственное руководство ими, и создание государственных ферм он решительно отвергает⁵¹).

В свете сказанного понятно, почему Туган-Барановский в раждебно относился к научному социализму Маркса. Известны его фальсификаторские оценки марксизма как учения не столько научного, сколько утопического, заимствовавшего якобы социальный идеал в готовом виде у утопистов и ничего положительного не прибавившего к нему. В критике научного социализма Туган повторял, говоря словами В. И. Ленина, «старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписать

⁵⁰) М. Туган-Барановский. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. М., 1919, стр. 78, 82.

⁵¹) Там же, стр. 117, 118, 119.

ему нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы»⁵²). Одной из таких нелепиц было утверждение Тугана, что марксизм якобы стремится к установлению полного равенства всех людей в смысле равенства их физических и духовных способностей. Поскольку же такое равенство есть понятие, «из опыта и разума не выводимое», то и весь научный социализм есть не более, как утопия.

В. И. Ленин в статье «Либеральный профессор о равенстве» (1914) ясно показывает, в каком смысле понимает равенство марксистская наука. «...когда социалисты говорят о равенстве,— пишет он,— они понимают под ним всегда **общественное равенство**, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей»⁵³). Объясняя, почему ученый профессор позабыл эти азбучные истины, В. И. Ленин указывал: «**Общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»**⁵⁴). Приведенные слова как нельзя лучше раскрывают истинную классовую причину и объективный смысл «социалистических» взглядов Тугана-Барановского и всех других ученых трубадуров буржуазии.

⁵²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 361.

⁵³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 364.

⁵⁴) Там же.

ГЛАВА III

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ ОПОРТУНИСТИЧЕСКИХ, МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛИЗМА

В предшествующей главе речь шла о «моделях» псевдосоциализма, выдвинутых буржуазной профессорской наукой. Но наряду с ними в тот же период на Западе и в России имели хождение различные оппортунистические концепции, творцами которых являлись деятели внутри рабочего, социал-демократического движения. Поскольку социальная сущность этих концепций оставалась в принципе буржуазной или близкой к ней, между ними и теориями чисто буржуазными происходило постоянное общение, взаимовлияние: буржуазные экономисты охотно использовали в своих работах идейные «открытия» оппортунистов, а последние черпали обеими руками из арсенала методологии и теории буржуазной политической экономии, так что в позициях тех и других оказывалось много общего. При всем том (а это отражалось и на трактовке социализма) между взглядами буржуазных профессоров и деятелей оппортунистического направления существовали определенные различия. Отчасти они были обусловлены стремлением тех и других к самостоятельному осмыслению экономического процесса и его перспектив (а отказываться в этом наиболее крупным теоретикам было бы неправильно). Главной же причиной различий между ними являлась неодинаковость той социальной среды, в которой приходилось действовать этим идеологам. Как представители социал-демократии, оппортунистические лидеры — сознательно или бессознательно — должны были учитывать специфику рабочей аудитории, ее насущные интересы, психологию. Здесь, например, не проходила от-

кровенная, неприкрытая апологетика капиталистического строя, прямые атаки на теорию научного социализма. Какая-то часть оппортунистов, несомненно, искренне желала установления нового общественного строя. Однако сколь субъективно честными, благими не были их намерения, объективно, на практике их взгляды служили проводником буржуазного влияния на рабочий класс. Оппортунисты являлись, по словам В. И. Ленина, лучшими защитниками буржуазии, чем сами буржуа: «Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться»⁵⁵). В концепциях собственно мелкобуржуазного социализма ярко отражались социальное положение и идеалы мелкой буржуазии — промежуточного класса, страдавшего от конкуренции крупного капитала и в то же время страшившегося железной революционной дисциплины пролетариата.

Одним из первых оппортунистических течений, сделавших попытку построить теоретическую «модель» социализма, было лассальянство. Основатель этого течения Ф. Лассаль (1825—1864 гг.) — немецкий мелкобуржуазный социалист, выходец из богатой купеческой семьи — был по своим взглядам ярким националистом, монархистом и реформистом. Примкнув к рабочему движению и заняв в нем одно из руководящих мест, Лассаль вел соглашательскую, оппортунистическую линию на ослабление размаха и энергии этого движения, на подчинение его влиянию немецкой буржуазии. «Лассаль, — писал В. И. Ленин, подчеркивая его политическое двурушничество, — приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики»⁵⁶). В «Программе работников» и других работах Лассаль рекламировал себя как друга «четвертого сословия», т. е. рабочих и в это же время заигрывал с Бисмарком, стал его агентом, сеял в рабочем движении реформистские иллюзии. «Хотеть сделать революцию, — заявлял он, — это только затея глупых, неразвитых людей, не имеющих никакого

⁵⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 232.

⁵⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138, примечание.

понятия о законах истории»⁵⁷). Более того, руководствуясь вульгарной идеей «железного закона заработной платы», Лассаль осуждал даже, как «бессмысленную», борьбу за повышение зарплаты, проведение стачек.

В философии Лассаль был идеалистом и начетчиком⁵⁸). Государство в его представлении,— надклассовая организация. Проповедуя, в духе Родбертуса, культ прусского Junkерского государства, Лассаль связывал с ним надежды на разрешение социального вопроса — возвышение рабочего сословия, искоренение своекорыстия буржуазии. В изображении будущего общественного строя лассальянцы (Швейцер и др.) не отличались большой оригинальностью⁵⁹). Они соединяли воедино идею «государственного социализма» с несколькими другими реакционно-утопическими идеями мелкобуржуазного порядка. Так, лассальянцы предполагали, что при социализме каждый член общества будет получать на руки доход от своего труда в полном, неурезанном виде, что необходимо обеспечить «равное право» всех и «справедливое распределение» трудового дохода, аннулировать систему заработной платы и т. д. Средством к достижению этого они считали введение всеобщего и прямого избирательного права, демократизацию контроля за производством, а также распространение в промышленности и земледелии — при государственной помощи — производственных товариществ, из которых будет состоять социалистическая организация совокупного труда.

Уже К. Маркс в «Критике Готской программы» вскрыл несостоятельность лассальянских взглядов на социализм, в частности, на проблему распределения общественного продукта, противопоставив им строго научное положение о примате производства над распределе-

⁵⁷) Ф. Лассаль. Программа работников. ГИЗ, Пг., 1919/20, стр. 15.

⁵⁸) Критику философских упражнений Лассаля В. И. Лениным см. в «Философских тетрадах». ПСС, т. 29, стр. 305—315. — Конспект книги Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса».

⁵⁹) Ф. Энгельс, протестуя против иной оценки, писал: Лассаль «не был ни первым инициатором немецкого рабочего движения, ни оригинальным мыслителем. Все содержание его произведений было им заимствовано и притом заимствовано не без искажений». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 378.

нием и о неизбежности изменения системы распределения в зависимости от уровня экономической зрелости социалистического общества⁶⁰).

В. И. Ленин в книге «Государство и революция» подтверждает правомерность марксовой критики лассальянства, солидаризируется с оценкой идеи «неурезанного трудового дохода» как реакционной утопии, не применимой ни к социализму, ни к коммунизму. В новом обществе, прежде чем дело дойдет до индивидуального потребления, из совокупного общественного продукта потребуется выделить фонды возмещения потребленных средств производства, резервов, расширения производства, а затем из предметов потребления — фонды на издержки управления, на школы, больницы и т. п. «Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассалья («полный продукт труда — рабочему») Маркс,— пишет В. И. Ленин,— дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать»⁶¹).

Лассальянцы в своей программе обыгрывали абстрактную идею «справедливого распределения», «равного права каждого на продукт». В противовес этим фразам В. И. Ленин вслед за Марксом показывает, что справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые; «но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность»⁶²). Лишь на высшей фазе коммунизма, когда производительные силы достигнут полного расцвета и будут ликвидированы существенные различия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, общество сможет осуществить распределение по принципу: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям.

В. И. Ленин внутренне не приемлет реформистское положение о борьбе за освобождение рабочего класса «в рамках современного национального государства», при помощи «демократического контроля» за ним со

⁶⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 16—18.

⁶¹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 92.

⁶²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.

стороны трудящихся. Организация социалистического контроля, указывает он, должна «начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих»⁶³). Никакого «демократического контроля» за производством в обществе капиталистов быть не может.

Выступления Ленина, как и Маркса, против лассальянства ценны не только своей негативной, но и позитивной стороной. В них впервые был разработан ряд принципиальных научных положений об экономике социалистического общества: указаны основные черты двух фаз коммунизма, переходного периода, определена общая схема распределения совокупного общественного продукта, сформулированы основные принципы распределения предметов личного потребления. Эти положения прочно вошли в научную политэкономия социализма.

Несколько отличную от лассалевской, но также оппортунистическую трактовку социализма дали представители фабианского общества, возникшего в Англии в 80-х годах. Фабианцы, среди которых видную роль играли супруги Вебб (Сидней и Беатрисса)⁶⁴, Бернард Шоу, были убежденными сторонниками постепенных, реформистских преобразований. Считая компромисс чуть ли не главным условием социального прогресса, а социализм — следствием из буржуазного либерализма, они пытались, по выражению Ф. Энгельса, «пропитывать либерализм социализмом», т. е. обманным путем подтолкнуть к социалистическим выводам либеральную буржуазию⁶⁵). Этого им достигнуть не удалось, зато в распространении буржуазных иллюзий в рабочем движении они преуспели. Фабианцы внесли крупный

⁶³) Там же, стр. 97.

⁶⁴) Супруги Вебб написали ряд работ по истории английских тред-юнионов. Одну из них — «Теория и практика английского тред-юнионизма» (т. 1, 1897 г.) перевел на русский язык В. И. Ленин (См.: НСС, т. 3, стр. 732). После Октябрьской революции супруги Вебб бывали в СССР, отзывались о виденном с большой симпатией.

⁶⁵) В письме к Ф. Зорге от 18/1 1893 г. Ф. Энгельс писал, что из этой их тактики ничего не выйдет, «что они при этом либо сами будут обмануты и одурачены, либо предадут социализм, — этого они, конечно, не понимают» (Маркс и Энгельс. Избран. письма, 1948, стр. 459).

вклад в разработку идеологических и тактических основ лейбористской партии Англии, в которую позднее вошли.

Несмотря на известную эволюцию социального идеала фабианцев, о нем достаточно ясное представление дает брошюра С. Вебба «Кооперация и государство будущего».

Целью нового общественного строя, по заявлению автора, является уничтожение того «состояния угнетения и рабства, в котором находится фактически огромная масса трудящихся», ликвидация их материальной нужды от колыбели до смерти и зависимости от имущих классов⁶⁶). Но Достаток и Свобода не могут быть обретены на путях возврата к мелкому семейному хозяйству. Благодаря своим экономическим преимуществам, крупное производство вытесняет мелкое, углубляется разделение труда, производитель и потребитель все более удаляются друг от друга. Это требует развития планомерной организации общественного хозяйства с целью обеспечения гармоничности. Путь к ней — замена «самодержавия капитала» «демократическим контролем» общества за производством.

Вебб полагает, что в государстве будущего индивидуальный труд останется только в сфере художественного творчества (актеры, художники и т. п.) и станет редким исключением. Производственная кооперация (самоуправляющиеся мастерские, ассоциации), поскольку она обнаружила слабые стороны, будет ограничена подсобными отраслями. Более солидное положение займет потребительская кооперация, которая охватит ряд дополнительных сфер обмена и распределения и обзаведется собственным производством. Часть отраслей деятельности — оборона, транспорт, связь, внешняя торговля и др. — будет сосредоточена в руках центрального правительства. Многие предприятия, отрасли производства должны принадлежать городским и сельским самоуправлениям (муниципалитетам) Именно через эти самоуправления и ассоциации потребителей избиратели, т. е. масса, подчинят своему контролю производство и тем избавятся от зависимости капитала. Государство

⁶⁶) Сидней Вебб. Кооперация и государство будущего. Перевод с английского. М., 1918, стр. 4, 5.

будущего, таким образом, в представлении Вебба,— это в основном «муниципальный социализм». Движение к нему связывается с ростом госкапитализма и числа муниципальных предприятий (городской трамвай, бани и т. д.) и с борьбой за демократическую избирательную систему. Вебб, как и современные идеологи «демократического социализма», совсем не понимает, что «демократический контроль» за производством со стороны избирателей и членов потребительских ассоциаций ничего реального не даст, если в обществе командует крупный капитал.

В. И. Ленин в своих отзывах о супругах Вебб характеризует их, с одной стороны, как «представителей одного из передовых течений английской общественной мысли»⁶⁷⁾, называет «основательными учеными (и «основательными» оппортунистами)⁶⁸⁾, а с другой стороны, главный упор делает на разоблачение буржуазно-либеральной реформистской природы их взглядов. «Фабианцы искреннее и честнее Каутского и К°, — пишет он в 1915 году, — ибо они не обещали стоять за революцию, но политически они — едино суть»⁶⁹⁾.

В. И. Ленин выражает согласие с оценкой Веббов, данной в переписке Энгельса с Зорге. Ф. Энгельс, отмечает Владимир Ильич, «третирует гг. Сиднея Вебба и К° как шайку буржуазных проходимцев, желающих развратить рабочих, желающих влиять на них в контрреволюционном смысле. Можно ручаться, что ни один сколько-нибудь ответственный и влиятельный вожак II Интернационала не пытался никогда не только опровергнуть этой оценки Энгельса, но даже усомниться в ее правильности»⁷⁰⁾.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» Ленин характеризует «социализм» фабианцев как интеллигентский, оппортунистический — «мещанские иллюзии мещанских героев западноевропейского муниципального

⁶⁷⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 153.

⁶⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 61.

⁶⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 268.

⁷⁰⁾ Там же, стр. 267. Сравнить: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 299.

социализма». Владимир Ильич указывает, что буржуазная интеллигенция на Западе подобно английским фабианцам возводила муниципальный социализм в особое направление и мечтала о социальном мире, примирении классов, желала перенести общественное мнение с коренных вопросов всего экономического строя на мелкие вопросы местного самоуправления. Фабианцы забывали узкие границы «муниципального социализма» (на деле, муниципального капитализма, как справедливо говорили английские социал-демократы против фабианцев). Пока буржуазия господствует как класс, она не может позволить затронуть настоящие основы своего господства. И если буржуазия терпит «муниципальный социализм», то потому, что он не трогает ее господства, занимается местными делами, крохоборчеством. В вопросах коренных, политических «мещанская, реакционная утопия частичного осуществления социализма особенно безнадежна»^{70а}). Эти слова Ленина не в бровь, а в глаз бьют современных ревнителей «муниципального социализма», отстаивающих реформистский вздор о возможности движения к новому строю без предварительного свержения власти буржуазии.

Эту же черту — буржуазность, соглашательство — гневно бичует В. И. Ленин и в других разновидностях западноевропейского реформистского социализма: мильеранизма, «гильдейского социализма», «конструктивного социализма», «кооперативного социализма» и т. п.

По мнению лидера французских социалистов-реформистов Мильерана, задача социализма состоит не в упразднении частной собственности, — это было бы, по его мнению, непонятно, а в таком ее преобразовании и расширении, чтобы она стала уделом для всех⁷¹). Экономическую структуру будущего общества Мильеран представлял себе как симбиоз (мирное бесконфликтное сожительство) кооперативных и муниципальных предприятий с частными, осуществление контроля за производством возлагал на демократическое законодательство, кооперативные товарищества и профсоюзы, а средством к достижению со-

^{70а}) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16; гл. IV, §1, стр. 339.

⁷¹) А. Мильеран. Французский реформистский социализм. Программа и метод. Перевод с фр. 1905, стр. 3, 4.

циального идеала считал воспитание и борьбу за всеобщее избирательное право⁷²).

При таких взглядах не удивительно, что Мильеран занимал откровенно соглашательскую политическую позицию, входил в состав реакционного буржуазного правительства. В. И. Ленин замечал по этому поводу (1912 г.): «Оппортунист и реформист Мильеран повернул окончательно к сделке с буржуазией и вступил в буржуазное министерство»⁷³).

Идеи муниципализации хозяйства, кооперативизма, госкапитализма лежали также в основе «конструктивного социализма» английского реформиста Макдональда. Главные тезисы его: капитализм разрешает проблему производства, но приводит в плохое состояние распределение; задача социализма — упорядочить, изменить систему распределения⁷⁴). Чтобы это осуществить, необходимо начать с малого и постепенно наращивать «куски социализма», не допуская никакой разрушительной революции. Постепенное огосударствление частных предприятий — не путем экспроприации, а путем длительного конституционного изживания (через налоги на наследство, обложение несправедливой прибыли), развитие кооперации, муниципализации, введение рабочего контроля на предприятиях, — все это, по его мнению, означает созидание социализма. Следует заметить, что эти положения потом органически вошли в официальную теорию реформистского социалистического Интернационала.

Ревизионисты (Бернштейн и иже с ними), выдвинув лозунг «движение — все, конечная цель — ничто», как в трактовке социального идеала, так и средств его достижения полностью порвали с марксизмом. «Устаревшими», «несоответствующими» новым фактам были объявлены положения Маркса о революции и диктатуре пролетариата, о росте концентрации капитала, ухудшении экономического положения рабочего класса и трудового крестьянства в капиталистическом обществе и др. Эклектическая, ходульная «концепция» ревизионизма широко ис-

⁷²) Там же, стр. 6, 7.

⁷³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 408.

⁷⁴) Р. Макдональд. Социалистическое движение. Пг., 1920, стр. 62.

пользовала идеи Лассаля, фабианцев, Brentано. Движение к социализму Бернштейн связывал с ростом потребительской кооперации, которую он расхваливал как «организм, в высшей степени эффективный и способный к развитию»⁷⁵), с «демократизацией» акционерного капитала (вступление рабочих в акционерные общества), с экономической (тред-юнионистской) борьбой, способной якобы радикально изменить материальное положение рабочего класса; и с введением демократической избирательной системы. Задача социал-демократии, по его утверждению, — обеспечить переход «современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений»⁷⁶), т. е. без революции. В таком же духе, в конечном счете, понимали социализм и русские пионеры ревизионизма — так называемые «критики», или «экономисты».

Полезный вклад в разоблачение ревизионизма внес Г. В. Плеханов. Однако главная тяжесть борьбы выпала на долю В. И. Ленина. В работах «Что делать?», «Марксизм и ревизионизм» и др. Владимир Ильич глубоко вскрыл гносеологические, социальные и экономические корни ревизионизма и охарактеризовал его как антимарксистское течение, заклеив предательскую линию ревизионистских деятелей в рабочем движении. «В настоящее время (теперь это уже явственно видно), — писал он в 1901 г. — английские фабианцы, французские министералисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма»⁷⁷).

Большие надежды в смысле осуществления социального идеала Бернштейн возлагал на развитие акционерной формы предприятий и «демократизацию капитала». Марксистская критика вдребезги разбила эту вульгарную, апологетическую теорию, показав, что в ней видимость явления (расширение числа мелких держателей акций) принимается за сущность — ослабление господства крупного капитала. История не знает фактов, чтобы

⁷⁵) Э. Бернштейн. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. На русск. яз., Лондон, 1900, стр. 121.

⁷⁶) Там же, стр. 158.

⁷⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 6—7, примечание.

«демократизация капитала» где-либо в капиталистических странах привела к контролю рабочих над производством и к коренному изменению их материального положения как класса, хотя для верхушки рабочих обладание акциями и приносит дополнительный доход. В. И. Ленин был прав, когда в рецензии на книжку Каутского о Бернштейне писал: «...акционерные общества на самом деле служат к тому, чтобы экпроприировать доверчивую и малоимущую публику в пользу крупных капиталистов и спекулянтов. Рост числа акций указывает лишь на то, что богатство имеет тенденцию принимать форму акций, о распределении же богатства этот рост не говорит ровно ничего»⁷⁸).

Буржуазные и реформистские идеологи охотно используют в своих «социалистических» концепциях идею кооперации, видя в ней средство перехода к новому состоянию общества. Но в упомянутых «теориях» кооперация выступает как одно из средств перехода, наряду с другими. Вместе с тем уже в XIX веке возникли концепции, в которых кооперация возводилась в ранг главной или единственной формы социалистического переустройства, трактовалась как готовая ячейка социализма. Появление и распространение таких теорий было связано с успехами кооперативного движения⁷⁹).

Идеологи «кооперативного социализма» (Ш. Жид, Э. Пуассон, Г. Кин и др.) считают кооперацию (потребительскую, по преимуществу) зрелой формой социалистической организации. «Кооперация в своих границах,— пишет бельгийский профессор Поль Ламбер,— уже представляет собой бесклассовое общество, независимо от того, каково социальное происхождение его членов. Она движется к социализму своими собственными способами: путем своего распространения» (как масляное пятно на бумаге⁸⁰). Кооперация, по мнению ее апо-

⁷⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 206.

⁷⁹) Провозвестником кооперативной идеи был Р. Оуэн. «Рочдальские пионеры» в Англии в 1844 г. создали тип кооперации, приспособленный к условиям капитализма. С тех пор потребительская кооперация быстро расширялась. В 1922 г. в капиталистическом мире насчитывалось 40 млн. членов различных кооперативов, в 1964 г. — уже около 375 млн.

⁸⁰) Цит. по брошюре: А. В. Гаврилов. «Кооперативный социализм» и действительность. М., «Знание», 1964, стр. 8.

логетов, является вернейшим путем ко всеобщей свободе и благосостоянию. Она призвана, пишет английский кооператор В. Кинг, вырвать трудящихся «из цепей нищеты, физических и нравственных лишений; она должна преобразовать в корне всю нашу хозяйственную жизнь, сделать труд независимым от капитала»⁸¹). Гиперболизация роли и перспектив кооперации при капитализме, отождествление ее формы (коллективной) с социально-экономическим содержанием, которое определяется господствующей системой производственных отношений, идеализация порядков и управления в кооперации, приписывание кооперативной форме свойств некапиталистического образования, — таковы характерные черты концепции, усматривающей в кооперации некий «третий путь» общественного развития, помимо капитализма и коммунизма.

В работах В. И. Ленина содержится всесторонняя критика теории «кооперативного социализма» как разновидности реформистской идеологии.

Уже в борьбе с народничеством В. И. Ленин разоблачил несостоятельность взглядов о переходе России к социализму минуя капитализм через крестьянскую общину, кустарную артель и кооперацию мелких хозяев, указав, что народники преувеличивали распространенность артели. Кооперация мелких хозяев в России, как и в других странах на практике охватывала лишь верхний слой крестьян и кустарей и приносила выгоды тем, кто имел какие-то сбережения. Она не только не уничтожала эксплуатацию чужого труда, а напротив, сама сплошь и рядом порождала ее, позволяла мелким хозяевам сообща пользоваться наемным трудом. Этим убедительно опровергалась мысль, будто кооперация мелких производителей в условиях капитализма есть не капиталистическое, а социалистическое образование.

Для критики теорий, ставивших во главу угла потребительскую кооперацию, важное значение имели ленинские работы, написанные в связи с Международным социалистическим конгрессом в Копенгагене (1910 г.). В «Проекте резолюции о кооперативах», предложенной

⁸¹ Творцы кооперации. Сб. кратких биографий с выдержками из статей кооператоров. М., 1919, стр. 60.

конгрессу от имени российской делегации, В. И. Ленин отмечает, что пролетарские кооперативы дают возможность несколько улучшить положение рабочих уменьшением посреднической эксплуатации, воздействием на поставщиков, оказывают рабочим помощь при стачках, локаутах, преследованиях и способны, как коллективистские организации, подготавливать рабочих к роли организаторов будущей экономической жизни социалистического общества, обучать самостоятельному ведению хозяйства. Однако достигаемые кооперативами улучшения ограничены при капитализме узкими рамками. Кооперативы зависят от крупного капиталистического производства и, будучи чисто коммерческими учреждениями, «имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества». При этом, не будучи организациями непосредственной борьбы с капитализмом, кооперативы «способны порождать и порождают иллюзии, будто они являются средством решения социального вопроса»⁸²).

Предложенный французским социалистом Жоресом пункт резолюции: кооперативы «помогают рабочим... подготавливать демократизацию и социализацию средств производства» В. И. Ленин характеризует как одну из «расплывчатых, неопределенных, вполне приемлемых для идеологов мелкого хозяйчика и для теоретиков буржуазного реформизма фраз»⁸³). Владимир Ильич твердо отстаивает реалистическую, единственно правильную точку зрения, что сами по себе кооперативы, пока средства производства и обмена остаются в частных руках, ни ячейкой социализма, ни путем к социализму не являются. «Несомненно, — писал он позднее, — что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением»⁸⁴). Утопичность мечтаний старых кооператоров (Оуэна и др.) заключалась именно в том, что они не понимали основного, решающего — значения политической борьбы за свержение капиталистического строя. Но если политическая победа пролетариата достигнута, с властью эксплуататоров покончено, — положение и характер кооперации принципиально меняется. В новых

⁸²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 310—311.

⁸³) Там же, стр. 350.

⁸⁴) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 374.

условиях «многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров,— пишет В. И. Ленин,— становится самой неподкрашенной действительностью»⁸⁵). Это положение, высказанное в работе «О кооперации», блестяще подтвердилось на опыте социалистического строительства в СССР и странах народной демократии. Кооперация — уже социалистическая по форме и по содержанию — сыграла важнейшую роль в социалистическом преобразовании крестьянского хозяйства и кустарной промышленности.

К разряду мелкобуржуазных извращений социализма, хотя и другого, «левого» направления, относятся взгляды анархистов и эсеров.

Анархизм — не русское национальное явление. Основателем анархизма В. И. Ленин называет французского мелкобуржуазного экономиста Прудона⁸⁶) и пишет: «Отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма»⁸⁷). Знаменитые «апостолы» русского анархизма — М. Бакунин и П. Кропоткин — по ряду принципиальных вопросов близко примыкали к прудонизму, но расходились с ним в трактовке методов социалистического преобразования общества. Прудон был реформистом, тогда как Бакунин и Кропоткин придерживались курса на «социальную ликвидацию» (т. е. революцию). Не понимая действительных законов общественного развития, они полагали, что «взрыв» может произойти в любой момент, на любой экономической основе⁸⁸). Отсюда — проповедуемая Бакуниным тактика терроризма, заговорщичества, отсюда же — надежды Кропоткина на стихию, случай⁸⁹).

⁸⁵) Там же, стр. 369.

⁸⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 52.

⁸⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40.

⁸⁸) К. Маркс писал: Бакунин «абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 615.

⁸⁹) «... положение Европы таково, — писал П. Кропоткин в 1898 году, — что чисто случайное совпадение благоприятных обстоятельств может вызвать революцию». См.: П. А. Кропоткин. Записки революционера. «Мысль», М., 1966, стр. 445. Значительную роль в движении к социализму (анархическому коммунизму) Кропоткин отводил кооперации.

Анархисты вели упорную борьбу с теорией и практикой научного социализма, отвергали идею классовой борьбы и диктатуры пролетариата, обзывали марксистский социализм «казарменным» социализмом и т. д. Как течение внутри рабочего социалистического движения, представлявшее серьезную опасность для рабочего класса, бакунизм получил резкий отпор со стороны Маркса и Энгельса⁹⁰).

При конструировании своего социального идеала анархисты, по крайней мере вначале, исходили из добрых побуждений: они желали, чтобы трудящимся, в том числе рабочим, жилось лучше, свободнее. Однако ни их теория, ни практическая программа не могли привести к этой цели. В самом деле, чтобы обеспечить экономическое и политическое «уравнение классов» (что само по себе — бессмыслица) и «подлинную» свободу всем, они признавали необходимым не только заменить частную собственность коллективной (фабрики-коммуны, артели-коммуны), но и вообще отказаться от централизованного управления хозяйством, от всякого воздействия сверху, разрушить государственность. Общество в этом случае представляло бы федерацию (а лучше сказать — конгломерат) независимых экономических групп вроде «хозяйственных коммун» Дюринга, раскритикованных Энгельсом⁹¹), которые обмениваются своими продуктами, по собственному произволу вступают или не вступают в соглашение друг с другом. Конкуренция и анархия производства здесь были бы неизбежны, а это привело бы к имущественному и социальному расслоению коммун и крушению всех надежд на «уравнение классов». Анархисты не задумывались о создании более совершенного механизма поддержания пропорциональности в народном хозяйстве, чем тот, который был создан капитализмом.

Организация труда и распределение продуктов в социалистическом обществе рисовались анархистам в иде-

⁹⁰) Критике бакунизма посвящены работы: К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия»; Ф. Энгельс. Бакунисты за работой и др. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 457—474, стр. 579—624. О борьбе Маркса и Энгельса против бакунизма см.: С. И. Ерофеев. Критика анархистских взглядов М. Бакунина в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Канд. дисс., автореферат. М., 1964.

⁹¹) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1966, стр. 292—293.

алистических красках. Они считали, что все люди (или большинство) чуть ли не ангелы и будут сразу, без всякого принуждения и материального поощрения, честно трудиться в коммуне, свободно вступать и выходить из нее, не нарушая общей гармонии, соблюдать распорядок без назидания сверху, сознательно соразмерять свои потребности с наличными ресурсами; нерадивых одиночек (если таковые окажутся) предлагалось предавать остракизму⁹²).

Целью нового общества, полагали анархисты, является «наиболее полное и наиболее экономным образом достигаемое удовлетворение людских потребностей». Но это положение у них оставалось не более как благим пожеланием, ибо основывалось на ошибочном понимании соотношения производства и потребления. П. Кропоткин, например, предлагал начинать с коммунистического распределения (каждый берет что хочет и сколько хочет), а потом к нему приспособить производство⁹³). При таком порядке общественные фонды были бы скоро потреблены, а для дефежа дефицитных продуктов пришлось бы прибегнуть к уравниловке, ибо иной путь — распределение по труду, сдельную оплату — анархисты отбрасывали как якобы атрибут системы наемного труда, подлежащий уничтожению⁹⁴).

В. И. Ленин, продолжая традиции Маркса и Энгельса, дает острую, всестороннюю критику анархистской теории и тактики⁹⁵). Исключительный интерес в этом плане, несмотря на их краткость, представляют ленинские тезисы «Анархизм и социализм» (1901 г.), содержащие, по сути дела, исчерпывающую характеристику анархизма — его классовой природы и социальных условий возникновения, теоретических позиций и места в истории общественной мысли.

⁹²) Анархический коммунизм, писал П. Кропоткин, есть общество, «которое признает полную свободу личности, не создает никакой власти и не прибегает ни к какому принуждению для того чтобы заставить человека работать». См. его: «Хлеб и воля» Пг.—М., 1919—1920, стр. 184.

⁹³) См. там же, стр. 228, 236, 90.

⁹⁴) Там же, стр. 196, 197.

⁹⁵) Критике экономических взглядов русского анархизма посвящена глава 21 «Истории русской экономической мысли», т. III часть первая, М., 1966. Здесь широко использованы ленинские высказывания об анархизме.

Анархизм В. И. Ленин определяет как «вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм». Защита мелкой собственности и мелкого хозяйства на земле, отрицание объединяющей и организующей силы власти — таковы отличительные черты этого мирозерцания. Анархисты не понимали, указывает В. И. Ленин, истинных причин эксплуатации человека человеком, не понимали закономерности развития капитализма в социализм, а вместе с этим — и роли классовой борьбы пролетариата, роли организации и воспитания рабочих. Анархизм есть порождение отчаяния, психология выбитого из колеи интеллигента и босяка, а не пролетария. Что дал анархизм, некогда господствовавший в романских странах? — спрашивает Ленин и отвечает: «Никакой доктрины, революционного учения, теории нет», а есть «раздробление рабочего движения... Подчинение рабочего класса буржуазной политике под видом отрицания политики»⁹⁶).

Эту характеристику анархизма, в том числе социального идеала его, В. И. Ленин кратко конкретизировал и обогатил в других своих произведениях. В статье «Памяти Герцена» указывается на пропасть, существующую между марксизмом и бакунизмом как «между мирозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа»⁹⁷). В статье «О временном революционном правительстве» В. И. Ленин развенчивает анархистское отрицание государственной дисциплины («анархия — мать порядка»), признание лишь действия «снизу». «Только снизу» есть, по Ленину, нелепый принцип, из которого логически вытекает вывод, будто учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. А именно так и заявляли бакунисты, перенося свою ненависть к эксплуататорскому государству на правительство, государство любого типа, в том числе пролетарское. Действие «только снизу» без «действия сверху», т. е. без организующей, направляющей роли центра, революционной государственной власти политически ослабило бы пролетариат, разрушило бы его монолит-

⁹⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 377—378.

⁹⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

ность, а в экономической области означало бы воссоздание в худшем издании капиталистического строя, анархии и конкуренции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вслед за Энгельсом В. И. Ленин подчеркивает **допустимость** «перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции»⁹⁸⁾.

В книге «Государство и революция» В. И. Ленин опровергает анархистский взгляд на политическую организацию будущего общества. Отвергая государственность в любом случае, анархисты защищали принцип федерализма — необязательное ни для кого соглашение коммун при отсутствии центральной власти, — который вытекал из их мелкобуржуазных воззрений. Сходство Маркса и Прудона, указывает В. И. Ленин, в данном случае заключалось только в том, что оба стояли за «разбитие» современной государственной машины. Но Маркс был централистом. Это вытекало из признания необходимости, закономерности для социалистического строя общенародной собственности на средства производства. Отметив принципиальное отличие марксизма от анархизма в этом вопросе, В. И. Ленин пишет: «...пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и **объединят** действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее **всей** нации, всему обществу» — это и будет «самый последовательный демократический централизм»⁹⁹⁾.

В таком же стиле В. И. Ленин критикует идеи мелкобуржуазной уравнительности в распределении, отрицание необходимости дисциплины и единоначалия в социалистическом производстве, указывает на применимость методов принуждения по отношению к меньшинству после того, как исчерпаны возможности убеждения и т. д. Эти положения нанесли сокрушительный удар по взглядам анархизма, потерпевшего в 1917 году политическое банкротство, и сыграли важную роль в первые годы Советской власти в деле приступа к социалистическому строительству и в борьбе против взглядов «левых ком-

⁹⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 242, 244.

⁹⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 53.

мунистов» и анархо-синдикалистского уклона в нашей партии («рабочая оппозиция», децисты), пытавшихся проташить некоторые анархистские идеи в практику социалистического хозяйствования¹⁰⁰).

Социалисты-революционеры — другое течение мелкобуржуазного социализма в России начала XX века — в своих взглядах на будущее придерживались в основном народнических позиций. Они отрицали коренное сходство буржуазного и крестьянского товарного хозяйства, идеализировали крестьянскую общину, «народные» трудовые артели, видели в них готовые «ячейки» нового строя, защищали уравнительное землепользование («социализация земли»), надеясь этим устранить наемный труд и т. д. Главной общественной силой, способной осуществить преобразование, и главным носителем идеи социализма эсеры считали крестьянство, интеллигенцию. Конечно, как и во всем крестьянском социализме, в «полюнявшем народничестве» эсеров не было ни зерна социализма. Но если народничество являлось цельным и по-своему последовательным учением, то эсеры, утратив эту цельность, ничего нового не добавили. Эклектизм, разрыв между словом и делом, громкие «левые» фразы, а в тактике — авантюризм, — вот чем зарекомендовало себя это течение. В. И. Ленин указывал, что свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли социалисты-революционеры ограничили «простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости»¹⁰¹).

В течение 1902—1922 гг. В. И. Ленин многократно обращался к критике эсеровского социализма, глубоко проанализировал политическую эволюцию, программу и тактику этого течения. И такое внимание к нему со стороны великого вождя революции не было случайностью. Эсеры рекламировали себя как крестьянскую партию. Хотя их обещание скорой «социализации земли» являлось беспочвенным, часть крестьянства шла за ними, так как представление о справедливом разреше-

¹⁰⁰) См.: К. И. Варламов, Н. А. Сламихин. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов». Мысль, М., 1964; «Критика буржуазных и реформистских экономических теорий в трудах В. И. Ленина». Мысль, 1966, стр. 185—211.

¹⁰¹) В. И. Ленин. Плен. собр. соч., т. 6, стр. 372.

нии аграрного вопроса крестьяне связывали с конфискацией помещичьих земель и уравнильным землепользованием. К тому же эсеры претендовали на идейное руководство освободительным движением, пытаясь увлечь за собой рабочих, пропагандировали вредные утопические средства завоевания свободы. Своей критикой В. И. Ленин достигал двух целей: исследовал революционные потенции русского крестьянства как союзника пролетариата и разоблачал псевдосоциализм эсеров. Это имело большое историческое значение для судеб социалистической революции в России¹⁰²).

Уже в первых своих выступлениях против эсеров, относящихся к периоду «Искры» (1902 г.), когда вновь сформировавшееся течение еще не вполне раскрыло свою подлинную сущность, Владимир Ильич мастерски, с необыкновенной точностью поставил классовый диагноз, заклеил вульгарный характер его теоретических откровений. В кратких тезисах «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» Ленин показал ходячность и неоригинальность экономических воззрений эсеров, их враждебность учению научного социализма. Бравируя пренебрежением к вопросам теории, эсеры объявляли марксизм «поколебленным», братались с бернштейнством и «экономизмом», проповедовали стихийное бунтарство и терроризм. В великом расколе международной социал-демократии (на оппортунистическую и революционную) эсеры пытались занять позицию «между двух стульев» посреди русского марксизма (от которого они переняли только жалкие обрывки) и квазисоциалистического либерально-народнического направления. «Социал-революционаризм, — констатировал В. И. Ленин, — есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»¹⁰³).

¹⁰²) Критику экономической программы эсеров см.: «История русской экономической мысли», т. III, часть первая, М., 1966, гл. 17, 18.

¹⁰³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 373, 374.

В своей практической программе эсеры обнаруживали крайнюю беспринципность, стремились опереться одновременно на крестьянство, интеллигенцию и пролетариат, что объективно означало бы политическое и идейное порабощение рабочего класса буржуазной демократией. То, что эсеры включали в свою программу пункт о поддержке и развитии кооперации, свидетельствовало об уходе их с позиций революционной борьбы, о принижении их «якобы социализма до уровня самого дюжинного мелкобуржуазного реформаторства»¹⁰⁴).

В статье «Революционный авантюризм» (1902 г.) В. И. Ленин бичует тактику индивидуального террора как исключительно вредную, мешающую подготовке и организаций сил революции. Эсеры не понимали роли революционной классовой борьбы, ставили во главу угла личность, недооценивали силу сопротивления самодержавно-помещичьего государства. Вначале они признавали так называемый «аграрный террор» — насильственный захват крестьянами помещичьих земель, но затем от него отказались. В ответ на уверения социалистов-революционеров, что они не допускают ошибок старых террористов и сочетают террор с работой в массах, В. И. Ленин замечал: «Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения»¹⁰⁵).

В названной работе, а также в статье «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами» (1902 г.), В. И. Ленин обогащает, расширяет свою критику аграрной программы эсеров, доказывая внутренне противоречивый, либеральный характер «чистой идеи социализма», с которой носились представители эсеровщины. Идеал эсеров — огромная аграрная страна с мелким семейным хозяйством натурального, патриархального типа. «Социализация земли» осуществляется без социализации капитала. Земля переходит к государству, вводится уравнильное землепользование при посредстве общины, растет кооперация. «...в этой схеме,—пишет Ленин,—не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капита-

¹⁰⁴) Там же, стр. 375.

¹⁰⁵) Там же, стр. 380.

лизма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики?»¹⁰⁶).

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» В. И. Ленин сравнивает эсеровский аграрный проект с другими аграрными программами, выявившимися в ходе революции. Здесь важно отметить указание Ленина на ошибку некоторых марксистов, просматривавших исторически-реальное и исторически-правомерное содержание эсеровской теории в борьбе с крепостничеством. «Критикуют,— пишет Владимир Ильич,— и справедливо критикуют «трудо-вое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России»¹⁰⁷). Идея уравнительного землепользования сама по себе ошибочна, но она была законной и прогрессивной, поскольку выражала протест против феодального, крепостнического неравенства и содействовала борьбе за буржуазное развитие, «ошибочно облекая это туманной, квазисоциалистической фразеологией»¹⁰⁸).

Поскольку эсеровская аграрная программа содержала лозунги, отражавшие интересы крестьянства против помещиков, и была способна двигать вперед демократическое преобразование России, В. И. Ленин и большевистская партия считали необходимым учитывать ее при решении практических вопросов революционного движения. При разработке аграрных законов Октябрьской революции учитывался популярный в крестьянских массах лозунг уравнительности и другие требования крестьянских «наказов»: хотя они не были правильными с научной точки зрения, все же содействовали завершению буржуазно-демократического переворота в деревне.

Если до 1917 года главное внимание в своих работах В. И. Ленин уделял теоретической критике эсеровщины.

¹⁰⁶) Там же, стр. 394.

¹⁰⁷) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213

¹⁰⁸) Там же, стр. 214.

то после февральской революции он делает упор на разоблачение факта измены социалистов-революционеров их собственным идеалам, предательского поведения эсеровских лидеров в условиях революции. Эсеры, войдя в состав буржуазного Временного правительства, скатились к сотрудничеству с кадетами и помещиками, обнаружили нежелание выполнять свои программные требования. Министры-социалисты (Церетели, Чернов, Керенский) всячески оттягивали принятие закона о передаче помещичьих земель крестьянам, а когда те сами пытались отбирать земли у помещиков, эсеровские лидеры согласились с применением против крестьян жестоких репрессий, вплоть до вооруженного подавления. Оказалось на поверку, что аграрные обещания эсеров носили демагогический характер. Эсеровщина все более проявляла свою антинародную кулацкую природу.

В статье «Новый обман крестьян партией эсеров» (Октябрь, 1917) В. И. Ленин раскрывает ренегатство эсеров на примере разработанного их министром С. Масловым проекта нового земельного закона. Согласно этому проекту, конфискация помещичьих земель вовсе не предусматривалась — земли оставались у прежних владельцев, создавался лишь временный арендный фонд из незасаенных земель, устанавливалось взимание с крестьян платы за выделенные участки. Таким образом, пишет В. И. Ленин, «эсеры, получившие благодаря бессознательной доверчивости крестьян большинство в Всероссийском Исполнительном Комитете Советов крестьянских депутатов, изменили крестьянам, предали Советы крестьянские, перешли на сторону помещиков»¹⁰⁹). Аналогичную оценку эсеровщины дает Ленин в статьях: «Из дневника публициста», «Куда привели революцию эсеры и меньшевики», «Уроки революции». В сентябре 1917 года Ленин пишет: «Эсеровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону двorcов...

Только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может на

¹⁰⁹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 431.

деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах»¹¹⁰).

Обострение классовой борьбы в стране, измена части эсеровских лидеров прежним идеалам, рост классового самосознания трудового крестьянства определили неизбежность раскола эсеровской партии в 1917 году. Левое ее крыло, придерживавшееся ортодоксальных взглядов, заняло особую позицию по ряду вопросов, выступило с кригикой правых эсеров, а затем образовало самостоятельную партию¹¹¹).

В трудах В. И. Ленина мы находим глубокий анализ эволюции левых эсеров, причин их неустойчивости, смысла и значения компромисса с ними в первые месяцы Советской власти.

С точки зрения уяснения социальной базы этого течения чрезвычайно важен написанный Лениным «Проект воззвания второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов к крестьянству» (декабрь 1917 года). Разоблачая правых эсеров как перебежчиков в стан богачей, Владимир Ильич пишет: «Они изменили всем учениям и программе социалистов-революционеров, они перешли к врагам социализма, к душителям революции. Они порвали с верными хранителями учения, программы и требований социалистов-революционеров, с партией «левых социалистов-революционеров интернационалистов», которая осталась верна интересам трудящегося крестьянства»¹¹²). На основании этих слов и других ленинских высказываний можно заключить, что на первых порах партия левых эсеров выражала мнение крестьянства в целом, а не какого-либо его отдельного слоя, и лишь позднее, к весне и лету 1918 года, она постепенно скатилась на позиции кулачества¹¹³).

¹¹⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 114. Здесь же (стр. 108—112). Ленин оценивает содержание крестьянских «наказов».

¹¹¹) Об истории возникновения, взглядах партии левых эсеров см. интересное исследование: К. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963, стр. 91 и след.

¹¹²) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 152.

¹¹³) К. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 89, 90. Мы согласны с данной здесь характеристикой классовой сущности лево-эсеровской программы.

Пока и поскольку левые эсеры представляли интересы крестьянства (хотя и не в полной мере, и не все крестьянство шло за ними), с ними был возможен и целесообразен блок. «Союз крестьян и рабочих есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками», — говорил В. И. Ленин 1-го декабря 1917 года на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов¹¹⁴). Но, добавлял он, чтобы этот союз был честной коалицией, левые эсеры должны признать, что переживаемая нами революция — есть революция социалистическая. «И только в том случае, когда левые эсеры ясно и недвусмысленно заявят об этом, наш союз с ними будет крепнуть и расти»¹¹⁵). Однако мелкобуржуазной партии оказалось не под силу принятие такого условия. Смелые, революционные шаги Советской власти — заключение Брестского мира, введение хлебной монополии, создание продотрядов для изъятия хлебных излишков, меры против кулачества и т. д. — вызвали вопли и протест со стороны левых эсеров. А подняв в июле 1918 года вооруженный мятеж против Советской власти, они окончательно проявили себя как контрреволюционная сила, с которой уже никакого компромисса быть не могло. Масса крестьянства отвернулась от них.

И в условиях компромисса В. И. Ленин продолжал резко критиковать неустойчивость левых эсеров, склонность их к панике при осложнении обстоятельств, способность увлечься анархистской фразой, разоблачал их растерянность в период Брестского мира, объясняя все это мелкобуржуазной природой эсеровского социализма. «Социальный источник таких типов, — писал он, — это мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой»¹¹⁶).

В докладе на V Всероссийском съезде Советов (5 июня 1918 года), говоря о новых задачах Советской власти, В. И. Ленин замечал: «Прошли и для России:

¹¹⁴) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 100.

¹¹⁵) Там же, стр. 101.

¹¹⁶) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 208.

я уверен, безвозвратно прошли те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту¹¹⁷⁾. Это положение имеет важное методологическое значение для критики социалистических концепций: мало знать словесные заявления социалистов; главное — их практическая, политическая позиция, их дела. Только таким путем точнее всего можно обнаружить истинный или мнимый характер социалистических взглядов, программ, выяснить подлинное социальное значение их. Руководствуясь этим положением, Ленин дает точную историческую оценку левых эсеров, определяет отношение к ним рабочего класса, большевиков.

В «Письме к елецким рабочим» (август 1918 г.) В. И. Ленин указывает, что эсеры, поднявшиеся на борьбу с Советской властью, — это простые пешки в руках белогвардейцев, монархистов, прислужники Савиных. Но среди левых эсеров есть дяди, «устыдившиеся своей безголовости, бесхарактерности». Если они хотят изменить название своей партии, это можно только приветствовать. Коммунисты стоят за союз со средним крестьянством, и готовы сделать ему ряд уступок. Но не надо понимать так, подчеркивает В. И. Ленин, что соглашение с средним крестьянством означает обязательное соглашение с левым эсером. Ничего подобного. Сам закон о социализации земли был соглашением с крестьянством, а вовсе не с левоэсеровским интеллигентиком¹¹⁸⁾. Таким образом, отношение к мелкобуржуазному социализму устанавливается конкретно, исходя из высшего принципа диктатуры пролетариата — союза рабочих и крестьян.

Еще более активно вел Ленин в тот же период борьбу с таким опасным и воинствующим течением российского оппортунизма, как меньшевизм.

Возникшее в 1903 году в некоторой степени под влиянием «экономизма», международного ревизионизма сначала по вопросу об организационных основах партии, это течение в дальнейшем порвало с революционным марксизмом по всем принципиальным вопросам те-

¹¹⁷⁾ Там же, стр. 499.

¹¹⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 36, 37.

ории, политики и тактики рабочего движения. Мнимосоциалистический, соглашательский характер меньшевизма прикрывался нередко марксистской фразеологией, а также тем, что в числе меньшевиков оказались в прошлом авторитетные деятели социал-демократии — Г. В. Плеханов и другие. Догматизм, непонимание своеобразия исторических условий России ярко сказались в трактовке меньшевиками движущих сил и методов русской революции. Большевики отвергали ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и стояли за политику соглашения с либеральной буржуазией. О революции 1905—1907 годов Плеханов говорил: «Не надо было браться за оружие». В четырехтомнике «Общественное движение России в начале XX в.», написанном с позиций меньшевизма, утверждалось, что пролетариат России не подготовлен к роли гегемона, а крестьянство не является надежной силой в борьбе с царизмом. Отрицание революционных потенций крестьянских масс — отличительная черта теории Парвуса-Троцкого о так называемой «перманентной революции». Большевики уверяли, что между буржуазно-демократической и социалистической революциями лежат десятилетия, а поэтому перерастания первой во вторую ожидать нельзя. К тому же Россия вследствие своей отсталости не способна начать движение к социализму раньше, чем сделает это Запад. При таких взглядах неудивительно, что в годы столыпинской реакции большевики сделали поворот вправо. В своих органах «Голос социал-демократа», «Живое слово», «Новая заря» и др. они начали пропагандировать идею конституционного обновления России, отрекаясь от революционных программ, встали на путь примирения со столыпинским режимом, на путь ликвидации партии рабочего класса. Мировая война ознаменовала новое падение меньшевизма, который превратился в открытый социал-шовинизм. После февраля 1917 года большевики, подобно эсерам, блокировались с буржуазными партиями, считая революцию законченной. Их идейное и политическое банкротство завершилось после Октябрьской революции, когда они превратились в контрреволюционную силу, выступавшую вместе с буржуазией против Советской власти. И эта эволюция

меньшевизма не была случайной, поскольку его социальной опорой «была городская мелкая буржуазия, средние и низшие слои интеллигенции и весьма тонкий (в отличие от Запада) слой «рабочей аристократии»¹¹⁹⁾.

В борьбе с меньшевизмом В. И. Ленин заложил и развил организационные («Шаг вперед, два шага назад»), тактические («Две тактики социал-демократии в демократической революции»), философские («Материализм и эмпириокритицизм») основы большевистской партии¹²⁰⁾.

В книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин дал всестороннюю критику меньшевистского аграрного проекта «муниципализации земли», выдвинутого в противовес большевистскому требованию национализации земли. Согласно этому проекту, конфискованную у помещиков землю следовало сделать общественной собственностью местных самоуправлений, которым доставалась бы и рента. Крестьянская же наделная земля должна была остаться в частной собственности. «...в муниципализации,— пишет В. И. Ленин,— мы видим настоящий аграрный биметаллизм: сочетание самой старой, устаревшей и изжившей себя, средневековой, наделной собственности с отсутствием частной собственности на землю, т. е. с самым передовым, теоретически-идеальным устройством земельных отношений в капиталистическом обществе. Этот аграрный биметаллизм есть теоретический абсурд, нечто невозможное с чисто экономической точки зрения»¹²¹⁾. Порочность идеи разграничения наделной и муниципальной земли заключалось еще и в том, что она не способствовала бы организации крупного производства в земледелии, поставила бы крестьян в неравное положение. Уверение меньшевиков, что в тяжелые годы муниципалитеты передавали бы безземельным крестьянам земли в пользование бесплатно, В. И. Ленин расценивает как «демагогию хуже эсеровской, программу мещанского со-

¹¹⁹⁾ «История КПСС» в 6 томах, т. 3, кн. 1, М., 1967, стр. 9.

¹²⁰⁾ Обстоятельную критику меньшевизма см. в сб.: «Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма». М., 1966, статьи А. П. Косульникова, К. Д. Шалагина, С. С. Шаумяна.

¹²¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 291.

циализма в буржуазной революции»¹²²). Убедительно показав необходимость и важность национализации земли, Владимир Ильич четко вскрыл оппортунистический характер меньшевистского аграрного проекта, который сеял иллюзию о возможности решения крестьянского вопроса в рамках капитализма. Идею «муниципализации земли» Ленин относит к системе помещичьего «муниципального социализма»¹²³).

Псевдосоциалистический и соглашательский характер меньшевизма полностью обнажился после февральских событий 1917 года. Вместо борьбы с буржуазным правительством меньшевики в этот период выступили с проповедью «примирения» классов, отрицая классовую природу государства. В книге «Государство и революция» В. И. Ленин указывал: «Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти социалистической фразеологией»¹²⁴).

Конец двоевластия меньшевиками был воспринят по-разному. Одни из них заняли более радикальные позиции, а другие — большинство из них — благодушествовали и распространяли помещичьи иллюзии о возможности сохранить революционные завоевания «волею советского большинства», вернуть все «без труда». В. И. Ленин решительно опровергает эти иллюзии и доказывает, что «вернуть захваченное буржуазией можно только новой революцией». «...я, — добавляет Владимир Ильич, — не рассматриваю вовсе, может ли она (революция, — М. Е.) произойти мирно и легально (в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций). Я констатирую только историческую невозможность решительного поворота без новой революции. Ибо власть уже в других руках, уже не у «революционной демократии»¹²⁵). Позицию меньшеви-

¹²²) Там же, стр. 401—402.

¹²³) Там же, стр. 341, 342, 401.

¹²⁴) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 8.

¹²⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 129.

ков в этот период он характеризует как контрреволюционную, направленную против социализма¹²⁶⁾.

В первые годы Советской власти В. И. Ленин продолжает и завершает идейно-теоретическую критику меньшевизма по вопросам Октябрьской революции и строительства социализма. И в этот период меньшевики опять оказались в одном лагере с оппортунистами II Интернационала. Все, что Лениным написано о позициях Каутского, Парвуса и др., целиком относится и к меньшевизму. Меньшевистский псевдосоциализм в этот период зарекомендовал себя как воинствующий враг большевизма, и борьба В. И. Ленина и нашей партии против него имела важное теоретическое и политическое значение.

Мы кратко рассмотрели часть ленинских выступлений против оппортунизма и мелкобуржуазного социализма. Как видно из сказанного, В. И. Ленин мастерски применял диалектический метод в критике оппортунистических взглядов. Ленинское наследие в этом отношении дает чрезвычайно много ценного и поучительного для критической работы современных марксистов-ленинцев.

¹²⁶⁾ Там же, стр. 198, 199.

ГЛАВА IV

ПРОТИВ ЗАРОЖДАВШЕЙСЯ «СОВЕТОЛОГИИ»

Термин «советология», обозначающий антимарксистское изучение и истолкование советского строя, социалистической действительности СССР, утвердился за рубежом сравнительно недавно — в основном после второй мировой войны. Тем не менее антисоветизм как направление и метод идеологической борьбы империализма против первого в мире государства рабочих и крестьян, мирового коммунизма возник, по существу, сразу с победой диктатуры пролетариата в нашей стране. Вначале, пока потрясенный капиталистический мир рассчитывал на близкий крах Советов в ходе гражданской войны и интервенции, буржуазные идеологи ограничивались злобной клеветой, ругательными, но поверхностными выпадами против большевизма и советской системы. Не веря в возможность функционирования новой системы, они, как правило, и не стремились отнестись к ней в теории по-серьезному, внимательно ее изучать. Затем, когда неудача вооруженной борьбы против Советской власти стала очевидной, наряду с прежним яростно враждебным тоном антисоветской пропаганды среди буржуазных экономистов возникла тенденция к более основательному теоретическому осмыслению нового строя. В двадцатые годы выкристаллизовались типичные приемы, доводы и круг вопросов, по которым до сих пор осуществляются идеологические диверсии мирового капитала против СССР. Измышления об «ужасах» большевистской диктатуры и централизма, «доказательства» беспочвенности, утопичности коммунистических идеалов со ссылкой на неизменную индивидуалистическую «природу» человека, ут-

верждения о невозможности рационального хозяйствования при социализме, о неизбежности буржуазного перерождения СССР и т. п.— все пускается в ход, чтобы посеять недоверие и неприязнь к советскому обществу среди трудящихся. Конечно, отдельные буржуазные деятели как в прошлом, так и сейчас под давлением очевидных фактов делают иногда более или менее объективные признания об успехах, достигнутых нашей страной. Но такие признания, как правило, тонут в общем зловонном хоре антисоветизма.

В формировании буржуазной «советологии» в 20-е годы активная роль принадлежала реакционным социологам и экономистам типа Мизеса, которые не являлись псевдосоциалистами, а также оппортунистическим деятелям из рядов II Интернационала (Каутский, Реннер, Бауэр и т. д.). Поставщиком низкопробной клеветы о большевизме, Советской власти заявила себя белоэмиграция — выметенные из пределов нашей страны кадеты (Милюков), эсеры (Керенский, Чернов), меньшевики (Югов). Эти «бывшие» люди, стремившиеся всячески напакостить народу, который не пошел за ними, и завоевать «место под солнцем» иностранного империализма, усиленно эксплуатировали свое «знание» России, изощрялись в сотворении гнусных вымыслов о советской действительности с тем, чтобы подготовить «общественное мнение» Запада для организации нового «крестового похода» против СССР.

Не приходится много говорить, какое громадное идейное и политическое значение имела борьба с враждебной «советологией» уже в первые годы Советской власти. Наша партия считала, что эта борьба чрезвычайно важна и необходима как по причинам внутривнутриполитическим (преодоление остатков капиталистических элементов и буржуазной идеологии, коммунистическое воспитание масс), так и интернациональным (укрепление престижа СССР и идей коммунизма на мировой арене, разоблачение буржуазных вымыслов). И в том и в другом случае она превращалась в фактор развития теории и практики научного социализма, в средство самоутверждения коммунистических идеалов.

Существенный вклад в разоблачение антисоветизма внесли представители братских рабочих и коммунисти-

ческих партий капиталистических стран, искренние друзья наши за рубежом, особенно те из них, кто посещал Советскую страну и воочию наблюдал рождение из руин старого мира нового, невиданного дотопе государства рабочих и крестьян. Их красноречивые, убедительные разъяснения о целях и задачах коммунизма, правдивые рассказы об СССР будили в трудящихся капиталистических стран чувства солидарности с советским народом и сильно помогли Советской республике в тяжелые годы ее становления.

В. И. Ленин с первых лет Октября выступает как вдохновитель и организатор борьбы с зарождающимся антисоветским направлением буржуазной и реформистской мысли. По его прямым указаниям советская печать, в том числе газеты «Правда», «Известия», журналы «Большевик», «Под знаменем марксизма» и др., несмотря на ограниченность материальных возможностей, занялась систематической критикой империалистических вымыслов, регулярно выступала с анализом зарубежных откликов на события в СССР, помещала острые полемические статьи с разбором «советологических» изданий. Естественно, что с годами, по мере расширения материальной базы печати, роста кадров идеологического фронта эта сторона деятельности большевистской мысли неуклонно развивалась. К критике буржуазных и реформистских взглядов на советский строй партия привлекала свои лучшие теоретические силы, обеспечила достаточную оперативность ее.

В. И. Ленин был не только организатором борьбы, но одновременно и первым выдающимся, глубоким критиком зарубежных антисоветских писаний. Несмотря на колоссальную загруженность государственной, военной, организаторской работой, Владимир Ильич в течение 1918—1923 годов десятки раз обращался к критике антисоветизма и дал ряд превосходных примеров партийного большевистского подхода к ней. Не только общеметодологические, но и частные, конкретные замечания Ленина, направленные против «концепций» антисоветизма, содержащиеся в работах «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.), «Заметки публициста» (1920), «О нашей революции» (1923)

и др., имеют большое историческое и актуальное значение.

Поскольку среди буржуазных и оппортунистических «доводов» против советской системы, наряду с политическими, морально-этическими, много места занимали как наиболее весомые — экономические «доводы». В. И. Ленин, а позднее его соратники и ученики, советские ученые-экономисты особое внимание в своей критике уделяли развенчиванию экономической аргументации антисоветизма. Используя цифры и факты о сдвигах в советской экономике, данные о результатах революционного творчества нашего народа в различных областях жизни, советская экономическая мысль с первых лет своего существования начала решительное опровержение измышлений о характере процесса экономического развития СССР, противопоставила им правдивое, основанное на теории марксизма-ленинизма, освещение реальных событий. Два обстоятельства поначалу серьезно осложняли критические позиции нашей экономической мысли. Во-первых, социалистическая система хозяйства в 20-е годы переживала период становления и, естественно, не успела еще раскрыть всех своих преимуществ перед капиталистической системой. Во-вторых, научный уровень разработки экономических проблем социализма тогда не мог быть еще достаточно высоким; советский народ, круто повернув в октябре 1917 года в сторону от привычной, наезженной дороги буржуазного развития, начал прокладывать новый путь по целине коммунизма и вынужден был во многих случаях идти ощупью, накапливая практический опыт, иногда набивая «синяки и шишки». В силу указанных обстоятельств экономическая мысль 20-х годов не всегда располагала разносторонним, исчерпывающим материалом, чтобы опровергать вымыслы «советологии». Тем не менее, оценивая результаты советской критики экономических «концепций» начинающейся «советологии» в целом, конкретно-исторически, нельзя не признать, что, благодаря деятельности В. И. Ленина и его учеников, советская экономическая мысль 20-х годов справилась со своими задачами. Она нашла довольно и фактов, и основательных теоретических аргументов, чтобы дать надлежащий отпор буржуазно-оппортуни-

стическим инсинуациям о роли и характере Октябрьской революции, сущности нэпа, природе советского строя, плановой системе, об индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства, о системе и методах управления народным хозяйством. Этим была заложена база для последующего развертывания боевой ленинской критики экономических идей современной «советологии».

Центральное место в ленинских выступлениях против антисоветизма занимает тема Октябрьской революции.

Победа русских рабочих вызвала за рубежом обширную литературу, в которой на разный манер делались попытки оценить значение Октября, характер большевистской революции. Реакционные идеологи империализма встали на путь разносного, клеветнического шельмования событий в советской России. Д. Кейнсу и его коллегам Советская власть, большевизм представлялись, говоря словами В. И. Ленина, «в уродливом, свирепом, зверском виде»¹⁾. Более ловкую, но не менее враждебную, порочную, хотя и подкрашенную под догматический марксизм «концепцию» Октября выдвинули оппортунистические деятели II Интернационала. Поскольку в России, утверждали они, отсутствует достаточный уровень цивилизованности, культуры, и она не созрела для социализма, Октябрьская революция не сможет долго удержаться, является преждевременным актом и имеет буржуазный, а не социалистический характер. Ее методы, говорили они, не типичны и неприемлемы для высокоиндустриальных стран, которые пойдут к социализму совсем иначе. На этой «концепции» сошлись и каутскианцы, и меньшевики, и лейбористы.

До первой мировой войны, пока он был марксистом, К. Каутский признавал, что капитализм созрел для перехода к социализму и что грядущий кризис, войну необходимо использовать для начала социального переворота. Но потом он стал социал-шовинистом. Используя догму о решающем значении в политических преобразованиях уровня производительных сил, Каутский

¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 219.

заявлял к концу мировой войны: «Зачем спешить с революцией при таких огромных разрушениях?» Октябрьскую революцию на этом основании он трактовал как переворот, который либо будет буржуазным, либо потерпит крах как грандиозная попытка перескочить через естественную фазу развития²).

В своих работах («Пролетарская революция и ее программа» и др.) Каутский обвинял большевиков в отступлении от Маркса, в пренебрежении фактором производительных сил.

В духе Каутского выступали с осуждением Октябрьской революции, большевизма другие оппортунисты. Меньшевик Парвус разглагольствовал, что, поскольку в России нет развитой индустрии, а пролетариат не составляет большинства населения, здесь не может быть пролетарской социалистической революции. Октябрь, по его словам, есть оккупация страны дезертировавшей солдатской чернью, а большевизм — мост, по которому к власти придет какой-нибудь цезарь, бонапарт. О. Бауэр, не отрицая прямо факта, что в Советской России утвердилось диктатура пролетариата (в форме «пролетарского деспотизма», добавлял он), тоже предрекал близкий крах идей Октября: советская власть, поднимая миллионы крестьян к культуре, — вещал этот «лучший из социал-предателей»³), — собственными руками готовит политическую силу, которая ее «столкнет»⁴).

В. И. Ленин в своих работах наголову разбил эту насквозь фальшивую интерпретацию Октябрьской революции.

В ответ на возражение о неподготовленности русского народа к «введению» Коммуны Владимир Ильич писал: «Это — довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе. *Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большин-

²) К. Каутский. Die Dictatur des Proletariats. Wien, 1918, с. 43.

³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 137.

⁴) Позднее, в начале 30-х годов, факт экономической отсталости России у Бауэра фигурировал уже как одна из основных причин, облегчивших победу Октябрьской революции. См.: Д. Мануильский. Очередные откровения г-на Отто Бауэра. «Большевик», 1933, № 1-2, стр. 44.

ства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить»⁵).

Возможность и закономерность социалистической революции в России обуславливались как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Современный капитализм в целом как система мирового хозяйства вполне созрел для социалистического переворота. Но в силу действия закона неравномерности экономического и политического развития наиболее слабым звеном цепи империализма, в котором вероятнее всего прорыв, могла стать и не обязательно самая развитая в промышленном отношении страна. Для этого важно было максимальное обострение социально-экономических противоречий, наличие в такой стране объективных и субъективных факторов пролетарской революции, что, конечно, предполагало существование в ней капиталистических отношений, пролетариата, коммунистической партии. В ходе первой мировой войны таким наиболее слабым местом системы империализма и оказалась Россия. В. И. Ленин подчеркивал: «Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»⁶). Царская Россия была отсталой страной по сравнению с Англией, США, Францией, но в 1913 году на долю промышленности в ней приходилось 42,1% валовой продукции народного хозяйства, высокой концентрацией по рабочей силе отличалось фабричное производство, в ряде отраслей складывалось господство монополий. Следовательно, здесь было кому штурмовать капитализм, приступать к социалистическому строительству⁷).

В статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», касаясь догматических взглядов оппор-

⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 163—164.

⁶) Ленинский сборник, № XI, стр. 397.

⁷) К сожалению, в советской литературе после В. И. Ленина экономическая отсталость предреволюционной России нередко преувеличивалась, усиленно подчеркивался аграрный, крестьянский характер ее экономики, а это ослабляло защиту правильных взглядов на Октябрь в борьбе с оппортунизмом. Характеристика царской России XX века только как аграрной страны, по справедливому замечанию А. Пашкова, «неточно отражает действительность и противоречит прямым высказываниям В. И. Ленина» («История русской экономической мысли», т. III, часть первая, М., 1966, стр. 9). Россия была аграрно-индустриальной страной.

тунистов, В. И. Ленин защищает творческий подход к решению проблемы социалистической революции в России. Если для создания социализма, пишет он, требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы. «В каких книжках,— продолжает В. И. Ленин,— прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»⁸⁾). Октябрьская революция, при всем ее своеобразии, нисколько не нарушала общей закономерности мирового революционного процесса перехода к социализму, а являлась лишь ее конкретным проявлением. Поэтому Октябрь — не анахронизм и не «отступление от Маркса», а совершенно естественное явление, подтверждающее правильность марксистского учения. Исторически закономерный, неизбежный переход человечества от капитализма к социализму вследствие его сложности и многообразия воздействующих факторов не может совершаться во всех странах по какому-то единому шаблону.

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», посвященной разбору брошюры последнего «Диктатура пролетариата» (1918 г.), В. И. Ленин полностью опровергает оппортунистическую версию о якобы буржуазном характере Октябрьской революции. Чтобы хоть чем-нибудь подкрепить свой надуманный тезис, либерал Каутский хватался за «мелочи»: по советской Конституции, говорил он, часть населения (эксплуататорские элементы) лишена избирательных прав, выборы — «непрямые», разрешено применение насилия и т. д. — словом, «чистой демократии» нет. Но если, возражает В. И. Ленин, Советы осуществили все сказанное, значит они — «действительно организации угнетенных масс, а не продавшихся буржуазии социал-империалистов и социал-пацифистов», значит они — «органы действительно революционного пролетариата»⁹⁾).

⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 289—290.

Столь же фальшивыми были и экономические «доводы» Каутского: в России-де фабрики передаются в руки отдельных коллективов рабочих; единоличное крестьянство составляет поголовное большинство населения; аграрные декреты Советской власти имеют буржуазный характер, надежной статистики в стране не существует, а без нее немислимо социалистическое хозяйство и т. п. Каутский не желал придавать решающего значения фактам социалистической национализации, создания ВСНХ, развертывания пролетарской революции в деревне.

Парируя ссылки на буржуазный характер советских аграрных законов (национализация земли, частное землепользование), В. И. Ленин обращает внимание на специфику Октябрьской революции, которая должна была сначала довести до конца буржуазную революцию в деревне, объединить вокруг городского пролетариата деревенскую бедноту и затем уже развернуть наступление на сельскую буржуазию. Если бы нам не удалось объединить бедноту против богатого крестьянства, революция,— указывает В. И. Ленин,— не вышла бы за рамки буржуазно-демократического преобразования и тем была бы доказана «незрелость» России для социалистического переворота. С другой стороны, если бы большевистский пролетариат попытался сразу, без подготовки, без ряда уступок среднему крестьянству «декретировать» введение социализма в деревне, это «было бы бланкистским искажением марксизма»¹⁰). Уже летом и осенью 1918 года, указывал Владимир Ильич, советская деревня переживала пролетарскую революцию.

В числе оппортунистических «доводов», призванных подкрепить тезис о случайном, незакономерном характере Октябрьской революции, видное место занимало обвинение большевиков в тактическом авантюризме. Каутский утверждал, будто курс на революцию был построен большевиками всецело на предположении, что в определенный срок Запад поддержит их и начнет революцию. Если бы так случилось, писал Каутский, все было бы логично и хорошо обосновано, революцию

¹⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 316, 317.

можно было бы начинать. Но это не оправдалось, да и вообще неправильно строить тактику на таком предположении.

В. И. Ленин, протестуя против этих высказываний, разъясняет, во-первых, что Каутский приписывает большевикам бессмыслицу — все ставить на карту в ожидании революции в других странах, к **определенному сроку** (такой глупости большевистская партия не делала); во-вторых, «расчет на европейскую революцию обязателен для марксиста, если есть налицо **революционная ситуация**»;¹¹⁾ такой расчет побуждает социалистов готовить революцию, работать на нее, а не бежать и не предавать ее, как поступили Шейдеманы и Каутские со своей «неавантюристической» (либерально-соглашательской) позицией. Тактика большевиков, умело использовавших конкретную ситуацию 1917 года, блестяще оправдалась в главном: обеспечила выход России из лагеря империализма и помогла тем самым развертыванию революционно-освободительного движения в других странах. «... с каждым днем становится яснее, — пишет В. И. Ленин, — что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм **годится как образец тактики для всех**»¹²⁾.

В 20-е годы (то же наблюдается и сейчас) реформистские деятели в целях дискредитации методов Октября, отрицания их интернационального значения подняли на щит идею о громадных «издержках», которые вытекали якобы из применения русских методов революции. Отто Бауэр, осуждая экспроприацию капиталистической собственности в форме конфискации, заявлял, что в этой форме экспроприация не может произойти иначе, как «ценой громадного разрушения производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, застопорило бы источники народного дохода»¹³⁾. Ему вторил лейборист Ласки: бесклассовое гармоническое общество «не может быть создано через конфликт, через кровь, через ненависть», «насилие неразумно»¹⁴⁾.

¹¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 300.

¹²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 305.

¹³⁾ О. Бауэр. Путь к социализму. Цит. по В. И. Ленину. ПСС, т. 40, стр. 136.

¹⁴⁾ Цит. по рецензии: «Большевик», 1928, № 23--24, стр. 143.

Сторонники такой «точки зрения» игнорировали замечание Энгельса о том, что ни одна революция не обходится «без всяческого разрушения¹⁵⁾, и в то же время умышленно забывали, что громадные издержки, связанные с обороной Октябрьской революции, молодой Советской республики являлись результатом вмешательства международного капитала, иностранной интервенции. Последнее обстоятельство было понятно даже не социалистам, поскольку они стояли на почве фактов¹⁶⁾.

В. И. Ленин в замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» полностью солидаризируется с вышеприведенным мнением Ф. Энгельса о неизбежности частичного разрушения производительных сил в ходе социальной революции¹⁷⁾. Одновременно в других работах он показывал, что сам Октябрьский переворот был относительно бескровным, а методы преобразования, примененные большевизмом, сохраняют значение всеобщей истины при переходе от капитализма к социализму. «...основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России, — пишет он об особенностях пролетарской диктатуры в нашей стране, — те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного»¹⁸⁾. Из этого вытекала мысль о необходимости всестороннего изучения исторического опыта диктатуры пролетариата в России, о возможности применения ее методов в той или иной конкретизации для всех без исключения стран. Владимир Ильич глубоко разработал положение об общем и специфическом в советском опыте и тем самым защитил от нападок со стороны ревизионистов тезис о международном значении методов

¹⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 297.

¹⁶⁾ Например, Г. Уэллс, посетивший Россию в 1920 г., писал: «Не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист» («Россия во мгле», ГИПЛ, 1958, стр. 19—20).

¹⁷⁾ См.: Ленинский сборник, № XI, стр. 373, 374.

¹⁸⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.

Октября. История последних 20—30 лет блестяще подтвердила правильность этих положений¹⁹⁾.

Враги большевизма за рубежом с упорством, достойным лучшего применения, пытались изобразить Октябрьскую революцию как акцию, совершенную помимо и вопреки марксовой теории. Австромарксист К. Реннер громогласно восклицал: «Никакая наука в мире не могла бы предсказать великого ленинского эксперимента, в том числе и сам экспериментатор»²⁰⁾. Белоэмигрант эсер Чернов утверждал: «Только полное отсутствие конструктивной системы социализма и могло породить безумную готовность большевизма экспериментировать над судьбами страны и жизнью народов»²¹⁾. Аналогичные или близкие к ним заявления делались Каутским, Бауэром и др.

Любопытно, что в подтверждение этой своей клеветы хулители Октября ссылались на высказывания.. Ленина.

В речи на I конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин говорил: «В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим²²⁾. В статье по поводу записок Н. Суханова Владимир Ильич вспоминал слова Наполеона: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет» и добавлял: «Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п.»²³⁾.

¹⁹⁾ В. И. Ленин не считал Октябрьскую революцию во всех своих конкретных чертах идеалом, который должны повторить другие народы. Так, в речи на VIII съезде РКП(б) он говорил: «Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств. Я этого ни от кого не слышал и утверждаю, что ни от кого не услышим. У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет» (Полн. собр. соч., т. 38, стр. 180).

²⁰⁾ Цит. по крит. статье: «Большевик», 1928, № 19, стр. 18.

²¹⁾ По критической статье в ж. «Большевик», 1925, № 3—4, стр. 18.

²²⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 507.

²³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

Отсюда оппортунистами делалось «умозаключение», будто возможность движения к социализму в России для самих большевиков была неожиданностью, будто их увлек стихийный поток событий, и они вступили на этот путь, подчиняясь обстоятельствам, не располагая научной теорией, вопреки указаниям Маркса. Для авторов этой странной «концепции» как будто не существовало истории большевизма — течения, которое в условиях невероятно дикого царизма с первых своих шагов провозгласило курс на развитие революционного рабочего движения: с целью установления в России коммунистического строя. Им были нипочем также известные ленинские положения о невозможности революционного движения без революционной теории, о том, что большевизм твердо руководствуется учением Маркса, требующим конкретного, творческого применения общих положений научного метода к новым историческим и национальным условиям. Горе-теоретики беспардонно извращали смысл вышеприведенных ленинских высказываний, в которых подчеркивалось лишь то, что никакая научная теория не в состоянии предвидеть заранее во всех деталях ход сложного социального процесса. Марксизм научно открыл главные, магистральные направления общественного развития. Дальнейшую конкретизацию научной теории перехода от капитализма к социализму возможно было осуществить на основе нового исторического опыта. Этот опыт и давала Октябрьская революция и строительство социализма в СССР. Как раз творческого характера марксизма-ленинизма и не хотели признать догматики. Они начисто игнорировали вклад в марксистскую науку, внесенный трудами Ленина, его соратников и учеников.

Крупной заслугой нашей партии, советской общественной мысли 20-х годов была постановка вопроса о новом, ленинском этапе в развитии марксизма. Советским ученым в тот период не удалось еще полностью исследовать содержание ленинского вклада в марксистскую науку, в том числе в политическую экономию социализма. Для этого не доставало ни кадров, ни времени; силы партии отвлекались на решение многих других вопросов. Тем не менее и то, что удалось тогда сделать по осмыслению ленинского идейного наследия (было ус-

тановлено научное определение ленинизма, вскрыты основные заслуги Ленина в развитии теории и практики социалистической революции, учения о диктатуре пролетариата, в создании теории переходного периода, в разработке плана построения социализма в СССР), позволило охарактеризовать нашего вождя как великого корифея науки, гениального мыслителя и нанести удар по концепциям, принижавшим или отрицавшим теоретическое значение трудов В. И. Ленина²⁴). Среди работ, которые содействовали выяснению существа ленинского этапа в развитии марксизма, положительное значение имела работа И. Сталина «Об основах ленинизма», несмотря на то, что в ней почти не затрагивались вопросы ленинской теории социалистической экономики.

С окончанием пражданской войны и переходом Советской страны к нэпу в буржуазно-реформистской литературе, кроме темы Октябрьской революции, возник ряд других тем, по которым велась бомбардировка позиций большевизма.

Весьма активную реакцию в заграничной литературе вызвало введение новой экономической политики. Господствующая реформистская точка зрения сводилась к утверждению, что нэп означает якобы крах коммунистических планов и курс на восстановление старых порядков. Р. Гильфердинг заявлял: «Ленин сам вынужден работать на восстановление капитализма»²⁵); Парвус: «Это — типично буржуазное хозяйство»²⁶); Бауэр: «Вот они отступают к капитализму; мы всегда говорили: революция — буржуазная»²⁷). Враги больше-

²⁴) Замалчивание или принижение заслуг В. И. Ленина в истории мировой экономической мысли характерно и для современной буржуазной политэкономии. В этом легко убедиться, ознакомившись с виднейшими «опусами» по истории экономических учений: J. Bell. A History of Economic Thought. New York, 1953; J. Schumpeter. The History of Economic Analysis, 1955; W. Catlin. The Progress of Economics. A History of Economic Thought. 1962; B. Seligman. Main Currents in Modern Economics, 1963.

²⁵) Цит. С. Слуцкица. Экономическое учение социал-фашизма (Гильфердинг). 1934, стр. 96.

²⁶) Об экономической платформе оппозиции. Сб. ст., М., 1926, стр. 261.

²⁷) Цит. по В. И. Ленину. ПСС, т. 45, стр. 89.

визма не желали понимать ни двойственной природы нэпа, ни закономерности для социалистического строительства экономических стимулов развития производства, хозрасчета, использования в определенных пределах инструментов товарно-денежного хозяйства. Международный капитал и остатки поверженной российской буржуазии связывали с нэпом надежды на реставрацию капиталистического строя. Буржуазный экономист С. Загорский в 1927 году писал, что в СССР «под прикрытием планового хозяйства происходит усиление и укрепление частнокапиталистического хозяйства». Монархист Шульгин после тайной поездки в нашу страну говорил: «В России все идет по-старому, только чуть похуже»²⁸. Аналогичные мотивы развивали сменовеховцы и их идеолог Н. Устрялов.

В. И. Ленин и партия в 1921—1923 гг. дали твердый отпор взглядам на нэп как на сплошное отступление. В борьбе с троцкистской оппозицией, которая забывала о наступательной функции нэпа, В. И. Ленин убедительно разъяснил, что стратегическая задача новой экономической политики — та же, что и «военного коммунизма», но нэп в тактическом отношении богаче, гибче «военного коммунизма». Как тактика «осады» капиталистической крепости, нэп включал в себя и элементы временного отступления, и обхода с флангов, перегруппировку сил, и — обязательно — новое наступление. Эти ленинские положения партия неукоснительно проводила в жизнь, обеспечив быстрый подъем народного хозяйства в восстановительный период. Вместе с тем указанные положения служили делу опровержения буржуазно-реформистских взглядов на нэп.

В отзыве о брошюре Бауэра «Новый курс в Советской России» (1921 г.), отмечая ее сугубую вредность, В. И. Ленин пишет, что в брошюре «фактически предлагается и проповедуется паническое отступление перед капитализмом. Мы не можем третировать такую проповедь иначе, чем мы третировали проповедь панического бегства на фронте во время войны»²⁹).

О сменовеховцах, которые бубнили о буржуазной эволюции СССР и, желая ускорить ее, соглашались:

²⁸) Цит. по ж. «Большевик», 1930, № 3—4, стр. 91.

²⁹) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 149.

пойти на признание и «мирное сотрудничество» с Советской властью, В. И. Ленин замечал в 1922 году: «Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая стоит перед нами. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным. Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это — основная и действительная опасность»³⁰). Чтобы ослабить угрозу роста капиталистических элементов в стране, В. И. Ленин уже на XI съезде РКП(б) в политическом отчете заявил: отступление конечно, задача состоит в том, чтобы перегруппировать силы для наступления на капиталистические элементы.

Кроме критики враждебных взглядов на новую экономическую политику, в работах В. И. Ленина 1918—1923 гг. содержится ценнейший материал по научному обоснованию линии партии в вопросах национализации промышленности, транспорта, банков, монополии внешней торговли, по выяснению специфики государственного капитализма в условиях диктатуры пролетариата, использованию товарно-денежных отношений, организации планового хозяйства, экономическому стимулированию и управлению советским хозяйством. Высказывания Владимира Ильича по названным и другим вопросам строительства социализма интенсивно использовались советской экономической мыслью в борьбе с «советологией».

Ренегаты марксизма в целях дискредитации большевистских методов строительства социализма пытались противопоставить им свою, надуманную идиллическую картинку перехода к социализму. В книжке «Материалистическое понимание истории» Каутский, отрицая закономерность революционных методов, «доказывал», что настоящий социализм может возникнуть только путем «чистой демократии» (под этим именем у него фигурировала «улучшенная» буржуазная демократия). Буржуазия, разглагольствовал он, с развитием капитализма становится сильнее экономически, а пролетариат — сильнее политически (имея большинство голо-

³⁰) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 94.

сов на выборах в парламент); государство утрачивает свой классовый характер, и у пролетариата появляется возможность посредством тайного голосования на выборах укрепить политическую мощь, а затем — в какой-то неопределенно далекой перспективе — и «учредить» социалистический строй без всякой остановки производства, без разрушений³¹⁾.

Вплотную к этой «идее» примыкала теория «хозяйственной демократии» Гильфердинга. Задача, по мнению автора оппортунистической идеи «организованного капитализма», заключается в том, чтобы привлечь рабочих к «соучастию в хозяйственном руководстве» через профсоюзы, ввести «демократический контроль» за производством и постепенно, опираясь на все это, осуществить огосударствление и коммунизацию хозяйства, перейти к принципу планомерной организации производства. Эту систему «хозяйственной демократии» Гильфердинг выдавал за «ранний социализм³²⁾».

В названных теориях, как видно, ничего оригинального и тем более революционного не было. Они игнорировали главное — то, что крупная буржуазия, стоящая у власти, как правило, без борьбы не расстается со своими привилегиями. Надежды же на профсоюзы и тайное голосование невелики, так как буржуазии удастся различными способами — подкупом, угрозой увольнения, обещанием и т. д. — добиваться того, чтобы рядовые избиратели голосовали за угодных ей кандидатов. Реформизм, отказ от революционного насилия, от диктатуры пролетариата означали уход австромарксизма с позиций научного социализма.

Советская экономическая мысль 20-х годов, опираясь на ленинское наследие, дала резкий отпор оппортунистическим взглядам Каутского и Гильфердинга по вопросу о переходе к социализму. В литературе остро и убедительно был вскрыт антинаучный, социал-предательский характер и несостоятельность этих взглядов, развенчаны методологические и политические позиции, лежавшие в основе их. Советские экономисты (Л. Ле-

³¹⁾ Критику этой «концепции» см. в ж. «Большевик», 1928, № 11, стр. 9—10, 14.

³²⁾ Критику см. С. Слуцкина. Экономическое учение социал-фашизма (Гильфердинг). 1934, стр. 100—112.

онтьев, Р. Вайсберг, С. Слуцкина и др.) показали, что «теории» австромарксизма представляют перепевы старых фабианских и бернштейнианских идей и лишь убаюкивают рабочий класс Запада несбыточными иллюзиями о возможности достижения социализма без революционной борьбы, без конфликта с буржуазией.

В конце 20-х годов буржуазная и реформистская пресса Запада, а в купе с ней и белоэмигрантская («Социалистический вестник» меньшевиков, «Дни» эсеров, «Новое время» сменовеховцев и т. д.) дружно выступили с разборами и «оценками» экономической политики Советского государства, направленной на социалистическую реконструкцию страны. Часть буржуазных идеологов выражала сожаление о несбывшихся надеждах на восстановление капиталистического строя в СССР, утверждая, что капитализм — не тот бурьян, который растет в любом грязном углу, что он не привился в Советской России из-за «отсутствия демократии»³³). Эти писатели не желали понимать, что социализм — более высокий по сравнению с капитализмом тип общественного хозяйства, и Советская власть «выполочила все ростки капитализма» по соображениям, связанным с обеспечением высшей производительности труда и высшего благосостояния народных масс, отвергла капитализм как отживающий способ общественного производства.

Используя ленинские положения об индустриализации страны, кооперировании сельского хозяйства, наша партия в лице своих виднейших деятелей (М. Калинин, В. Куйбышев, И. Сталин и др.) и ученых-экономистов дала достойную отповедь вражеским вымыслам по этим вопросам. Советская экономическая мысль показала, что период реконструкции не есть возврат к методам «военного коммунизма», как это пытались представить буржуазные идеологи, что успехи индустриализации СССР — отнюдь не результат одних лишь жертв со стороны населения, а свидетельство гигантских преимуществ советского планового хозяйства.

Враги социализма за рубежом всячески злорадствовали по поводу наших трудностей, преувеличивали масштабы перегибов в колхозном строительстве, кричали о «брутальном», «разрушительном» характере массовой

³³) Критику этой «идеи» см.: «Большевик», 1930, № 3—4, стр. 91

коллективизации и ликвидации кулачества как класса, пытаясь изобразить из колхозов нечто вроде пугала против социализма. Аналогичных взглядов придерживается большинство «советологов» до сих пор. Советские экономисты, опираясь на коллективные документы партии, решительно выступили против очернения методов и результатов массовой коллективизации, разъясняли великий исторический смысл и закономерность перехода к новым формам хозяйства, отмечали временный характер переживаемых трудностей, огромные возможности, тающиеся в колхозной системе.

Поскольку зарубежный антисоветизм для своих нападков на СССР широко черпал «доводы» из арсенала оппозиционных групп троцкистов, правых оппортунистов, неопенимое значение для критики «советологии» имела борьба ленинцев против экономических платформ внутренней оппозиции. Партия, руководствуясь учением Ленина, отвергала теории Троцкого и «левых коммунистов» об «экспорте», подталкивании революции в других странах, о невозможности сохранения диктатуры пролетариата в одной стране при задержке революции на Западе, теорию Бухарина о «чистом империализме» и «чистой» пролетарской революции, отрицавшей или принижавшей роль крестьянства в освободительном движении, в строительстве социализма. X съезд партии заклеил как анархо-синдикалистский уклон предложение «рабочей оппозиции» о передаче управления народным хозяйством профсоюзам — «всероссийскому съезду производителей», которое означало бы на деле ликвидацию руководящей роли партии в хозяйственной жизни страны³³¹). Съезд дал отпор троцкистским лозунгам государственствления профсоюзов, насаждения в народном хозяйстве военной дисциплины, голого администрирования, уравниловки в оплате труда, пресек наскоки децистов (группа «демократического централизма») на ленинскую идею единоначалия и централизма в управлении хозяйством. XIII конференция РКП(б) в резолюции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» (1924 г.) отвергла болтовню троцкистов о «бюрократизме» внутри партии и о «перерождении» кадров партии в условиях нэпа. XIV конференция

³³¹) «КПСС в резолюциях и решениях...», М., 1954, ч. 1, стр. 532.

РКП(б) осудила капитулянтский тезис троцкистов о невозможности построения социализма в СССР без «государственной помощи» развитых стран³³). В борьбе с «новой оппозицией» партия защитила ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством и о нэпе, отвергла утверждения о несоциалистической якобы природе гос. промышленности СССР. В борьбе с правыми партия обосновала необходимость максимально возможных высоких темпов индустриализации СССР, разгромила теорию «затухания» классовой борьбы в переходный период и теорию кооперирования крестьянства лишь через сферу обращения, отстаивала политику ликвидации кулачества как класса. Коллективные установки партии по всем рассмотренным вопросам служили надежной основой в деле теоретической критики антисоветизма.

В связи с упрочением Советской власти, успехами восстановления и развития народного хозяйства СССР в буржуазной экономической литературе активизировалось обсуждение вопроса об условиях нормального функционирования социалистической системы хозяйства, причинах ее устойчивости. В абстрактном виде возможность центрально управляемого хозяйства частью буржуазных экономистов признавалась и раньше. «Решение уравнений равновесия на бумаге (имеется в виду для всего социалистического общества — М. Е.) не является невозможным, — писал Э. Бароне в 1908 г. — Это был бы огромный, гигантский труд (такой труд, следовательно, надо было бы вычестить из производительного), но это не невозможно»³⁴). Непременным условием рационального хозяйствования и гармоничности социалистического общества представители математической школы, как уже отмечалось, считали наличие товарно-денежных отношений, причем природу последних они понимали как единую для всех эпох независимо от господствующих отношений собственности.

Иную точку зрения проповедовал в работах 1920—1921 гг. махровый антисоциалист Л. фон Мизес. Он утверждал: раз упраздняется частная собственность, а вместе с ней конкуренция, рынок, цена, прибыль,—

³³) Там же, ч. II, стр. 169.

³⁴) См.: *Collectivist Economic Planning*, London, 1935, p. 287.

значит рушится тот механизм, который поддерживает экономическое равновесие в обществе,— «пучок света», указывающий, что и в каком количестве надо производить. В советском хозяйстве, по его словам, неминуемо наступит крах, «колеса будут вертеться, но безрезультатно». Как известно, этому зловещему пророчеству не суждено было сбыться. Уже в начале 30-х годов ближайший единомышленник Мизеса Хайек не отваживался защищать это положение³⁵).

Австромарксист Отто Лейхтер в книжке «Хозяйственный расчет в социалистическом обществе», признавая возможность рационального хозяйствования и учета при социализме, в соответствии с позициями каутскианства и «гильдейского социализма» связывал ее с обязательным сохранением рынка и денег, без которых считал невозможным измерить стоимость продуктов и долю отдельных факторов производства в общих затратах. Подобно буржуазным экономистам, Лейхтер трактовал категории товара, денег, цены, зарплаты, прибыли в капиталистическом смысле как стихийно складывающиеся количественные явления. Например, касаясь процесса образования заработной платы в социалистическом обществе, он писал: это «в сущности тот же процесс, что и в капиталистическом хозяйстве»³⁶).

Советская экономическая мысль 20-х годов, следуя марксистско-ленинским положениям о сущности товарного производства, для своего времени достаточно ясно показала, что социальный характер товарно-денежных отношений определяется господствующей системой отношений собственности, что успешное функционирование советской экономики зависит главным образом от планового руководства хозяйством. На основе ленинских положений о товарном производстве в переходный период от капитализма к социализму советские экономисты подчеркивали специфику и ограниченность сферы применения инструментов товарного хозяйства в советской переходной экономике. По мере роста обобществленного сектора хозяйства в СССР неуклонно

³⁵) См. там же: Ф. А. Наяек. The present State of Debate.

³⁶) Отто Лейхтер. Хозяйственный расчет в социалистическом обществе. Перевод. М., 1926, стр. 57.

расширялась сфера и действенность планового начала, все более падало значение стихийной формы товарно-денежных отношений. Советское государство через стоимостные рычаги (планируя и регулируя цены, банковский кредит, развивая госторговлю и т. д.) оказывало возрастающее воздействие на частный, несоциалистический сектор хозяйства. Наряду с перспективным планом ГОЭЛРО, принятым в 1920 году, в 1925/26 году появились годовые контрольные цифры, а с 1928 г. вступил в действие первый пятилетний план развития народного хозяйства. Таким образом, главным конкретным методом сознательного регулирования и развития советского хозяйства в интересах всего общества с годами все более становился плановый механизм. В этих условиях часть советских экономистов правильно указывала на появление нового социального содержания в старых формах товара и денег внутри государственного социалистического сектора. При всем том советская экономическая мысль 20-х годов придерживалась в основном мнения, что социалистическое производство по своей природе является нетоварным, что товарная форма хозяйственных связей в зрелом социалистическом обществе полностью отомрет и что социализм создаст новый, бестоварный механизм для поддержания пропорциональности, гармоничности всего общественного производства. На этом основании часть критиков объявляла «буржуазными», «реставраторскими», ведущими якобы к отождествлению социализма с капитализмом всякие доводы и утверждения о необходимости сохранения при социализме в какой-либо форме товарно-денежных отношений³⁷⁾. По этой же причине не всегда достигалось единство в оценке зарубежной литературы по вопросу об условиях рационального хозяйствования при социализме^{37 а)}.

Труды В. И. Ленина оказали решающую помощь советским экономистам в разоблачении теорий «планового капитализма» и буржуазных фальсификаций о со-

³⁷⁾ См. критическую рецензию в ж. «Большевик», 1926, № 7—8, стр. 125.

^{37 а)} В ж. «Большевик» (1926, № 7—8) упомянутая работа О. Лейхтера резко отвергалась, а в ж. «Экономическое обозрение» (апрель, 1926 г.), напротив, одобрялась.

ветском плановом хозяйстве. Под влиянием успехов первой советской пятилетки и мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. среди буржуазных идеологов началась перестройка методов апологетики капитализма. Открыто реакционное течение буржуазной мысли пыталось сблизить советскую плановую систему с государством, типа восточных деспотий, игнорируя при этом классовый характер общества. Другое — буржуазно-либеральное направление, высказываясь за экономическое сотрудничество с СССР и признавая некоторые достижения советского народа (в области индустрии), развивало идею перенесения на почву капитализма методов социалистического планирования.

Советская экономическая мысль, пользуясь ленинским наследием, уже в годы первой пятилетки сформулировала основные аргументы против идеи «планового капитализма». Ряд ценных мыслей на сей счет высказали соратники В. И. Ленина — С. Киров, В. Куйбышев, Г. Кржижановский, И. Сталин и др.³⁸). Советские экономисты показали, что невозможность подлинного планового хозяйства при капитализме вытекает именно из господства частной собственности на средства производства, власти буржуазии. Только общенародная (государственная) форма собственности создает основу для развития экономики по единому общему плану. Это марксистско-ленинское положение сохраняет всю силу и в современных условиях. Распространение так называемого индикативного (рекомендательного) планирования в некоторых буржуазных странах несколько не опровергает этого положения, ибо на деле не означает создания плановой системы экономики.

За истекший с 20-х годов исторический период советская экономическая мысль накопила богатейший опыт критики враждебной идеологии, в том числе «советологии». Значительно повысился научный уровень критики, в чем явственно отразились и результаты углубленного овладения ленинским наследием, и успехи в научной разработке проблем политической экономии социализма.

³⁸) См.: С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957, стр. 293, 294; В. Куйбышев. Статьи и речи, т. V, 1937, стр. 69, 147; И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 161—164.

ГЛАВА V

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ — НЕЗАМЕНИМОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМ АНТИКОММУНИЗМОМ И ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМОМ

Заслуги В. И. Ленина в критике экономических «теорий» псевдосоциализма не ограничиваются негативной стороной — прямым разоблачением и опровержением отдельных антинаучных идей, вымыслов. Громаднейшее значение имеет разработка им положительной теории социалистического способа производства — проблем научной политэкономии социализма, ибо известно, что никакая серьезная критика враждебных взглядов, если она стремится быть доказательной, убедительной, не может осуществляться без опоры на позитивное понимание спорных проблем, без противопоставления ошибочным взглядам ясной, четкой позиции. Ленинская теория социалистической экономики как раз и обеспечивает нам такую позицию.

В 1899 году в статье «Наша программа» В. И. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹⁾.

В своей теоретической и практической деятельности В. И. Ленин неизменно руководствовался этим положением.

Великие основоположники научного пролетарского мировоззрения, превратившие социализм из утопии в науку, Маркс и Энгельс не имели возможности исследо-

¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

вать реальный социалистический строй и поэтому в порядке научного предвидения определили только наиболее общие черты и главные пути развития коммунистической формации. За исключением нескольких основных положений, все остальное в марксовых представлениях о коммунизме имело характер научной гипотезы, которую должно было подтвердить или отвергнуть будущее историческое развитие.

В. И. Ленин жил в иную эпоху. Перед творческим взором Ильича проходило становление, развитие новых форм общественно-экономической жизни, которые он мог наблюдать, исследовать как реальные факты. Новый исторический опыт, практика строительства социализма в СССР позволили ему во многом конкретизировать, обогатить научные взгляды на социализм и коммунизм и дать первую в мировой мысли теоретическую разработку реального социалистического способа производства. На основе учения Маркса, осмысливая живой практический опыт миллионов по преобразованию разных сторон жизни, Владимир Ильич теоретически обосновал и развил экономическую программу социалистической революции, разработал учение об экономике и политике переходного периода от капитализма к социализму (с выделением общего и особенного для отдельной страны), создал научный план построения социализма в СССР, сформулировал принципиальные установки по многим коренным проблемам социалистической экономики и ее перерастания в высшую фазу. Если кратко определить значение В. И. Ленина в этой области, то следует сказать, что Ленин — создатель основ политической экономии социализма — нового фундаментального раздела политэкономии в широком смысле, необходимость разработки которой завещали будущим поколениям Маркс и Энгельс²).

Советские исследователи, стремясь точнее очертить заслуги В. И. Ленина в этой области, используют две главных формулировки: одни считают, что Ленин «в основном создал политическую экономию социализма», другие — «зложил основы политэкономии социализма», третьи не видят различия в этих формулировках и упот-

²) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. ИПЛ, М., 1967, стр. 149.

ребляют как ту, так и другую³⁾). По нашему мнению, различие между приведенными формулами существует. Когда говорят, что здание в основном построено, то ясно, что осталось выполнить незначительные недоделки. Если же говорят: «заложены основы здания», то картина представляется иная: сооружен фундамент, воздвигнут лишь костяк. Применительно к «зданию» политэкономии социализма это различие может быть сведено к тому, что в одном случае («создана в основном») признают: исследованы и открыты важнейшие экономические законы социализма, познан конкретный механизм их действия и использования, выяснена логическая система взаимосвязанных экономических категорий и теоретический анализ доведен до возможности разработки важнейших количественных рекомендаций, ибо предмет политэкономии социализма, поскольку последняя подчинена целям революционно-созидательным, не может не отличаться от предмета политэкономии капитализма, подчиненной целям разрушения капиталистического строя^{3а)}.

В другом случае («заложены основы политэкономии») отмечается, что создано достаточно конкретное учение о переходном периоде от капитализма к социализму, установлены наиболее общие черты, отличающие социалистическую экономику от капиталистической, на-

³⁾ Вопросы экономической теории в трудах В. И. Ленина. М., 1962, стр. 269; История экономических учений. Под ред. Н. К. Каратаева. М., 1963, стр. 363; А. И. Пашков. Создание В. И. Лениным основ политической экономии социализма. «Ленин и наука». изд. АН СССР, 1960. Его же. Теоретическое наследие Ленина — основа политической экономии социализма. — «Экономические науки», 1968, № 4, стр. 3—12.

^{3а)} Политэкономия социализма также является наукой, изучающей общественно-производственные отношения людей во взаимодействии с производительными силами. Речь идет лишь о некотором обогащении ее предмета в силу новых задач, которые она призвана решать в социалистическом обществе. Эта мысль высказана в литературе Я. А. Кронродом («Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 74—80). Данный автор связывает это с принципиально новой функцией, свойственной политэкономии социализма. Качественно новую роль экономической теории социализма отмечает и И. И. Кузьминюв: «При социализме экономическая наука впервые обретает новое качество: она становится руководством к действию как в идеологической, так и в хозяйственной области» (Методологические проблемы экономической науки, М., 1967, стр. 3).

коплен эмпирический материал для познания объективных экономических законов, а некоторые из них открыты, выработаны принципиальные установки по вопросам общей организации социалистического хозяйства. Говоря иными словами, экономическая теория социализма в этом, втором, случае еще не достигает степени зрелости, присущей политэкономии развитого социалистического общества. Рекомендации, которые она дает для полного социализма, еще не отличаются высоким классом конкретности.

В соответствии со сказанным более правильной, на наш взгляд, следует признать формулу: «В. И. Ленин — создатель основ политической экономии социализма». Именно эта формула в настоящее время стала общепринятой. Нельзя не учитывать, что творческая деятельность Ильича прекратилась весной 1923 года, почти в самом начале переходного периода, задолго до полной и тем более окончательной победы социализма в СССР. Жизненный материал, которым располагал он для теоретических обобщений, был весьма ограничен как хронологически (несколько лет Советской власти), так и территориально (одна наша страна). Этим объясняется большая осторожность В. И. Ленина в подходе к формулировке экономических законов социализма (некоторые из них еще именовались им как принципы), а также относительная неразвернутость ряда принципиальных ленинских выводов о механизме действия экономических законов социализма. Вообще было бы неправильно требовать, чтобы уже в начале нэпа советская экономическая мысль раскрыла в достаточно полном виде систему экономических законов и категорий социализма и дала бы соответствующие количественные рекомендации⁴⁾. Формула «Ленина — создатель основ политэкономии социализма» — теоретически и исторически ценнее, действеннее, ибо открывает широкий простор, побуждает современных исследователей к усиленному творческому развитию теории социализма, допускает возможность существенных открытий в области

⁴⁾ Ибо, по справедливому замечанию Я. А. Кройрода, «наука как форма отражения действительности, не может возникнуть раньше и независимо от самой отражаемой действительности» («Вопросы экономики», 1964, № 12, стр. 76).

теории социалистической экономики, о которых великие учителя пролетариата не могли и предполагать. Из этой формулы вытекает, что творческая работа в области политэкономии социализма не сводится к устранению отдельных «незначительных недоделок», а требует капитальных исследований всех сторон и процессов развития коммунистического способа производства.

Творческий вклад Ленина в экономическую теорию социализма к настоящему моменту исследован довольно широко и конкретно ^{4а)}, что имеет чрезвычайно важное значение для решения новых практических проблем строительства социализма и коммунизма в СССР и других странах, а также для дальнейшего прогресса самой экономической науки и для борьбы с современным антикоммунизмом и псевдосоциализмом.

В данной главе не ставится задача раскрыть значение ленинской теории социалистической экономики в полном объеме; на всем имеющемся в зарубежной печати материале. Во-первых, это потребовало бы специального большого исследования, а во-вторых, в работах советских экономистов, посвященных критике современных псевдонаучных теорий социализма, величайшее значение ленинского наследия в указанном отношении доказано и продемонстрировано широко и убедительно^{4б)}.

^{4а)} Количество работ, посвященных анализу ленинских идей по вопросам переходной и социалистической экономики, насчитывается сотнями. Из крупных изданий укажем: «Основные вопросы политической экономии социализма в трудах В. И. Ленина», 1960; «Вопросы экономической теории в трудах В. И. Ленина», 1962; О. М. Васильев. Разработка В. И. Лениным плана построения социализма в СССР, 1965; Сб. «В. И. Ленин — великий теоретик», 1966; Сб. «Ленинские идеи живут и побеждают», М., 1961; Г. А. Козлов. О ленинском этапе политической экономии социализма. В сб.: «История экономических учений», М., 1965; «Развитие В. И. Лениным экономической теории социализма и коммунизма». Мысль. М. 1969, и др.

^{4б)} См.: И. Н. Дворкин. Критика экономических теорий правых социалистов (западногерманских и австрийских), М., 1959. «Правые социалисты — против социализма». Под ред. Л. Леонтьева. М., 1960; С. А. Хавина. Критика буржуазных взглядов на закономерности социалистического хозяйствования. М., 1968; Г. Б. Хромушин. Коммунистическое завтра и буржуазные мысли. М., 1962; И. В. Алешина. Фальсификаторы социализма. Лениздат, 1963; В. Ф. Цага. Современные псевдонаучные теории социализма. М., 1966.

Поэтому ограничимся минимумом необходимых замечаний и иллюстраций на эту тему.

В эпоху общего кризиса капитализма методы буржуазной апологетики и социальной демагогии претерпели изменение⁵⁾. Рухнула непоколебимая вера в механизм свободной конкуренции. Перестала убеждать догма о невозможности иной, чем капитализм, более эффективной системы общественного хозяйства. В значительной мере под влиянием так называемой «кейнсианской революции», в буржуазной политэкономии стали усиленно культивироваться идеи дирижизма, возрастания экономической роли буржуазного государства, получил теоретическое признание государственно-монополистический капитализм. На вооружение были взяты идеи «трансформации» капитализма, социалистическая фразеология, авторитет точных наук (математики); в борьбе против научного коммунизма, наряду с махрово-реакционным направлением, пышным цветом расцвело либерально-реформистское течение, использующее более «тонкие», замаскированные методы «ниспровержения» революционной идеологии.

Современный антикоммунизм, под каким бы внешним обрамлением он ни выступал, идеологически сводится к нескольким вариантам: либо это — попытка «доказать» невозможность, утопичность коммунистического строя, либо — утверждение, что нынешнее буржуазное общество уже не капитализм, почти не капитализм, а будущий строй — нечто отличное от капитализма и от социализма, либо, наконец, это фальсификация идеи социализма — псевдосоциализм и антисоветизм. Во всех случаях он преследует одну цель: защитить социальный порядок, угодный буржуазии.

Среди «теорий», стремящихся приукрасить современный капиталистический строй, выдать его за общество, изменившее свою природу, отвечающее интересам всех слоев населения, виднейшую роль играют теории «управленческого строя», «народного капитализма», «револю-

⁵⁾ См.: И. Г. Блюмин. Кризис современной буржуазной политической экономии. М., 1959, гл. I и II; Н. К. Каратаев. Есополитис — буржуазная политическая экономия. М., 1966, гл. III; А. И. Покровский, Г. П. Черников. Что такое неокapитализм? «Знание», М., 1967.

ции в доходах», «государства всеобщего благоденствия», «единого индустриального общества», «конвергенции» и др.

Идея «революции управляющих» использует тот факт, что в связи с развитием акционерной формы сами капиталисты непосредственно от управления производством отходят, доверяя это наемным директорам, управляющим. А поскольку во главе администрации оказываются не капиталисты, а управляющие, то говорят, что и социальный строй изменился — наступил «управленческий строй». Несостоятельность данной идеи легко разоблачается на основе марксистско-ленинского положения об отделении капитала-собственности от капитала-функции и о природе акционерных капиталистических компаний. За внешним фасадом оперативной самостоятельности наемных директоров скрывается действительное положение вещей, а именно то, что вершителем судеб акционерной компании остается в конечном счете предприниматель, обладающий «контрольным пакетом» акций: без его санкции управляющий, если только он сам не владелец «контрольного пакета», — не может принять ни одного важного решения. Природа капиталистического общества несколько не меняется из-за перехода функций управления к наемным лицам.

Миф о «народном капитализме»⁶⁾ опирается на вульгарную теорию «демократизации капитала» и положение Бернштейна о «диффузии» (рассасывании) собственности. Последнее гласит, что с развитием буржуазного общества концентрация капитала не возрастает; собственностью посредством распространения акций обзаводится все большее число граждан, превращающихся в мелких акционеров. Идеализируя мнимый демократизм акционерной системы, адепты «народного капитализма» догвариваются до утверждения, будто благодаря ее все трудящиеся смогут стать капиталистами и командовать производством и распределением доходов в своих интересах. Но современная капиталистическая практика не знает случая, чтобы рабочий или фермер, имеющий, скажем, 4—6 акций и получающий 40—60 долларов в

⁶⁾ Э. Брегель. Миф о «народном капитализме». М., 1958. Г. Фабийонке. «Народный капитализм» в теории и на практике. М., 1959.

год дивидендов, избавился бы от непосильного труда и встал на одну ногу с Морганам и Рокфеллерами. Оценка акционерной формы и теории «демократизации капитала», содержащаяся в трудах В. И. Ленина, не оставляет сомнений в вульгарном, апологетическом характере «народного капитализма»⁷⁾.

Буржуазная теория о «революции и доходах» (рабочие, мол, в последние годы становятся побогаче, а капиталисты — победнее) подкрепляется главным образом соответствующей «обработкой» статистических данных о распределении национального дохода. Формальный, неклассовый подход к рубрике «лица, живущие наймом», в которую попадает и рабочий с годовым доходом 1000—1500 дол. и директор компании с доходом 150—200 тыс. дол. в год, дает возможность сочинителям этой хилой «теории» (С. Кузнец) получить завышенную долю рабочего класса в национальном доходе и тем самым сделать выгодные для буржуазной апологетики выводы. В. И. Ленин в своих работах неоднократно бичевал статистические фокусы буржуазной науки⁸⁾. Руководствуясь соответствующими ленинскими положениями, критик-марксист с успехом опровергает данную «теорию» и показывает, что никакой «революции» в распределении национального дохода в послевоенный период ни в США, ни в других капиталистических странах не наблюдается⁹⁾.

Марксистскому учению о неизбежности грядущей победы коммунистического строя часть буржуазных идеологов противопоставляет теории «смешанной экономики», «общества-гибрида», «единого индустриального общества» и т. п.; утверждается, будто «действительное развитие» идет в направлении «третьего пути», помимо

⁷⁾ «Демократизация» владения акциями, — пишет В. И. Ленин, — от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже — социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии» (ПСС, т. 27, стр. 345).

⁸⁾ «Один и тот же материал, — писал В. И. Ленин; — дает диаметрально противоположные выводы при различных приемах группировки» (ПСС, т. 27, стр. 190).

⁹⁾ См.: Г. Б. Хромушин. Критика буржуазной теории «революции в доходах». МГУ, 1958.

капитализма и коммунизма. Однако ни одна из названных теорий не обеспечивает на самом деле «третьего пути». Как идея «смешанной экономики», так и идея «гибридного» общества (сочетающего в себе «лучшие черты» разных типов) несостоятельны, потому что не существует способа удержать в течение длительного времени должное равновесие между разными секторами хозяйства, тем более когда эти секторы антагонистичны. Если же учесть, что переход к новому состоянию мыслится при этом в виде постепенного, стихийного процесса, то станет ясно, что господствующее положение капиталистического сектора с самого начала не устраняется, и общество на деле, как бы его ни называли, остается в основе своей капиталистическим.

Столь же порочной в свете марксизма-ленинизма является теория «единого индустриального общества», базирующаяся на вульгарной теории «стадий экономического роста» В. Ростоу¹⁰⁾ Представляя гибридный продукт буржуазного механицизма и идеализма, эта «теория» отрицает важнейшее значение характера производственных отношений, форм собственности в жизни и развитии общества. Безусловно, определяющим фактором общественного прогресса является в конечном счете рост производительных сил. Но способ производства, лежащий в основе материальной жизни общества, не сводится лишь к определенному уровню производительных сил, тем более — техники; он включает непременно и определенный тип общественно-производственных отношений. Последние в силу их специфики временно могут отставать или даже опережать развитие производительных сил. Поэтому насквозь ошибочными, метафизическими являются попытки установить различие между общественными системами хозяйства непосредственно по степени развитости в них промышленности, техники. В таких «теориях» нельзя не видеть стремления элиминировать значение вопроса об изменении существующих форм собственности.

Буржуазные и реформистские концепции социализма в современных их вариантах ушли весьма недалеко от

¹⁰⁾ См.: И. М. Осадчая. Критика современных буржуазных теорий экономического роста. М., 1963.

идей, бывших на вооружении у врагов марксизма в конце XIX—начале XX вв. Поскольку они зиждятся на теории и методологии современной вульгарной политэкономии, переживающей кризис, им присущи все характерные черты последней: отрицание специфических законов социализма, отказ от качественного анализа производственных отношений, сползание на позиции прагматологии, поиски новых методов буржуазной апологетики, отождествление формы и содержания экономических категорий, эклектизм и т. п.¹¹⁾

Начать с того, что авторы псевдотеорий всячески утрируют понятие социализма и либо дают определение, под которое можно подвести едва ли не любой тип общественной организации, либо сближают социализм с тоталитаризмом (П. Сорокин) и государственно-монополистическим капитализмом (правые социалисты). Чего стоит, например, следующая формулировка: «Социализм может быть определен как экономическая доктрина, которая стремится к ограничению частного присвоения и контроля над собственностью, особенно в производстве товаров»¹²⁾. Но так как почти каждый общественный строй осуществляет известное «ограничение» и «контроль» в хозяйстве, специфика социализма утрачивается, и он может быть уподоблен любой общественной системе. По утверждению американского профессора Э. Виттакера, с точки зрения государственного экономического планирования древний Египет может быть хорошо сравнен с гитлеровской Германией, Италией Муссолини, сталинской Россией¹³⁾. Некоторые авторы моделей «социализма» старательно обходят при их конструировании реально существующий социалистический строй

¹¹⁾ Виднейшими «специалистами» по социализму, «советологами» являются в настоящее время: Р. Шлезингер, А. Ноув, П. Уайлс, Р. Кемпбелл, Г. Гроссман, М. Гольдман, А. Берли. Немало писали о «социализме» И. Шумпетер, В. Ростоу, Б. Бэквит; П. Сорокин, а также теоретики лейборизма в Англии (Коул, Джей, Стречи), правого социализма во Франции, Австрии.

¹²⁾ См.: *The American Journal of Economics and Sociology*. 1965. vol. 24. No 1, p. 48.

¹³⁾ E. D. Whittaker. *Schools and Streams of Economic Thought*, p. 384.

(П. Уайлс)¹⁴), другие трактуют реальный социализм лишь как крайнее выражение центрально управляемой экономики и т. д.

Тем, кто объявляет современный государственно-монополистический капитализм социализмом, не в бровь, а в глаз бьют следующие слова В. И. Ленина: «...самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной плановости, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать»¹⁵).

Если, далее, обратиться к «анализу» советской экономики, предпринимаемому «советологами», мы увидим, что в нашей действительности нет ни одного крупного явления, которое бы выпадало из поля зрения антикоммунизма и не истолковывалось бы в буржуазном или реформистском духе. Отдельные верные признания, наблюдения, встречающиеся в этой литературе, контрастно бросаются в глаза, ибо поток вымыслов, фальсификаций, недоброжелательства превалирует над всем.

Множество ученых «возражений» и полемических «острот» продолжает вызывать система централизованного планового руководства советским хозяйством. Так грубо, как прежде, теперь мало кто пишет, но мысль «доказать», будто плановое руководство хозяйством из единого центра неэффективно, проводится настойчиво и упорно¹⁶). Довод, которым оперирует при этом — архистарый: планирующий центр, мол, не способен опе-

¹⁴) Из семи моделей «социализма», приводимых в «Политической экономии коммунизма» американского профессора П. Уайлса, нет ни одной, отражающей реальный социализм. Автор, отмечает советский исследователь, свел все «к обобщению вульгарных трактовок социалистической экономики, не потрудившись хотя бы вкратце сказать, что же представляет собой действительный социализм, по законам которого живет третья часть земного шара» В. Ф. Цага. Критика современных буржуазных и правосоциалистических трактовок социализма и закономерностей его развития. Автореферат. Л., 1965, стр. 9. Е е же: Современные псевдонаучные теории социализма, М., 1966, стр. 46.

¹⁵) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68.

¹⁶) См.: В. Г. Смолянский. Критика буржуазных «теорий» о советском плановом хозяйстве. М., 1962.

ративно и точно учесть потребности всех людей и правильно, соответственно им, распределить труд и капитал между отраслями деятельности. К этому добавляют, что пока страна остается бедной, отсталой и речь идет об удовлетворении простейших потребностей, центральное плановое руководство еще как-то справляется со своей задачей, но с ростом общественного богатства и расширением круга потребностей не остается другого выхода, как вернуться к капиталистическим методам регулирования экономики¹⁷⁾. Правые социалисты к этому добавляют, что жестко централизованное планирование не оставляет места инициативе и расходится с интересами потребителей.

В трудах В. И. Ленина мы находим железное опровержение этих «доводов». Решающее значение имеет при этом положение о демократическом централизме как важнейшем принципе планового руководства социалистическим хозяйством. В. И. Ленин учил, что социалистический централизм, вытекающий с необходимостью из господства социалистической собственности на средства производства и руководящей роли пролетариата в обществе, нельзя понимать бюрократически, т. е. как действие только сверху, что наш централизм органически сочетается с демократизмом, с активным участием в управлении рядовых работников, мест¹⁸⁾.

Новизна самой проблемы соотношения централизма и децентрализации в управлении и планировании заставляла нашу партию решать ее подчас эмпирически, находить опытным путем наиболее эффективное их сочетание для каждого этапа развития СССР. Бывали периоды (положение страны как осажденной крепости),

¹⁷⁾ В экономически отсталых странах, пишет Э. Виттакер, государственное планирование экономики представляет более простую проблему, нежели в передовых странах, ибо «в богатом обществе... выбор (между товарами различного рода — М.Е.) становится менее простым» (См.: его «Schools and Streams of Economic Thought. Chicago, 1961, p. 390).

¹⁸⁾ Демократический централизм, писал В. И. Ленин, «нисколько не исключает, а напротив, предполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной, и общественной, и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией». (ПСС, т. 36, стр. 151—152).

когда обстановка заставляла резко усилить централизм планового руководства, ибо при острой нехватке ресурсов только таким путем можно было использовать их на решающих участках. В современных условиях, на основе решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) и XXIII съезда партии, конкретное решение данной проблемы принимает новый вид: значительно расширяются права союзных республик, местных органов, предприятия переводятся на полный хозяйственный расчет. Но это не означает, что упраздняется централизованное плановое руководство. Принцип демократического централизма является постоянным принципом руководства социалистическим хозяйством и при правильном его применении, как показывает опыт, открывает достаточно широкий простор для проявления инициативы предприятий, мест в развитии экономики.

Неудача вышеуказанного «довода» наших критиков против социализма объясняется тем, что плановый централизм они не представляют себе иначе, как бюрократический. Ничем не доказано, будто в период ликвидации экономической отсталости страны руководство хозяйством из единого центра осуществлять проще. Можно согласиться лишь с тем, что по мере роста народного хозяйства конкретное соотношение между централизмом и децентрализацией должно изменяться — истина, которая давно известна марксистам¹⁹⁾.

Ведя критику советской экономики, буржуазные и реформистские идеологи сплошь и рядом игнорируют качественное различие явлений, по форме соответствующих капиталистическим. Это относится не только к трактовке централизма, планирования (иные сторонники «планового» капитализма не прочь подчеркнуть, что планирование в капиталистических странах — почти такое же, что и в СССР), но и многих других категорий: государственной собственности, кооперации, товара, денег, зарплат, прибыли, экономических стимулов, дис-

¹⁹⁾ Часть буржуазных авторов признает «гибридную природу советской системы», которая «не вполне децентрализована и не вполне централизована» (R. W. Campbell. *Accounting in Soviet Planning and Management*. 1963, p. 258). Правильные замечания против бюрократической трактовки планового централизма в СССР делает французский марксист Шарль Беттльхейм (Charles Bettelheim. *Studies in the Theory of Planning*. Bombay, 1959, p. 40).

циплины, принуждения и т. д. Труды В. И. Ленина совершенно незаменимы в разоблачении антикоммунизма по этим вопросам.

Нет необходимости опровергать набившую оскомину буржуазную ложь о «рабах коммунизма», «варварских методах» советской дисциплины, об образовании и господстве «советской элиты» и т. д. Создается впечатление, что в последние годы эта ложь заметно понизилась в цене — слишком уж явно противоречит она фактам.

В вопросе о товарном производстве буржуазные экономисты в основном придерживаются того мнения, что у нас оно не является «настоящим», т. е. стихийным капиталистическим товарным производством; известное усиление внимания к товарно-денежным рычагам, повышение их роли в советском хозяйстве, наблюдающееся в СССР, трактуется ими как довод в пользу «сближения» социалистической системы с капиталистической (Уайлс) или ее перерождения (Р. Моссе). При этом они исходят из утверждения, будто согласно марксистской теории социализм — не товарный по своей природе тип экономической организации.

Действительно, у Маркса и у Ленина в работах до 1917 года имеются высказывания о том, что при социализме товарное производство отомрет²⁰). Но уже в произведениях, написанных в начале нэпа, Владимир Ильич окончательно делает вывод о необходимости длительного сохранения товарного производства и денег в эпоху диктатуры пролетариата в СССР, отмечает новое социальное содержание, заключенное в товарно-денежных инструментах, в социалистическом секторе хозяйства²¹).

²⁰) «Ведь для организации крупного производства без предпринимателей, — писал В. И. Ленин в 1894 году, — нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих» (ПСС, т. 1, стр. 253).

²¹) «Кумуннизм и торговля?!», — пишет Ленин в 1921 году. — Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия» (ПСС, т. 44, стр. 225).

В нашей экономической литературе до сих пор продолжается дискуссия о том, является ли социалистическое производство по своей внутренней природе товарным или нетоварным²²). Несмотря на эти разногласия, советские экономисты правильно и единодушно подчеркивают, что товарное производство в СССР не есть капиталистическое производство, что оно выражает социалистические производственные отношения, служит социализму, выступает той старой формой, которая является орудием «полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»²³).

Одним из модных «доводов» в пользу тезиса о восстановлении якобы в СССР капиталистических методов хозяйствования являются ссылки на «реабилитацию» у нас категории прибыли²⁴). Но, во-первых, в советской хозяйственной реформе речь идет не о «реабилитации» прибыли — прибыль в советском хозяйстве всегда признавалась, — а о повышении ее роли как экономического показателя работы предприятий, и, во-вторых, неправильно изображать дело так, будто увеличение прибыли социалистических предприятий противоречит целям наиболее полного удовлетворения жизненных потребностей трудящихся. В. И. Ленин, имея в виду надежды на отказ от прибыли с установлением господства пролетариата, симптоматично замечал: «Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет «общественные» потребности»²⁵). Советская страна, провозгласив хозяйственную реформу, нисколько не реставрирует капиталистические методы, а поднимает значение старых экономических форм, выражающих новое социальное содержание, поскольку они служат делу строительства социализма.

Несостоятельной в свете ленинского учения является и версия буржуазных экономистов о том, будто планомерное товарное производство не способно обеспечить «суверенитет потребителя». В действительности именно социализм, благодаря неуклонному росту покупатель-

²²) См.: «Экономические науки» 1967, № 4, статьи С. Кириллова и А. Еремина, стр. 19—36.

²³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 89.

²⁴) Foreign Affairs, 1962, vol. 40, No 4, p. 557.

²⁵) Ленинский сборник, № XI, стр. 381—382.

ной способности масс, реализует интересы потребителя лучше, чем анархическое капиталистическое хозяйство, подчиненное интересам частной наживы.

Много внимания современные антикоммунисты уделяют критике стимулов хозяйствования в СССР. Их основной тезис состоит в том, что советское хозяйство якобы не располагает равноценными с капитализмом экономическими стимулами развития производства. При этом указывается на отсутствие у нас частного интереса, конкуренции, на неэффективность принципа материальной заинтересованности в результатах труда — в силу того, что в наших условиях будто бы невозможно измерить точно затраченный труд и т. д.

Мы, марксисты, следуя учению Маркса-Ленина, отвечаем на это: да, при социализме не существует погони за частной наживой, как не существует и страшной угрозы разорения в силу конкуренции. Но зато при социализме нет и тех разрушений, потерь, которыми сопровождается капиталистическая конкуренция и анархия производства. Что касается принципа материальной заинтересованности, то, как показывает практика социалистических стран, при наличии правильных систем вознаграждения за труд, он в сочетании с новыми общественными стимулами (чувство советского хозяина, энтузиазм, соревнование и т. д.) обеспечивает такие темпы развития производства, какие недоступны капиталистической системе²⁶).

До сих пор «популярными» в буржуазной литературе остаются насмешки над коммунистическим принципом распределения по потребностям²⁷). Говорят, что люди — существа «ненасытные» по своей природе и если разрешить каждому брать кто сколько хочет, очень скоро общественное богатство будет растрянжирено. В работах Ленина дано убедительное, сохраняющее всю свежесть сейчас опровержение этого фальшивого «довода». «С точки зрения буржуазной, — пишет В. И. Ленин, — легко объявить подобное общественное уст-

²⁶) См.: М. Н. Лаптин. В. И. Ленин о материальных и моральных стимулах к труду. М., 1962.

²⁷) Критику их см.: С. Кириллов. Современные горе-критики принципов коммунистического распределения. «Экономические науки», 1963, № 1.

ройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою кобыстную защиту капитализма». И далее: распределение по потребностям, — подчеркивает В. И. Ленин, — «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»²⁸).

Постоянную «заботу» проявляют буржуазные идеологи об извращении результатов и темпов экономического развития СССР, причин успехов мирового социализма²⁹).

«Русское чудо» — превращение в течение жизни одного поколения отсталой России в могучую индустриальную державу — невозможно ни замолчать, ни отрицать. Этим объясняется известная «объективность» буржуазных экономистов, пишущих об экономических и культурных достижениях советского народа. Однако и здесь дает чувствовать себя отравленное жало антикоммунизма. Стараются «доказать», будто успехи СССР не есть результат новой социалистической системы хозяйства. Стараются убаюкивать буржуазное сознание мыслью, что если СССР имеет экономические достижения, то сам народ лишен должной «свободы» и «независимости». Например, Э. Виттакер заявляет: не правы те, кто полагает, что если бы русские подняли свой душевой выпуск выше, чем в Америке, то это могло бы продемонстрировать превосходство русской системы. Действительные возражения, которые большинство американцев имеют к русской системе, суть в том, что ей не хватает свободы... А политическая свобода не может быть

²⁸) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 97.

²⁹) См. критику этих извращений в работах: Л. Н. Сперанская. Экономическое развитие СССР и буржуазные вымыслы. МГУ, 1966; Э. П. Горбунов. Советские темпы и их буржуазные критики. М., 1961; С. А. Хейнман. Как буржуазные экономисты «сражаются» с советскими темпами. 1959.

измерена такой мерой, как стоимость³⁰⁾. Но чего стоит хваленая буржуазная свобода, наглядно показывает трагическая участь братьев Кеннеди, борьба американских негров и другие факты. Некоторые идеологи утверждают: «Коммунизм как идеологическая сила ослабевает» вследствие «усиливающегося противоречия между коммунистической доктриной и тяжелой экономической и политической действительностью» социалистических стран³¹⁾. Но в данном случае апологетам капитализма явно хочется желаемое выдать за действительное.

Современный антикоммунизм предпринимает активные шаги для идеологического наступления на мировую систему социализма, принижает итоги развития социалистических стран, фальсифицирует характер отношений, складывающихся между ними, стремится внести раскол в международное коммунистическое движение. На основе данных извращенной буржуазной статистики утверждается, будто темпы развития промышленности в странах «Общего рынка» и странах СЭВ различаются в пользу капитализма. Ведутся спекуляции по поводу недостаточно высокого жизненного уровня, который еще имеется в некоторых социалистических странах³²⁾.

Произведения Ленина дают нам надежные теоретические аргументы в опровержение всех этих антикоммунистических фальсификаций. За истекшие 50 лет развития СССР новая система хозяйства показала темпы, какие и не снились капитализму. Среднегодовой темп роста промышленности СССР за последний период в 30 лет составляет свыше 10%, тогда как в США он немногим более 3%. Средние темпы роста промышленности стран СЭВ более чем в полтора раза превышают темпы стран «Общего рынка». В этом сказываются крупнейшие преимущества планомерной организации производства, созданной современным социализмом.

³⁰⁾ E. Whittaker. *Schools and Streams of Economic Thought*, p. 392.

³¹⁾ *Foreign Affairs*. 1962, вол. 40 No 4, p. 553.

³²⁾ См.: Критика буржуазных и реформистских экономических теорий в трудах В. И. Ленина. М., 1966, гл. 6, стр. 351—369.

Лучшим и наглядным опровержением вымыслов об упадке «авторитета» коммунистической идеологии и коммунистического движения в современном мире служит празднование 50-летнего юбилея Советской власти, рост мирового коммунистического движения.

«Итоги Октябрьской революции, уроки истории неопровержимо свидетельствуют о преимуществах социализма перед капитализмом», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», — «Октябрьская революция стала колыбелью современного революционного мирового коммунистического движения, превратившегося в наши дни во влиятельную политическую силу в борьбе за революционное преобразование мира на социалистических началах»³³). О каком «упадке» коммунизма может идти речь, если во всем мире растут ряды организованных коммунистов, а отряды рабочего класса, ведущего борьбу под знаменем марксизма-ленинизма, насчитывают многие сотни миллионов! Путь, указанный марксизмом-ленинизмом, начатый Октябрем и конкретизированный в Программе коммунистической партии, — единственно правильная дорога трудящихся к свободе, счастью, благосостоянию.

В последние годы, в обстановке все возрастающего значения мировой системы социализма, усиления борьбы трудящихся против капиталистического гнета на первое место среди приемов и форм идеологических диверсий империализма выдвигаются методы «мягкого проникновения». Одним из наглядных свидетельств этого служит проповедь фарисейской идеи «конвергенции», согласно которой в ходе исторического развития будто бы происходит постепенное размывание различий между капитализмом и социализмом и вместо этих двух систем в результате их взаимного «сближения» образуется единый «средний» тип общества. «Истинные цели пропагандистов этой теории, — отмечал К. Т. Мазуров в докладе, посвященном 51-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — не вызывает сомнений. Проповедуя взаимное «сближение» социализма и капитализма, миф о соединении их в каком-то «едином

³³) «Коммунист», 1967, № 1, стр. 7, 10.

индустриальном обществе», буржуазия изошренно проводит **свою** классовую линию, линию на увековечение **своей** власти. Именно поэтому буржуазная пропаганда столь рьяно поднимает на щит, шумно рекламирует всевозможные «модели» так называемого «улучшенного», «либерального», «демократического», «национального» социализма»³⁴).

Явно на руку империализму, буржуазии играют псевдосоциалистические концепции современного «левого» и правого оппортунизма.

Рядясь в тогу «истинных марксистов-ленинцев», китайские сектанты на деле порывают с учением марксизма-ленинизма, ревизуют коренные научные положения о социализме и коммунизме, возрождают давно опровергнутые субъективистские, волюнтаристские взгляды, мелкобуржуазные идеи уравнительности, «замкнутого» хозяйства и т. п. Ленинские указания по вопросам социализма и его перерастании в коммунизм полностью опровергают маоцзедунизм в области экономической теории социализма.

Насквозь фальшивой, квазинаучной является и теория «рыночного социализма», исповедуемая правыми ревизионистами. Ее главные «устои» — признание государственной социалистической собственности лишь юридической категорией и курс на утверждение групповой «собственности предприятий», принижение роли централизованного планирования и развязывание стихии рынка, конкуренции, замена социалистического хозрасчета коммерческим расчетом, подмена цели социалистического производства целью отдельного предприятия и т. п. — означают не что иное, как отказ от принципов социалистической организации хозяйства. Вместо укрепления роли пролетариата в социалистическом обществе здесь фактически предлагается буржуазная демократия со «свободной игрой» политических сил, вместо социалистического принципа планового хозяйства — «свободное проявление экономических интересов».

«Все псевдосоциалистические «модели», возникающие в изобилии в последние годы, — говорит К. Т. Ма- зуров в упомянутом докладе, — имеют одну общую чер-

³⁴) «Правда», 7 ноября 1968 года.

ту. Они направлены против основных принципов социалистического строительства. Не приходится удивляться, что империалисты рукоплещут этому, с позволения сказать; «социализму», готовы даже гарантировать поддержку такого социализма»³⁵).

В самом деле. Сопоставление духа и буквы новейшей модели «рыночного социализма» со старыми буржуазными и реформистскими теориями со всей очевидностью показывает, что здесь мы имеем воскрешение откровенно оппортунистических идей «муниципального», «кооперативного», «демократического» социализма, а также гильфердинговской «внеклассовой» теории «хозяйственной демократии». О том, куда ведут все эти «теории» на практике, лучше всего свидетельствует провал попыток правых социалистов, пришедших к власти в капиталистических странах, обеспечить подлинное освобождение и благосостояние рабочего класса. Острые схватки пролетариев в этих странах с буржуазией и ее государством не только не прекращаются, а заметно учащаются и усиливаются.

Положения Ленина о социалистическом планировании, о демократическом централизме в управлении, его критика идеи передачи предприятий в групповую собственность коллективов предприятий как полном отказе от социализма и другие позволяют доказательно разоблачить антисоциалистическую в основе своей природу «рыночного социализма».

Приведенные материалы, несмотря на их сугубую краткость, ясно говорят о громадном значении ленинского идейного наследия для борьбы с современным антикоммунизмом и псевдосоциализмом. В арсенале буржуазных экономистов и реформистов в настоящее время, по существу, нет сколько-нибудь новых крупных идей и доводов, которые бы не опровергались на основе ленинского учения, обогащенного современным опытом коммунистического строительства в различных странах. Это еще раз показывает, что в лице В. И. Ленина наша партия и народ имеют великого учителя, вождя и соратника и в современной борьбе с любыми происками империалистической и реформистской идео-

³⁵) «Правда», 7 ноября 1968 года.

логии. Ленин — крупнейший непревзойденный крит экономических теорий псевдосоциализма. Идеи В. Ленина живут и борются вместе с нами, и задача новых поколений борцов за коммунизм — держать в чистоте ленинское учение, развивать его и умело применять в решении современных задач идеологической борьбы.

«Коммунистические партии, отмечает в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», — опираясь на ленинское идейное наследие, ведут большую творческую работу и непримиримо выступают против современной буржуазной идеологии, против правых и «левацких» искажений революционной теории. В этом — залог новых успехов мирового коммунизма».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Методологические позиции ленинской критики	7
Глава II. Разоблачение В. И. Лениным буржуазных извращений социализма	47
Глава III. Критика В. И. Лениным оппортунистических, мелкобуржуазных теорий социализма	69
Глава IV. Против зарождавшейся «советологии»	99
Глава V. Ленинское учение — незаменимое оружие в борьбе с современным антикоммунизмом и псевдосоциализмом	122

Михаил Павлович Евсеев

В. И. ЛЕНИН — КРИТИК ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМА

Томск, Изд. ТГУ, 1970, 144 с.

Старший редактор издательства **Л. Г. Мордовина**
Редактор **Л. П. Цыганкова**
Технический редактор **М. И. Раскевич**
Корректор **Н. И. Завацкая**

К300159. Сдано в набор 23/V-69 г. Подписано к печати 3/IV-70 г.
Бумага 84×108¹/₃₂; печ. л. 4,5; бум. л. 2,2; уч.-изд. л. 7,4
Заказ 2788. Тираж 600. Цена 74 коп.

Томск, Издательство ТГУ, пр. Ленина, 36.
Томск, Областная типография, ул. Советская, 47.

Цена 74 коп.

В. И. ЛЕНИН — КРИТИК ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМА

1970